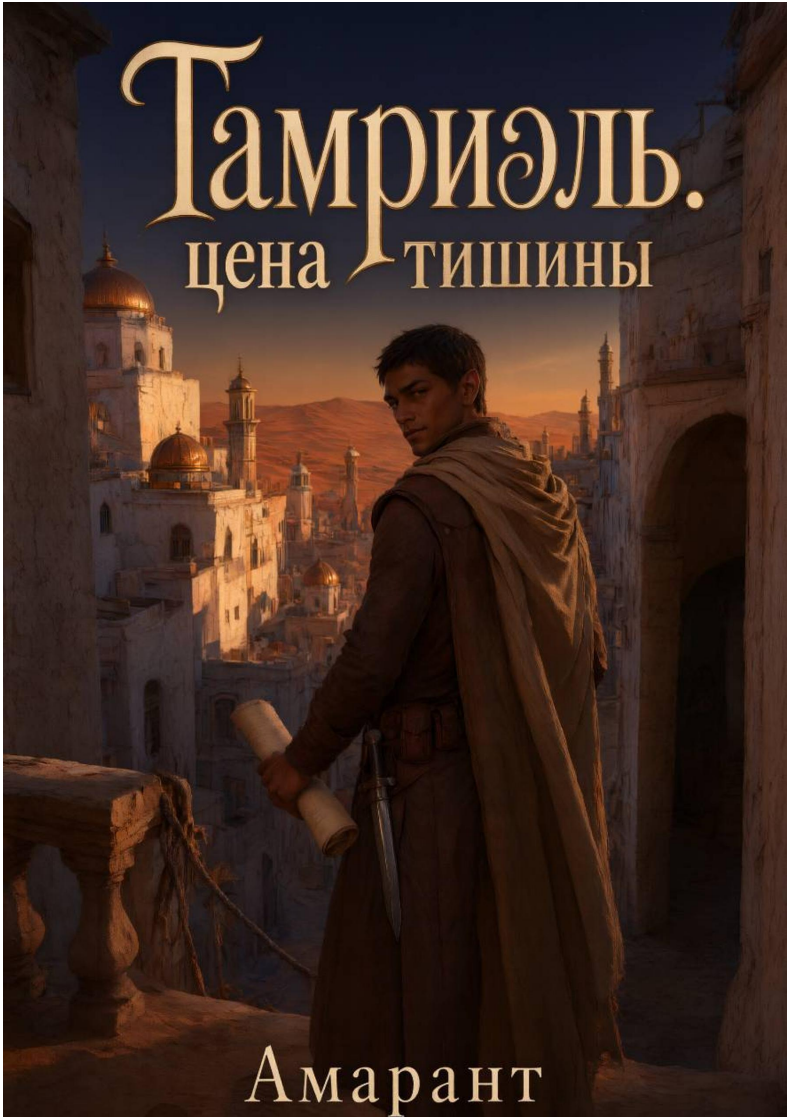

Тамриэль.
цена тишины
Амарант

Амарант Амарант

Тамриэль. Цена тишины

https://litres.ru/74710497
SelfPub; 2026

Аннотация

Сентинел, Хаммерфелл — город, где после Конкордата имперский приказ стоит дешевле медной монеты. Гладиэль, агент Пенитус Окулатус под маской бретонского торговца, прибывает вскрыть талморскую сеть, но в первый же вечер слежки за его стол садится женщина, которая знает его настоящее имя. То, что она предлагает, страшнее любого разоблачения: спуститься под засыпанный город, к печатям старше самой Йокуды.

Содержание

Пролог. Имя для чужой жизни 4
Глава 1. Медный Скорпион 21
Глава 2. Латунный поднос 38
Глава 3. Кровь на камне 53
Глава 4. Три стража 69
Глава 5. Цена верности 85
Глава 6. То, что вошло в кровь 99
Глава 7. Дом, которого нет на карте 111
Глава 8. Расколотый Клык 126
Глава 9. Чёрная монета 139
Глава 10. Вади-эль-Кхар 153
Глава 11. Учёный с чужим лицом 167
Глава 12. У огня 186
Глава 13. Расколотая Наковальня 205
Глава 14. Зал Эха 223
Глава 15. Возражение 239
Глава 16. Не двигайся 255
Глава 17. Три цепи 272
Глава 18. Кровь за кровь 287
Глава 19. Дорога на запад 300
Конец ознакомительного фрагмента. 303

Амарант
Тамриэль. Цена тишины

Пролог. Имя для чужой жизни

Имперский город. За три месяца до Сентинела.

Вода капала в медный таз за спиной инструктора. Каждый раз он чуть заметно морщился, хотя продолжал читать с прежним невозмутимым видом. Таз поставили на сложенный плащ; край ткани уже потемнел, и от него тянуло сырой шерстью. В архиве пахло пылью, кислым клеем и железом чернил. Над столом горела лампа с плохо подрезанным фитилём. Оранжевый язычок раздваивался при каждом сквозняке, бросая на карту два моих подбородка.

Здесь хранились донесения Пенитус Окулатус — имперской службы, которой поручали охранять государя и разыскивать угрозы его власти. Одни из наших стояли рядом с троном, других отправляли туда, где само признание в службе могло стоить головы. Меня готовили для второй работы. Поэтому чужие письма занимали в моём обучении не меньше места, чем чужие горла.

Я сидел вполоборота к двери. Левое колено упиралось в ножку стола; переставить стул мешал ящик с перевязанными делами. Бретон напротив успел прочесть одну и ту же стра-

ницу дважды. Я видел это по движению его пальца: дойдя до жирного пятна внизу, палец возвращался к верхнему краю.

— Если там написано, что я опоздал, — сказал я, — лучше сразу исправить. Я пришёл до колокола.

— Здесь написано, что вы готовы.

Он наконец поднял глаза. На виске у него прилипла белая нитка, вероятно от полотенца. Мне хотелось её снять. Подобные мелочи ужасно мешали уважать начальство.

— Тогда исправлять нечего, — сказал я, стараясь не показать, насколько ждал этих слов.

До сих пор готовность всегда означала следующее занятие, новую проверку, ещё одну неделю в комнатах, где мою ошибку замечали прежде, чем я успевал её исправить. Теперь перед инструктором лежал лист, после которого меня могли наконец отпустить. Я хотел, чтобы он убрал его в дело. Нитка на виске, капающая вода, собственное затёкшее колено — всё раздражало именно потому, что заставляло ждать. Бретон, должно быть, заметил моё нетерпение: взгляд задержался на мне, и я пожалел, что ответил так быстро.

Бретон отложил лист, вытер перо о тряпицу и накрыл чернильницу. Крышка не села с первого раза. Он повернул её, прижал большим пальцем и только после этого придвинул ко мне карту.

— Покажите, куда вас отправляют.

Я положил палец на Сентинел.

Порт на берегу Илиакского залива, у северо-западного

края Хаммерфелла. По другую сторону воды лежал Хай-Рок с его бретонскими королевствами; через залив ходили корабли, товары и люди, чьи дела редко помещались в таможенную опись. Для моей службы это означало множество следов. Для меня — множество чужих лиц, среди которых предстояло затеряться.

— А теперь уберите руку.

— Уже выполнил задание? Быстро.

— Под ногтем грязь. Карта чужая.

Я посмотрел на левую руку. Тёмная полоска действительно осталась после утренней возни с застёжкой наруча. Скрытый клинок ходил туго, и я смазал направляющую, прежде чем выйти. Стереть след оказалось проще, чем перестать ощущать его под ногтем.

Инструктор наблюдал, как я тру палец о внутреннюю сторону манжеты.

— В Хаммерфелле тоже придётся помнить, что вещи вам не принадлежат. Дома, колодцы. Люди, которых вы сочтёте удобными.

— Я понимаю, что нельзя просто прийти и потребовать.

— На занятиях понимаете. А когда вам отказывают, начинаете злиться.

Я хотел возразить: отказы на занятиях чаще всего придумывали только затем, чтобы я нашёл способ их обойти. Но он не дал мне договорить даже мысленно.

— Там вы не сможете ссылаться на меня. Придётся дого-

вариваться самому. И иногда уходить без того, за чем пришли.

Это последнее раздражало сильнее замечания о грязных руках. Я готовился выдержать допрос, не потеряться в чужом городе, заметить слежку. Уйти после обыкновенного отказа казалось уступкой, к которой меня не должны были готовить. Инструктор подождал, пока я уберу руку с карты; только тогда стало ясно, что разговор всё ещё идёт обо мне.

Он развернул второй лист. На нём не было красивых береговых линий, только столбцы имён и суммы. Несколько строк перечеркнули так старательно, что пергамент покоробился.

За дверью проехала тележка. Колесо скрипнуло трижды, затем кто-то выругался шёпотом. Я невольно повернул голову. В архиве всё происходило тихо, даже неприятности; после тренировочного двора эта тишина казалась притворством. У меня ещё ныли плечи, а под рубахой подсыхал пот. Хотелось есть. На краю стола лежала половина яблока, оставленная инструктором, и срез уже стал бурым.

— Прочтите первые две строки.

Я прочёл имена, количество тюков, цену перевозки. На полях стояли отметки другого писца.

— Что видите?

— Кто-то слишком дорого платит за дешёвую шерсть.

— Допустим.

— Либо в тюках что-то другое, либо оплачивают услугу,

которую неудобно вписывать в счёт.

— Либо составитель ошибся.

Я поднял взгляд.

— Вы собираетесь отправить меня через залив проверять сложение?

— Я собираюсь отправить вас выяснять. С выводами подождёте.

Он забрал лист прежде, чем я успел прочесть следующие строки. Бумага скользнула по шершавой карте, задев засохшую каплю воска. Мне показалось, что он доволен. Это было неприятнее открытого выговора: теперь я не понимал, где именно ошибся.

— Талмор использует посредников, — продолжил он. — Торговцев, перевозчиков, людей, для которых чужой спор стоит ровно столько, сколько за него платят. Вам нужно установить связи. Кто передаёт сведения, кто принимает, кто обеспечивает движение денег. При возможности сеть следует уничтожить. Но прежде вы должны узнать, что уничтожаете.

За словом «Талмор» стояла правящая сила Альдмерского Доминиона, южной державы, воевавшей с Империей. У неё были армии, посольства и собственные представления о том, кто должен распоряжаться Тамриэлем. Мне предстояло искать её там, где эти притязания принимали скромный вид торгового счёта.

— Имена получу?

— Получите то, что будет подтверждено к отправке.

— Значит, пока ищу дорогую шерсть.

— Пока учитесь не хватать первого человека с дурным счётом.

Я откинулся. Спинка стула болезненно нажала между лопатками. Бретон снова повернул карту, теперь так, чтобы север оказался ко мне боком. В этом движении было что-то нарочитое; я приготовился к вопросу о дорогах.

— Чья это земля?

— Хаммерфелл независим.

— Что это означает для вас?

— Имперский приказ там ничего не значит.

— Для местной стражи — возможно. Для человека, потерявшего дом на юге, он может значить довольно много. Только вам этот смысл не понравится.

Бретон провёл костяшкой пальца вдоль побережья. Чернила здесь выцвели; старую границу подправили поверх новой, и между линиями осталась узкая полоска земли, которую карта будто не знала кому отдать.

— Конкордат, — сказал я.

По Бело-Золотому Конкордату, завершившему войну с Доминионом, Империя соглашалась уступить юг Хаммерфелла. Редгарды отказались. Инструктор держал палец на побережье; за его ногтем скрывался целый город.

— И всё, что было после него. Отказавшись от Хаммерфелла, Империя оставила редгардам продолжать войну од-

ним. Вы можете перечислить потери, объяснить, в каком состоянии были легионы. Человек напротив всё равно вспомнит того, кто не вернулся.

— Мне приказано обсуждать с ними историю?

— Вам приказано не удивляться, когда они начнут обсуждать её с вами.

Он взял яблоко, посмотрел на потемневший срез и положил обратно. В таз упала очередная капля. Я обнаружил, что жду её вместе с ним, и разозлился на себя.

— Предки охотнее имеют дело с Империей, — сказал я. — Начну с них.

— Начнёте с людей, которые имеют дело с вашим торговцем. Смотрите на их поступки. Не решайте за них, что они обязаны любить вас из-за названия своей партии.

— А Короны?

Я помнил две колонки в учебной тетради. Предки: наследники воинов, первыми завоевавших для редгардов земли в Тамриэле, охотнее принимают имперские обычаи. Короны: потомки йокуданской знати, держатся старых порядков. Между колонками хватало одного росчерка. Инструктор, похоже, пытался объяснить, что на месте провести эту черту мне не дадут.

— Их обычаи не повод показывать своё остроумие.

— Вы сильно сужаете мои возможности.

— Я оставляю вам возможность вернуться.

Последнее он произнёс без нажима, разглядывая карту.

У его правой руки была заметно распухшая костяшка, и когда он попытался разгладить загнувшийся угол, пальцы на мгновение остановились. Я впервые подумал, что дождь может мешать ему по причинам, не связанным с протекающей крышей.

— Хорошо, — сказал я. — Я торгую. Слушаю. Не спорю о чужих предках.

— И о своих тоже.

Я перестал двигать ногой под столом.

Бретон поднял глаза лишь через несколько мгновений. В его лице не было любопытства; это помогло. Любопытство заставило бы меня ответить резко, а затем пришлось бы искать способ превратить резкость в шутку.

— Ваша легенда?

— Бретон. Из Даггерфолла. Торговец, обученный магии.

Бретонская личина позволяла выглядеть человеком и не скрывать способности к магии: у людей Хай-Рока сохранилась примесь эльфийской крови. А торговцу из портового Даггерфолла не требовалось объяснять, зачем он пересёк залив и оказался в Сентинеле.

— Почему уехал?

— Здесь лучше платят.

— Уже правдоподобно. Чем вы можете быть полезны человеку, который не покупает ваш товар?

— Могу помочь с замком. Проверить простое зачарование. Отпугнуть того, кто не собирается платить.

— Последнее не предлагайте первым.

Я усмехнулся. Он постучал ногтем по закрытому делу.

— Торговец может быть жадным. Может быть неприятным. Может приврать о достоинствах товара. Это люди понимают. Но он должен беспокоиться о вещах, которых вы пока не замечаете.

— Например?

— Вы уже спросили, кого можно завербовать. О цене воды не спросили.

— В городе её продают.

— А в дороге?

Я потянулся к кувшину на столе, налил себе немного и задержал чашку у губ. Бретон смотрел на воду. Я почти предложил ему выпить из чистого упрямства.

— Возьму проводника. Расспрошу тех, кто с ним ходил, прежде чем соглашаться.

— Хорошо. А бурдюки кто проверит?

Я опустил чашку. Теперь было ясно, к чему он ведёт. Утром я получил снаряжение, проверил крепление клинка и застёжки; вода меня не заинтересовала. Её наливали другие, как прежде раскладывали учебные карты и выдавали оружие. В этом здании можно было сердиться на чужую предусмотрительность и одновременно пользоваться ею, не замечая.

— Вы их уже смотрели? — спросил я.

— Смотрел. Один шов расходится. Заменят до отправки.

Он дождался, пока я поставлю чашку, и указал на неё коротким движением пальца.

— Вот это допейте. А там придётся наклоняться самому. Проверять швы, пробовать воду. Смотреть, как её берут местные, кому платят за колодец. Людям не понравится, если вы полезете с ведром вперёд них, а потом станете объяснять, что не знали порядка.

— Я понял.

— Пока только услышали. Запишите, когда закончим.

Я хотел сказать, что запомню и так, но он уже отвернулся к карте. Спорить означало потратить ещё несколько минут на собственную забывчивость. Я поднёс чашку к губам и выпил оставшееся.

Вода оставила на губах известковый привкус. Я облизнул их и подумал о жаре, которую пока знал по рассказам. Здесь холод проходил от каменного пола через подошвы; представить, что когда-нибудь я буду искать подобную прохладу, было трудно. На карте пустыня выглядела чистым светлым пространством. Даже надписи стояли редко.

— Бури? — спросил я.

— Укрытие выбирают до того, как перестают видеть дорогу. Лицо закрывают. От проводника не отходят ради лучшего вида. И никогда не полагаются на одну только тропу в песке.

Он помолчал, затем придвинул мне чашку, хотя я не просил.

— Допейте. Здесь ещё можно позволить себе забыть, что налили.

Я выпил. На дне осталась белая крупинка. Перевернув чашку, я стряхнул её в ладонь и растёр пальцами.

— Руины тоже предложите осматривать с разрешения владельца?

— Если владелец ещё способен его дать, вам повезло.

Бретон потянулся к нижней стопке и достал тонкую тетрадь в потёртой коже. На переплёте не было названия. Между страниц торчала полоска льняной ткани, и он раскрыл тетрадь именно там. Я увидел рисунок руки с поднятым клинком; возле острия были тесно вписаны поправки.

— Что вам известно об ансеях?

— Святые Меча. Йокуданские мастера. Шеай — духовный клинок.

— Из чего?

— Из воли. Из души. Смотря какой перевод вы считаете приличным.

— Сейчас меня устроит оба.

Йокуда была древней родиной редгардов, континентом за западным океаном, большую часть которого поглотило море. Вместе с переселенцами в Тамриэль пришло искусство певцов меча. Величайших мастеров называли ансеями — Святыми Меча. Их Шеай рождалась из собственной души воина; для такого клинка кузницей служили долгие упражнения и сосредоточение. Я понимал слова. Представить, как человек

берёт в руку часть себя, было труднее.

Он повернул рисунок ко мне. Клинок был изображён двойной линией; художник попытался передать сияние мелкими штрихами, и получилось похоже на пламя, застывшее против ветра. Лицо владельца оставили пустым. От этого я дольше смотрел на пальцы, обхватившие рукоять, которой на рисунке почти не было.

— Призванное оружие я видел, — сказал я.

— Поэтому и спрашиваю. Не хватайтесь за первое знакомое объяснение.

— Вы полагаете, я встречу Святого Меча в порту?

— Я полагаю, вам продадут много историй. Одни захотят ваших денег. Другие — чтобы вы подошли ближе.

Он закрыл тетрадь ладонью, оставив палец между страниц.

— Если вам покажут клинок, который называют Шеай, выясните, кто его держит. Если никто — отойдите.

— На сколько шагов?

— Пока перестанете считать нужным задавать вопросы.

Я хотел улыбнуться, но он не дал мне времени.

— Это предупреждение из наших материалов. Я не стану уверять, будто понимаю всё, что в них описано. Возможно, свидетель ошибся. Возможно, предмету дали чужое имя. Вам не поручено выяснять это собственной рукой.

— А если он окажется полезен?

— Запомните место.

— И оставлю тому, кто придёт следом?

Бретон убрал палец из тетради. Переплёт тихо хлопнул.

— Вы ещё даже не получили задание целиком, а уже делите находку.

Мне не понравилось, что он заметил это так быстро. Разглядывая закрытую тетрадь, я поправил манжету и выдержал паузу, какую он обычно оставлял перед выговором.

— Я уточняю пределы полномочий.

— Тогда запомните: такие предметы в них не входят.

Он поднялся, придерживая край стола. Я тоже встал и с удовольствием распрямил ногу. В колене неприятно кольнуло. Инструктор собрал листы, оставил карту сохнуть под двумя грузиками и взял лампу. В свете снизу морщины возле его рта стали глубже.

— Пойдёмте. На сегодня осталось ваше лицо.

* * *

В соседней комнате было теплее. Под железной решёткой жаровни белела зола, поверх неё лежали два ещё красных угля. У стены стоял сундук с одеждой; крышка упиралась в полку, заставленную пустыми коробками. Пахло нагретой кожей, лавандой от моли и вчерашним дымом. Сквозь мутное окно проходил серый свет. На подоконнике лежала корка хлеба, усыпанная мелкими следами мышиных зубов.

Инструктор повесил лампу на крюк возле зеркала. Серебрение местами облезло, и левую сторону моего лица пересекало тёмное пятно. Я приблизился, проверяя отражение. В

зеркале эльфийские черты были заметнее, чем мне хотелось: я слишком долго смотрел на них в пустом помещении, где ничто не отвлекало глаз.

— Достаточно, — сказал бретон.

— Я ещё ничего не сделал.

— Вот именно. Начинайте.

Я выдохнул, ослабил челюсть и позволил магии лечь поверх знакомых очертаний. Пришлось не торопиться. У висков возникло лёгкое натяжение, будто мне завязали на голове слишком узкую повязку. Отражение изменилось; я повернул голову, проверяя ухо, затем скулу.

Иллюзия позволяла обманывать чужое восприятие. Моё заклинание оставляло кости и кожу прежними, меняя то, что видел наблюдатель. Я мог по-прежнему нащупать собственные черты под одолженным лицом. Хорошая легенда требовала помнить об этом даже тогда, когда зеркало соглашалось со всем, что я ему показывал.

Инструктор молча протянул мне бурый жилет.

— Это тоже часть заклинания?

— Одежда вашего торговца. Надевайте.

Я надел жилет. Подкладка цеплялась за рукава, под мышкой обнаружился грубый шов. Вещь была добротная, поношенная, с заменённой нижней пуговицей. Я застегнул её и сразу захотел поправить посадку.

— Оставьте, — сказал бретон. — Подойдите к столу. Сядьте. Теперь попросите меня заплатить долг.

Я сел, выдвинул левую ногу и посмотрел ему в глаза.

— Вы задержали платёж.

— У меня больная жена.

— Сочувствую. Деньги всё равно нужны.

— Свободная рука где?

Я опустил взгляд. Правая ладонь лежала слишком близко к противоположному запястью.

— Вы собирались предложить должнику клинок, — сказал он. — Не удивляйтесь, если тот позовёт стражу прежде, чем вы договорите о процентах.

— Я просто положил руку.

— Она легла знакомым способом. Попробуйте ещё раз.

Я разжал пальцы, положил обе ладони на стол. Доска была тёплой со стороны жаровни и холодной у края. Под большим пальцем чувствовалась выбоина.

— Вы задержали платёж. Я могу подождать до утра, если сейчас вы покроете хотя бы расходы на склад.

— Не могу.

— Тогда покажите товар, который остался. Мне придётся решить, что забирать.

Бретон кивнул, хотя выражение его лица осталось недовольным.

— Уже человек, с которым можно торговаться.

Я сохранил на губах улыбку. От удерживаемой иллюзии ныло между бровями, хотелось потереть лоб, но я знал, что он заметит. Вместо этого провёл пальцем по краю стола, буд-

то прикидывал стоимость самой мебели. Инструктор следил за рукой.

— Если меня возьмут, — спросил я, — кто будет торговаться за меня?

Он не сразу ответил. За стеной снова заскрипела тележка; на этот раз её толкали без ругани.

— Мы не сможем признать, что вы работаете на нас.

— Связной?

— Его работа не в том, чтобы подтвердить ваше признание.

— Значит, имени службы не произносить даже тогда, когда его уже знают.

— Особенно тогда.

Я посмотрел на своё отражение. Чужой мужчина сидел вполоборота, держал руки на виду и вполне мог задолжать за склад. Я попробовал представить его на допросе. Получалось хуже, чем хотелось: первым я замечал удобную высоту стола, расстояние до двери, тяжёлую лампу на крюке. Всё, что можно было использовать, если перестать торговаться.

— Вы понимаете, что произойдёт? — спросил инструктор.

— Империя отречётся.

— Не рассчитывайте, что это будет только формальностью.

— Я рассчитываю не попадаться.

Он устало потёр распухшую костяшку.

— На это рассчитывают все. Я спрашиваю, понимаете ли вы, что произойдёт, если не получится.

Мне вдруг захотелось спросить, скольких из этих всех он помнил по именам. Вопрос уже был готов, неприятный, точный. Я придержал его. У бретона оставалось право не отвечать, а мне не хотелось услышать вежливую ложь.

Он протянул чистый лист.

— Запишите замечания к легенде. Что придётся проверить, чего не хватает. Своей рукой.

Я взял перо. Первая буква вышла слишком твёрдой, нажим почти прорезал бумагу. Пришлось ослабить пальцы. За окном зазвонил колокол, и в тёплой комнате стало слышно, как по стеклу стекает дождь. Я записал вопросы о товаре, стоимости перевозки, жилье. Добавил бурдюки.

Бретон подошёл к двери.

— Тарасиэль.

Я поднял голову.

— Торговец не обязан всем нравиться. Не старайтесь сделать его лучше себя.

— На это и времени не хватит.

На этот раз он усмехнулся. Я вернулся к листу, удерживая чужое лицо, и продолжил писать. Под манжетой привычно лежал клинок. Жилет тянул под мышкой. Я уже знал, как сяду в нём за стол и куда положу руки, чтобы хозяин таверны увидел только усталого покупателя.

Глава 1. Медный Скорпион

Песок добрался до похлёбки раньше меня.

Я провёл ложкой по дну, почувствовал мелкий скрежет и посмотрел на трактирщика. Тот стоял рядом, прижимая к животу пустой поднос. На его голой голове осела рыжеватая пыль; в складке над ухом она смешалась с потом и потемнела.

— Это приправа? — спросил я.

Он заглянул в миску.

— Это погода.

— За неё тоже берёшь?

— Пока нет. Но ты подал хорошую мысль.

Он потянулся забрать миску. Я положил ладонь на край: возиться с заменой не хотелось, а пустой стол привлекал внимание. В «Медном Скорпионе» ели, пили, курили, ругали ветер. Человек, который только сидел и смотрел, быстро становился интереснее собственных занятий.

— Оставь. Хлеб накрой чем-нибудь.

Трактирщик снял с плеча полотенце. Я посмотрел на жирное пятно посередине.

— Чем-нибудь другим.

— Чистая сторона есть.

— Я уверен, что когда-то была.

Он хмыкнул, принёс небольшую глиняную крышку и по-

ставил поверх хлеба. Запомнил меня как привередливого чужеземца. Это было приемлемо.

Моя ниша помещалась между толстой опорой и стеной, выкрашенной в тёплый охристый цвет. Там, где посетители прислонялись плечами, краска стёрлась до тёмного основания. Под столом лежал обрывок тростниковой циновки; правая ножка стула вязла в нём, если я двигался слишком резко. Над головой висел медный скорпион величиной с ладонь. Одну клешню ему отломили, зато загнутый хвост сохранился и направлялся прямо мне в темя.

Через щель в ставне тянулась струйка песка. Она пересекала слабый свет фонаря, исчезала в дыму и ложилась на ближайший стол. Двое возчиков уже пересели оттуда к стене и теперь спорили с третьим о месте на скамье. Возле жаровни шипело масло. От кухни шёл запах лука и пережаренного жира, от кальянов — сладкий табачный дым, от плащей у входа — застоявшийся пот.

Я вдохнул неглубоко. Под воротом чесалось; пришлось удержаться от желания просунуть туда пальцы и провести ногтями по коже. Моё лицо оставалось лицом бретонского торговца. Усталого, раздражённого ценой обеда, достаточно обеспеченного, чтобы выбирать место, но не настолько, чтобы требовать отдельную комнату.

— Долго это? — спросил я, кивнув на ставни.

Трактирщик не стал притворяться, будто понял вопрос о похлёбке.

— До вечера. Может, до утра.

— На пристани говорили, стихнет к полудню.

— На пристани хотят, чтобы ты забрал свой груз.

— А здесь хотят, чтобы я заказал ещё.

— Видишь, какой понятный город.

Он поправил крышку на хлебе и посмотрел на мою почти нетронутую кружку.

— Если ждёшь человека, пусть сам тебя ищет. Сейчас из-за каждого опоздания к двери бегать — весь зал песком засыплют.

— Я жду, когда перестанет хрустеть на зубах.

— Тогда бери ещё эля.

Я придвинул кружку ближе. Трактирщик понял и оставил меня в покое.

Варен Дрело сидел посередине зала, через два стола от моей ниши. Его зелёный пояс был завязан слишком туго: под складками рубахи выступал живот, и время от времени торговец незаметно оттягивал ткань двумя пальцами. Перед ним стояли тарелка, кувшин и маленькая чашка. К еде он почти не прикасался.

Золотая монета проходила между его пальцами, скрывалась в кулаке, появлялась снова. Когда ветер ударял в дверь, Варен зажимал её и поднимал голову. Дверь оставалась закрытой. Он разжимал кулак.

По полученным сведениям, сегодня он должен был передать шифр человеку талморской сети. Через таких по-

средников из Хаммерфелла уходили древности и сведения о местах, где можно было добыть следующие. Мне требовалось увидеть получателя, запомнить передачу и проследить связь дальше. Дрело сочувствовал Предкам; насколько далеко простиралось это сочувствие и мешало ли оно брать чужие деньги, мне ещё предстояло выяснить.

Я отломил хлеб под крышкой, стараясь не смотреть на него постоянно. Следил за монетой боковым зрением. Варен вытер ладонь о бедро, снова взял золото. Металл коротко блеснул.

Если он собирался подать знак, то делал это слишком часто.

За соседним столом стукнули кружкой. Возчик обернулся, огрызнулся на кого-то, заслонив мне середину зала. Я поднёс ложку ко рту и дождался, пока он сядет. Похлёбка была густой, солёной; между зубами всё-таки попала песчинка. Я осторожно сдвинул её языком.

Напротив Варена уже сидела женщина.

Я не заметил, как она подошла. Это сразу испортило мне настроение.

Капюшон скрывал её лицо. По нижнему краю плаща налипла грязь, которой здешняя сухая буря объяснить не могла. На плече темнело пятно, похожее на след от лежавшей долго мокрой верёвки. Женщина придвинулась к столу, положила локти так, будто собиралась греть руки над чашкой.

Варен перестал перекатывать монету.

Я опустил ложку в миску. Её край звякнул о глину, и этот звук показался мне неприлично громким.

Женщина вынула из-под плаща небольшой кристалл. Тусклый зелёный свет обозначил складки её пальцев, прошёл по столешнице и лёг на запястье Варена. Торговец отодвинулся. Лавка под ним скрипнула.

Он что-то сказал. Я различил движение рта, короткое качание головы; слов не услышал. Женщина ответила, наклонившись ближе. Варен замер с приоткрытыми губами. Рука с монетой опустилась на стол.

От камня к подбородку Варена протянулась зелёная нить и переломилась под прямым углом. Её пересекла вторая; в воздухе повисла косая решётка, сквозь которую свободно шёл дым. Лицо торговца за узкими ячейками вытянулось, как отражение в кривом стекле.

Потом линии пропали.

Я медленно выдохнул носом. Под ложечкой стало холодно.

Женщина поворачивала кристалл, едва заметно меняя положение пальцев. При каждом движении у меня возникало ощущение, будто кто-то проводит ногтем по внутренней стороне зубов. От стены за плечом шла слабая дрожь. Она могла оказаться всего лишь ветром. Я отстранился от штукатурки — дрожь осталась в костях.

Женщина смотрела на Варена, но корпус держала развёрнутым к моей нише.

Я занял правую руку кружкой. Прикосновение к влажной глине помогло сосредоточиться. Пальцы у незнакомки были спокойны. Грудь под плащом поднималась размеренно. Она не проверяла дверь, не искала взглядом свидетелей. Зато после каждого поворота камня слегка склоняла голову, прислушиваясь.

Варен больше не участвовал в происходящем.

От него ждали, чтобы кто-нибудь встревожился.

Я почувствовал собственный пульс в ладони, прижатой к кружке, и наконец понял, куда направлен этот поиск.

Женщина подняла лицо.

Под капюшоном обнаружились глаза без зрачков. Мутноватые, цвета старого пергамента, с узкой полоской влажного блеска вдоль нижних век. Я попытался рассмотреть, куда именно она смотрит, и получил белую вспышку боли в обоих висках.

Кружка качнулась. Я успел поставить её на стол, прежде чем пальцы ослабели.

Во рту появился вкус меди, затем горький привкус пепла. Из правой ноздри потекло тёплое. Я прижал к носу костяшку пальца и увидел кровь. Первая капля уже упала на воротник.

Женщина улыбнулась.

Я вытер губу, оставляя ладонь у лица, словно откашливался после дыма. Хотелось зажмуриться, переждать боль. Я заставил себя смотреть. Встать сейчас означало показать, что она попала куда целилась. Остаться — позволить ей по-

дойти.

Она решила за меня.

Кристалл остался возле тарелки Варена. Торговец медленно согнулся; лоб ударился о край посуды, и лицо опустилось в еду. Кто-то за соседним столом коротко засмеялся, приняв это за обычный итог выпивки. Женщина уже шла через зал.

С её приближением запах кухни испортился. Сквозь жареный лук проступила сладковатая гниль, за ней — металлическая резкость, от которой опять свело зубы. Я сглотнул. Кровь попала в горло.

Она остановилась у моего стола, не спрашивая разрешения. Тень капюшона легла на миску.

— Ты пахнешь пылью затонувшего континента, мальчик.

Её губы не двигались.

Я услышал слова так близко, как слышал собственную мысль, когда просыпался с готовым ответом на вчерашний вопрос. Захотелось повернуть голову, проверить пространство за ухом. Я удержался.

— Или ты предпочитаешь, чтобы я называла тебя канурай?

Канурай — леворукие эльфы древней Йокуды. Мой народ. Предки нынешних редгардов воевали с нашими, и в их преданиях нам осталось место побеждённого врага, давно исчезнувшего из мира. Я не собирался исправлять эти предания собственным появлением. Женщина только что произнесла

то, что моя человеческая маска должна была скрывать.

Трактирщик прошёл мимо с полным подносом. Я видел, как у него напряглись пальцы, удерживая тяжесть. Он даже не замедлил шаг.

Незнакомка опустилась на свободное место напротив.

— Сядь прямо. Нам нужно поговорить, пока тобой не заинтересовались люди Корон.

Я сдвинул колено, освобождая место под столом. Левой рукой нашёл рукоять ножа у пояса. Плащ прикрывал движение; ткань не натянулась, ножны остались прижаты бедром. Сталь бесшумно вышла, и я уложил клинок вдоль ноги остриём от себя.

Женщина смотрела на кровь у моего воротника.

— Что ты сделала с Вареном? — спросил я тихо.

Слова пришлось проталкивать через пересохшее горло. Незнакомка наклонила голову, словно мой вопрос был неожиданно любезным.

— Он спит.

— Он ударился лицом о тарелку.

— Это бывает со спящими.

— Обычно до этого они хотя бы пьют.

Я положил правую руку рядом с кружкой. Левую держал неподвижно. Лезвие касалось ткани у колена, и мне нравилось знать точное положение хотя бы одной опасной вещи в этой комнате.

— Его душа немного приподнята над телом, — произнес-

ла она внутри моей головы. — Достаточно, чтобы он не мешал. Когда всё закончится, он вспомнит крепкий эль и скучный вечер.

— Ты уверена?

— Тебе нужен живой Варен?

— Мне нужны ответы. Начни с камня.

Она коротко взглянула на соседний стол. Я проследил за её взглядом. Зелёный свет то появлялся, то почти исчезал; пальцы Варена лежали рядом, всё ещё сжимая монету. Его плечо едва заметно двигалось. Дыхание, вероятно. С такого расстояния я не мог убедиться.

Шум зала отступил. Я продолжал видеть, как спорят возчики, но голоса стали глухими, будто между нами повесили несколько мокрых одеял. Даже стук ставни теперь ощущался скорее кожей, чем слухом.

— Что это за кристалл? — повторил я. — Я чувствую в нём силу Инжениума.

В свидетельствах об Инжениуме людей называли топливом. Машина питалась душами; когда-то такой ценой удерживали скалу над Вивеком, городом тёмных эльфов. Мне показывали только записи, никогда само устройство. Сейчас я смотрел на неподвижного Варена и пытался понять, спит ли он ещё — или уже на что-то расходуется.

Я высказал догадку. Мерзкое ощущение в зубах не делало её доказательством.

Она перестала улыбаться.

— Чувствуешь, — повторила женщина. — И умеешь назвать. Империя бывает полезна даже в том, как обучает своих собак.

У меня похолодела спина под влажной рубахой. Она произнесла это без попытки проверить, вздрогну ли я.

— Если собираешься торговаться, — сказал я, — начни обращаться с покупателем вежливее.

— Мне не нужен покупатель.

— Тогда ты ошиблась столом.

Она склонилась ближе. Под плащом шевельнулась её правая рука. Я немного изменил хват ножа.

— Мне нужен проводник, Тарасиэль.

Собственное имя прозвучало хуже угрозы. Я знал лица людей, которым позволял его слышать. Этого лица среди них не было. Пальцы стиснули нож так, что заболел сустав. Мне пришлось разжать их по одному: ещё мгновение — и я выдал бы движение под плащом.

— Кто тебе сказал?

Она оставила вопрос без ответа. Мне было трудно выдержать её молчание: хотелось повторить громче, потребовать имя, поймать хотя бы намёк на знакомого человека. Я почти не помнил, как выглядит со стороны торговец, которым ещё минуту назад удачно притворялся. Незнакомка могла знать всё; могла знать только несколько сведений, достаточных, чтобы я сам выдал остальное. Пока я пытался различить эти возможности, она спокойно ждала. Эта выдержка злила

сильнее самого вторжения в голову.

— Я не стану обсуждать с тобой проходы, пока ты не ответишь, — сказал я.

Она посмотрела на ножевую руку под столом. Или мне показалось, что посмотрела: плащ скрывал и руку, и клинок. Проверять это движением я не решился.

— Камень помогает искать то, что погребено под городом. Старые печати. Проходы, о которых нынешние хозяева даже не помнят. Ты почувствовал их отклик?

— Я почувствовал, как у меня пошла кровь. Ты этого добивалась?

— Мне нужно было убедиться.

Она произнесла это без удовлетворения, как объясняют испорченную вещь, которую не собираются оплачивать. Во рту всё ещё стоял привкус крови. Я сглотнул и заставил себя убрать правую ладонь от лица. Пока я вытирал нос, ей было удобно смотреть, как я терплю.

— В следующий раз предупреди.

— Ты позволил бы?

Я не ответил. Не позволил бы, и она это знала. Но мне требовалось хотя бы произнести запрет, прежде чем мы заговорим о том, чего она хочет дальше.

— А когда подойду ближе? Ты знаешь, что со мной случится?

Она чуть пожала плечами.

— Ты привык прятать происхождение. Я предлагаю им

воспользоваться.

Она говорила о моей крови с деловитостью человека, выбирающего инструмент. Я посмотрел на тонкую шею над воротом плаща. Взять её за ткань, притянуть через стол, ударить снизу. Расстояние позволяло. Что после этого сделает кристалл, я не знал. Что станет с Вареном — тоже. И я всё ещё не понимал, слышит ли она мысли или только говорит в них.

Я заставил себя рассматривать её руку.

— Там есть защита, — продолжила женщина. — Чужака она не пропустит. Твоя кровь нарушает её работу. Мне нужно, чтобы ты прошёл первым и позволил пройти мне.

Охранная печать могла запирать проход, предупреждать хозяина или поражать того, кто приблизился без разрешения. Заклинанию не требовался стражник рядом: его оставляли на двери или в камне. Сколько оно проживёт после создателя и кого сочтёт чужаком, приходилось выяснять отдельно. Я очень не хотел делать это грудью.

— Ты уже пробовала?

— Иначе не тратила бы вечер на тебя.

— С кем пробовала?

Она выпрямилась.

Внезапно я снова услышал зал: протяжный кашель у жаровни, шарканье подошв, звон посуды. Рядом кто-то втягивал дым так шумно, будто пытался высосать из трубки последний воздух. Женщина заговорила вслух. Голос оказался

хриплым, ниже того, который я слышал внутри головы.

— Ты откроешь мне путь. В обмен стража не узнает, кто сидит под этим удобным лицом.

Она говорила негромко, но теперь каждое слово приходилось слушать вместе с шумом зала. Трактирщик был неподалёку. Я не знал, сколько он может расслышать, и это делало угрозу убедительнее крика.

— Убавь голос, — попросил я. — Тебе ведь тоже придётся отвечать на вопросы. Варен всё ещё лежит лицом в тарелке.

— Сначала займутся имперским агентом.

— Возможно. А если захотят посмотреть тебе в глаза? Ты уверена, что тебе позволят уйти?

На этот раз я не пытался улыбнуться. Если она решит позвать стражу, нож придётся пустить в дело, и мне очень хотелось, чтобы она увидела это без лишних обещаний. От моей гибели ей не было пользы. От её гибели мне — тоже, пока я не знал, что делать с камнем. Хоть в чём-то мы должны были договориться.

Её пальцы замерли под плащом. Я заметил это и позволил себе медленно отодвинуть миску. Между нами освободилось место.

— Прежде чем решать, помогать тебе или сдохнуть вместе с тобой в этой таверне, я должен знать, что ты собираешься открыть. Назови цель. Потом обсудим цену.

Она смотрела на меня достаточно долго, чтобы боль в висках успела вернуться отдельными тупыми толчками. Я не то-

ропил. Снаружи ветер протянул по ставне что-то тяжёлое; дерево заскребло, один из возчиков оборвал разговор.

— Ты плохо понимаешь своё положение, — сказала она наконец.

— Я понимаю, что тебе нужен живой проводник, способный идти. Остальное ты пока только обещаешь.

Она опустила взгляд на мою кружку. Я почти ожидал, что она возьмёт её, и почему-то заранее почувствовал отвращение.

— Первая Шеай, — произнесла женщина.

Меч, который ансей создавал из собственной души. О таком мне рассказывали, но «Первую Шеай» не упоминали ни разу. Я попытался вспомнить, говорил ли инструктор о клинке, способном пережить владельца.

Я не сразу ответил.

— Чья?

— Её связывают с Франдаром Хундингом. По преданию, клинок был создан ещё до гибели Йокуды.

Хундинга, йокуданского мастера и автора «Книги Кругов», здесь почитали столетиями. Ссылаясь на него, она могла рассчитывать и на уважение к древнему мечнику, и на то, что я перестану задавать неприятные вопросы.

— И лежит под таверной?

— Под городом. Таверну построили гораздо позже.

Я попробовал усмехнуться, но пульс ударил в висок. Пришлось переждать, прижав язык к нёбу.

— Хозяин будет рад узнать, чем может оправдать цены.

Она не улыбнулась.

— Этот меч способен разрезать охранные печати. Но сперва нужно попасть в склеп, где он хранится. Для этого мне нужен ты.

Я посмотрел на свои пальцы, лежавшие возле миски. Кровь засохла в складке у ногтя. Подземелье, древний клинок, необходимость приблизиться к нему — всё это требовало слишком многих решений сразу. Я помнил предупреждение инструктора и старался не возвращаться взглядом к зелёному камню.

— Живой носитель у него есть?

— Мне нужен клинок.

— Это не ответ.

— Это всё, что тебе требуется знать для начала.

Я покачал головой. Она проследила за движением с явным раздражением.

— Камертон сделан из осколка Инжениума, — добавила она. — Он настроен на то, что осталось внизу. Ты уже отозвался. Я искала не случайного покупателя древностей.

Обычный камертон задавал чистый звук, по которому настраивали инструмент. Здесь, судя по её словам, камень помогал искать отклик скрытой магии. В этой настройке участвовал и я: поворот кристалла отзывался в зубах, следующий мог снова пустить кровь.

Слова об осколке могли оказаться ложью, рассчитанной

на мой интерес. От этого камень не становился менее опасным. Я чувствовал его даже теперь, когда между нами стояла чужая спина.

— Зачем тебе меч?

— Остановить то, что идёт с Запада.

— Корабли? Армию? Что именно?

Она открыла рот.

Кристалл вспыхнул.

Зелёный свет скользнул по стене за её плечом. Глухой звук прошёл через столешницу, и у меня одновременно заныли все зубы. Женщина резко повернула голову к Варену.

— Не оборачивайся.

Дверь ударилась о стену. В зал ворвался песок; возчик прикрыл лицо рукавом, у жаровни зашипели угли. Разговоры оборвались неровно: сначала ближайшие к входу, затем остальные. Я видел дверь краем глаза и не стал менять позы.

Вошли трое. Тяжёлые плащи с вышитыми краями раздувало ветром, нижнюю часть лиц закрывали полосы ткани. У каждого на поясе висел изогнутый клинок. Первый задержался на пороге, осматривая зал; двое других дали двери закрыться за своими спинами.

Трактирщик поставил поднос. Очень осторожно.

— Палачи Корон, — шепнула женщина.

Один из пришедших увидел Варена и коснулся плеча старшего. Тот посмотрел на лежащую на столе руку торговца, на зелёный камень, затем перевёл взгляд дальше.

В нашу нишу.

Женщина поднялась. У неё в руке появился тонкий кинжал из чёрного стекла.

— Амулеты мешают иллюзиям, — сказала она почти беззвучно. — Не рассчитывай на лицо. За винными кувшинами люк. Внизу старый коллектор.

Я не посмотрел на кувшины. Смотреть туда сейчас значило объяснить остальным, куда мы собираемся.

— Камень забери, — добавила она. — Если собираешься жить.

Старший сделал первый шаг между столами. В таверне стало слышно, как ветер шуршит песком по наружной стороне двери.

Я снял левую руку с колена и повернул нож в ладони.

Глава 2. Латунный поднос

Между мной и горлом старшего оставался узкий проход.

Он шёл боком, обходя конец скамьи. Плащ сползал с левого плеча, открывая край щита; правая рука лежала на рукояти изогнутого клинка. Ткань закрывала рот и подбородок, но над воротом оставалась полоска смуглой кожи. Я смотрел туда. Подходящее место, чтобы прекратить разговор, который ещё не начался.

Женщина стояла справа от меня. Её стеклянный кинжал был направлен вниз, к полу. Она чуть сместила ногу, освобождая себе проход вдоль стены.

Уходить она собиралась уже сейчас.

Я не стал ждать, пока трое разделятся окончательно. Подался вперёд, освободил локоть и начал короткое движение снизу. Мне требовалось только провести кисть над краем стола.

Человек на соседнем месте вскочил.

Я увидел его открытый рот, рукав, взлетевшую чашку. Локоть ударил в мой стол. Правая ножка дёрнулась по циновке; край столешницы толкнул предплечье в тот миг, когда пальцы уже отпустили нож.

Сталь ушла в сторону.

Латунный поднос на соседнем столе дрогнул, выгнулся под ударом и опрокинулся вместе с двумя кружками. На

мгновение я ещё видел свой нож: рукоять торчала из жёлтого металла, нелепая и совершенно бесполезная. Потом поднос ударился о край скамьи. Глина лопнула с сухим хрустом.

— С дороги! — заорал кто-то у меня над ухом.

Старший уже смотрел прямо на меня. Его клинок вышел из ножен одним коротким движением.

— Еретики!

От крика стихло даже ругательство рядом. Указав оружием в нашу сторону, он добавил:

— Шпион! Не выпускать Леворукого! И женщину с камнем!

Значит, он знал, кого ищет. Или успел услышать достаточно, пока я торговался. Выяснять разницу предстояло потом, если она ещё будет иметь значение.

— Ты промахнулся, — прошипела женщина. Она смотрела на поднос, и в её голосе впервые прорезалась злая, совершенно обычная растерянность. — Теперь они знают, что ты со мной!

— Забери камень!

Объяснять ей, что трое уже шли за нами, было некогда. Я толкнул стул ногой, освобождая себе место, и показал на Варена. Женщина ещё мгновение смотрела на меня. Я видел, как ей хочется сказать что-то ещё, и боялся, что она потратит на это время.

Она отступила к Варену. Её каблук ударил снизу в край его стола; тарелка подпрыгнула, кувшин качнулся. Зелёный

кристалл взлетел над столешницей. Женщина поймала его, прижала к груди, и воздух возле её пальцев поплыл, словно над раскалённой жаровней.

Варен сполз ниже; рука повисла между коленями, и мне пришлось шагнуть из ниши, чтобы не потерять его за чужими спинами. Сразу же в грудь врезался бегущий человек. Тот оттолкнулся от моей груди, даже не посмотрев мне в лицо. Из кухни выскочил трактирщик; поднос, который он держал, оказался у него перед животом, как маленький щит. Увидев обнажённые клинки, он прижался к стойке.

— Вон! — крикнул он. — Вон отсюда, чтоб вас!

Никто не подчинился так, как ему хотелось. Посетители рванули одновременно. Скамья легла набок, перегородив проход к двери. Один из возчиков пытался протащить через толпу товарища, зацепившегося поясом за ножку стола. По полу потёк эль, смешиваясь с песком. Я почувствовал, как подошва скользнула, и перенёс вес на другую ногу.

Двое спутников старшего расходились. Один продирался вдоль стены, второй обходил стол Варена с противоположной стороны. Между ним и торговцем осталось не больше вытянутой руки. Сабля легла почти горизонтально: он оттеснял людей плоскостью клинка, освобождая себе дорогу.

Старший поднял щит.

На груди у него качнулся амулет — тёмная пластина в металлической оправе. Я почувствовал неприятное давление у висков. Иллюзорное лицо будто стало тесным, требуя вни-

мания, которого у меня больше не было. Я позволил заклинанию распасться. Пот выступил на настоящей коже, и на короткое мгновение прохлада показалась почти приятной.

— Подвал! — Женщина уже добралась до стойки с винными кувшинами. — Прикрывай!

— Отсюда сама попробуй!

Она ударила плечом в стойку. Кувшины закачались; один упал, выплеснув вино ей под ноги. Женщина переступила через черепки и потянулась к кольцу в полу.

Кольцо не поднялось.

Я видел, как она дёрнула второй раз, уже обеими руками, зажимая кристалл между ладонью и железом. Старший был совсем близко. На его щите темнела старая вмятина, возле ремня торчал надорванный край кожи. Я успел разглядеть эти мелочи с отвратительной ясностью.

Скрытый клинок оставался у меня под манжетой. Чтобы воспользоваться им, пришлось бы впустить щит вплотную, принять удар и надеяться, что двое остальных будут достаточно вежливы подождать.

Я поднял правую руку.

Из всей школы Разрушения с её огнём, холодом и молниями мне сейчас требовалось простейшее: ударить жаром, отбросить троих и выиграть несколько шагов до люка. Такое заклинание я умел. Нужно было дать ему направление и вовремя остановить поток.

Пальцы согнулись. Между ними возникло тепло.

Старший распознал движение. Щит повернулся ко мне всей поверхностью, клинок поднялся над ним. Амулет на груди вспыхнул коротким тусклым светом.

Я потянул силу глубже.

Кристалл в руках женщины отозвался.

Это я почувствовал прежде, чем увидел: знакомая дрожь прошла от зубов к основанию черепа, затем вниз, вдоль позвоночника. Под кожей стало тесно. Тепло между пальцами сделалось обжигающим, хотя ладонь ещё не горела. Я попытался удержать привычную форму заклинания и обнаружил, что она уже слишком мала.

Старший сделал последний шаг.

Я выбросил руку вперёд.

Белый свет заполнил пространство между нами.

Удар начался с тонкого шипения. Оно ударило по ушам изнутри; я стиснул зубы, но челюсть всё равно дрожала. Я видел щит сквозь собственные пальцы, будто кости на миг утратили плотность. Металл покраснел от середины к краям. По старой вмятине побежала светящаяся полоска, нижний край щита обвис.

Амулет лопнул.

Осколки ударили старшему в шею и лицо. Он попытался отвести левую руку, но ремни держали раскалённый щит. Из-под него вырвался крик, высокий, совершенно не похожий на прежний голос. Клинок в правой руке описал широкий беспомощный полукруг.

Волна подхватила человека вместе со щитом.

Он пролетел над опрокинутой скамьёй, ударился спиной в дверь и исчез в вырванных досках. В проёме взметнулась рыжая муть. Я не увидел, куда он упал. Там был только песок, щепа и полоса белого света, уходящая в бурю.

Справа что-то хрустнуло.

Один из обходивших меня людей ударился о стену плечом и затылком. Штукатурка вылетела из-под него широким облаком. Другого бросило к противоположной опоре; его сабля закувыркалась, поймала свет и пропала под столом. Оба сползли на пол уже мёртвыми. Ткань на их плащах тлела, а на груди догорали остатки амулетов.

Я разжал пальцы.

Свет продолжался.

Я попытался втянуть воздух и не почувствовал вдоха. Исчезли крики, треск, вой ветра. Всё ещё двигалось: край плаща возле стены, разлетающиеся щепки, моя рука. Но движение потеряло звук. Тени под столами побелели. Огонь в жаровне показался чёрным, густым, как пролитое масло.

Я открыл рот, попытался крикнуть. Горло напряглось, а голоса не было. Я попробовал ещё раз, уже не глядя на огонь.

Потом что-то ударило в грудь изнутри. Воздух прорвался в лёгкие, свет оборвался, и таверна вернула все звуки разом.

Я согнулся над столом, сжимая край обеими руками.

По предплечьям шла боль, будто вены туго набили раскалённой проволокой. Пальцы дрожали. Я попробовал выпря-

миться — колени подались, пришлось опереться сильнее. В нос ударил запах расплавленного стекла, горячего металла и горящей ткани. Во рту снова появилась кровь.

Под потолком треснула балка.

Фонарь над стойкой раскололся, забрызгав доски горящими каплями. Следом лопнул второй. По полке побежал огонь; зацепился за полотенце, перебрался на деревянную стойку. Вино растекалось между черепками, и в нём отражались дрожащие языки пламени.

Я оглянулся туда, где стоял трактирщик. Его уже не было видно. Через дым у двери метались силуэты. Кто-то полз, кто-то тащил другого за ворот, кто-то кричал одно и то же имя. Я не мог разобрать его.

Возле моей ниши горела циновка. Медный скорпион над столом качался на одном креплении. Его тень ходила по стене, пока потолок не выбросил новую порцию пыли и не закрыл её.

— Что ты сделал?..

Голос женщины прозвучал в моей голове. Я повернулся. Люк был открыт; она стояла возле чёрного прямоугольника, прижимая кристалл к груди. Капюшон съехал. Её лицо впервые утратило выражение спокойной осведомлённости.

Я хотел ответить, но вместо слов закашлялся.

— Прыгай! — Теперь она кричала вслух. — Всё рухнет!

Слово «рухнет» совпало с новым треском. Между потолочными досками раскрылась щель. Из неё посыпался мел-

кий мусор, а вслед за ним упал кусок обмазки, разбившись о стол.

Я оттолкнулся от ниши. Двое у стен оставались там, куда я их бросил. На мгновение я остановился, ожидая движения хотя бы от одного.

Под ногой блеснула сталь. Уцелевший клинок лежал возле одного из палачей, рукоятью ко мне. Чуть дальше темнел кошель, сорванный с пояса. Я присел, схватил его и сразу поднялся. За оружием пришлось бы нагибаться ещё раз. Мой брошенный нож остался где-то вместе с латунным подносом.

Я сунул пальцы в шнур кошеля, затянул его вокруг запястья и обернулся к Варену.

Торговец всё ещё сидел.

Его лицо лежало в тарелке, волосы возле виска слиплись от подливы. Огонь подбирался к дальнему краю стола. Варен не отдёрнул руку, даже когда рядом вспыхнула промасленная тряпка.

Я шагнул к нему.

— Оставь! — крикнула женщина.

— Сначала разбуди!

— Некогда!

— Тогда заткнись и держи проход!

Я дёрнул Варена за плечо. Голова отклонилась, открывая мокрый рот; из носа вырвался короткий хрип. Живой. На этом новости закончились. Когда я потянул сильнее, он повалился на меня всем весом.

Я подхватил его под мышки. Кошель мешал левой ладони раскрыться, и я вдавил его в ткань рубахи торговца. Правая рука скользнула глубже, под тяжёлое плечо. Колени Варена разогнулись; пятки с глухим стуком встали на пол.

— Ногами, — прошипел я ему в ухо. — Хоть немного, сукин сын.

Он выдохнул мне в шею запахом еды и кислого эля.

Я потащил его спиной вперёд. Первый шаг получился, на втором его сапог зацепился за ножку лавки. Пришлось остановиться, повернуть корпус, выдернуть ногу. Над нами что-то длинно застонало.

Огонь нагрел спину через плащ. Я чувствовал каждый вдох: воздух входил горячим, царапал горло, оставлял внутри вкус копоти. Глаза слезились. Люк пропадал за дымом, появлялся снова; зелёный свет возле него служил единственным надёжным ориентиром.

Я мог бросить Варена. Эта мысль пришла спокойно, без оправданий. Разжать руки, переступить через ноги, прыгнуть. Тогда шифр, назначенная встреча и всё, ради чего я сидел в проклятой нише, останутся здесь вместе с ним. Придётся вернуться с рассказом о женщине, которая знала моё имя, и с кошелём, которого мне никто не поручал добывать.

Я перехватил торговца выше. Его пояс врезался мне в предплечье; под лопаткой потянуло так, что я невольно наклонился вслед за ним. Пришлось упереться пятками и выдохнуть, прежде чем удалось выпрямиться.

— Отойди от края! — крикнул я.

Женщина исчезла в люке. На мгновение я увидел только её пальцы на каменной кромке, затем и они пропали.

Варен тяжело ударил меня затылком в подбородок. Я прикусил язык, выругался и сделал ещё два шага. Каблук нашёл пустоту. Снизу пахнуло сыростью; холодный воздух коснулся мокрой шеи.

Балка над залом лопнула.

Я развернулся у самого края, прижал Варена поперёк груди и оттолкнулся.

Последнее, что я увидел наверху, — огненная полоса, падающая туда, где только что стояли наши ноги.

Камень ударил по коленям. Я позволил телу уйти вбок, переваливая Варена с себя, и встретил пол плечом. Воздух вышибло из груди. Щека скользнула по влажной пыли, в рот набилась холодная грязь.

Я отпустил торговца и откатился.

Сверху обрушилось сразу слишком много звуков. Дерево ломалось, камни били о камни; через отверстие вырвался огонь, затем свет заслонило. Пол подо мной дрогнул. С потолка посыпалась пыль, и я прикрыл голову руками, ожидая следующего удара.

Удар не пришёл.

Грохот постепенно отдалился. Где-то сыпались мелкие обломки. У стены капала вода — часто, неровно, будто испуганно перебирала пальцами по камню. Я лежал, слушая её,

и пытался сделать полный вдох.

Получилось с третьего раза.

— Поднимайся.

Женщина стояла в нескольких шагах. Зелёный свет выхватывал нижнюю часть её лица и мокрый шов в кладке за спиной. После огня этот свет казался слабым; глаза всё ещё хранили белое пятно, закрывавшее середину того, на что я смотрел.

— Погоди.

— Наверху нас слышали.

— Тогда пусть слушают, как я дышу.

Я встал на четвереньки. На запястье натянулся шнур кошеля; тот болтался у пальцев, перепачканный сажей. Я стиснул его, прежде чем подняться на колени. Варен лежал рядом на боку. Рубаха задралась, обнажив живот, один сапог повернулся носком внутрь.

Я коснулся его шеи.

— Жив, — сказала женщина.

— Ты уже обещала, что он проснётся.

— И проснётся.

Под пальцами наконец толкнулся пульс. Я подождал следующего удара и убрал руку.

Холод проходил сквозь мокрую одежду. Здесь пахло плесенью, затхлой водой и давно закрытым камнем; дым тянулся сверху тонкой горькой струёй. На полу лежали белёсые крупинки раствора. Под ладонью поверхность была гладкой,

стёртой, с узкой трещиной, в которой стояла вода.

— Ты вытащил его, — сказала женщина.

Я ещё держал пальцы возле шеи Варена. Удары пульса чувствовались слабо, и стоило мне убрать руку, как снова хотелось проверить. Её голос мешал считать. Наверху уже нельзя было отличить рухнувшую балку от сорвавшегося камня; я прислушивался к каждому звуку, ожидая, что за ним появится чей-нибудь крик.

— Ты видела, — ответил я наконец. — Помоги повернуть его. Он захлебнётся, если его вырвет.

— Для имперского шпиона слишком сентиментально.

Слова задели неожиданно сильно. Не потому, что она угадала во мне жалость: я и сам не успел решить, сколько её было. Просто она стояла на ногах и могла позволить себе рассуждать о том, зачем я тащил взрослого человека через огонь. У меня ещё сводило предплечья от его веса.

Я посмотрел на неё снизу вверх. Кристалл освещал её пальцы; они сжимали камень заметно крепче, чем в таверне.

— Ты сказала, что он очнётся. Он бы там сгорел.

— Он тебе нужен.

— Да. И тебе лучше бы помочь мне его разбудить.

Она задержала взгляд на моих руках.

— Ты всегда так колдуешь?

Я разжал пальцы. Кожа была цела. Вены на запястьях болели, и дрожь не унималась, как бы я ни старался её удержать.

— Я собирался отбросить троих от стола. Отбросить, понимаешь? Чтобы пройти к люку.

— Получилось.

Ответ был таким быстрым, что я сначала услышал в нём насмешку. Потом заметил, как она прячет кристалл ближе к себе. Возможно, ей тоже требовалось время понять, что произошло. Мне не стало легче от этой догадки. Я помнил руки перед щитом, собственные пальцы, сквозь которые прошёл свет, и никак не мог совместить их с целой кожей, на которую смотрел теперь. Хотелось услышать от неё простое объяснение и одновременно хотелось, чтобы она перестала говорить.

Я поднял голову к заваленному проёму. Из щели падала оранжевая полоска света. В ней медленно кружилась пыль.

— Ты слышал о Псиджическом Достижении? — спросила она. — Возможно, дело в этом. То, что прошло через тебя… тебя можно использовать как оружие.

В тёмноэльфийских учениях так называли путь, на котором смертный мог превзойти даже создавших его богов. Я читал об этом, но не понимал, почему она вспомнила это учение сейчас.

— Ты видела заклинание, — сказал я. — И камень у тебя в руках. Что из этого ты понимаешь?

Она не ответила сразу. Свет кристалла ослаб, словно его прикрыли изнутри.

— Я не знаю, почему кристалл так усилил заклинание.

— Но до таверны знала, что он может усилить его?

— Не так. Ты сам видел.

Мне хотелось схватить её за плащ. Она рассчитывала воспользоваться мной и этим камнем, не зная, что произойдёт. Я упёрся ладонью в чёрный камень и медленно выпрямился. Колени отозвались тупой болью; несколько мгновений я стоял, не доверяя им собственного веса.

Женщина подняла кристалл выше.

Коридор оказался шире, чем я думал. Крупные тёмные блоки сходились почти без зазоров. На них были вырезаны круги, пересекающиеся дуги и ряды мелких знаков. Я принял их за орнамент, пока не заметил повторяющиеся группы точек — подобие звёздных карт, наложенных одна на другую.

Ближайшая линия слабо засветилась.

Я убрал ладонь со стены. Свет не исчез.

— Ты назвала это коллектором.

— Через него можно было попасть сюда.

— А это что за место?

Она повернулась ко мне.

— Преддверие склепа Первой Шеай. Ты хотел знать, куда я веду.

Она коснулась одного из вырезанных кругов.

— По моим сведениям, его запечатали ещё до гибели Йокуды. С тех пор он хорошо хранил своё содержимое.

Я посмотрел на Варена, затем на тёмный проход за её спи-

ной. Где-то наверху глухо ударило. За первым ударом последовал второй, слабее; это мог быть осыпавшийся камень, но я уже прислушивался.

— Огонь не задержит их навсегда, — сказала она. — И стены почувствовали тебя.

Я провёл большим пальцем по шнуру кошеля, высвобождая затёкшее запястье. Уходить дальше, оставив Варена лежать здесь, я не собирался. А тащить его вслепую вслед за этой женщиной больше не хотел.

Я опустился рядом с торговцем и повернул его лицо к свету.

Глава 3. Кровь на камне

На нижней губе Варена подсыхала кровь. Я стёр её большим пальцем, оттянул губу и увидел след зубов на языке. Торговец дышал через рот. Каждый выдох заканчивался влажным щелчком; я повернул его голову набок и подложил под щёку край плаща.

— Поднеси камень.

Женщина присела напротив. От её кристалла лицо Варена стало зеленовато-серым, и я заслонил свет ладонью, оставляя узкую полосу над глазами. Под веками ничего не двигалось. Зато на шее толкалась жилка — часто, упрямо. Я смотрел на неё дольше, чем требовалось.

Сверху пахло мокрой гарью. Дым стлался под низким сводом, цеплялся за выступы, оставлял на языке вкус сгоревшей верёвки. У моего колена в трещине стояла вода. Когда с потолка падала пыль, поверхность покрывалась мелкими ямками и снова затягивалась мутной плёнкой.

— Ты можешь снять то, что сделала?

— Я уже не держу его.

— Тогда почему не просыпается?

Она посмотрела на Варена. Я ждал, что её пальцы потянутся к его виску или горлу. Она только переставила кристалл, направляя свет мне под руки.

Я развязал зелёный пояс. Ткань сохранила глубокую

складку там, где торговец весь вечер оттягивал её от живота. Под ней оказалась обычная рубаха, влажная, со сбившимся швом. Я прощупал пояс по всей длине, затем карманы, ворот, подкладку у плеч. Песок забился даже сюда. Он хрустел под ногтями, когда я выворачивал ткань.

— Ищешь деньги? — спросила женщина.

Я задержал руку на подкладке. Она могла и в самом деле принять меня за мародёра; после кошеля палача у неё были основания. Объясняться не хотелось. Но молчание оставляло ей право торопить меня, будто я возился здесь по собственной прихоти.

— Я пришёл за шифром. Он должен быть при нём.

— Ты видел, что произошло наверху.

— Видел. Поэтому и не стану ждать, пока мы потеряем ещё и его. Подержи свет ровно.

Последние слова вышли грубее, чем требовалось. Я искал привычное дело: шов, карман, предмет, который можно передать с донесением. Хоть что-нибудь из первоначального задания ещё могло уцелеть. Пока пальцы разбирались в складках чужого плаща, я меньше думал о том, что не знаю дороги обратно.

Она промолчала. Я перевалил Варена на бок, придерживая голову локтем, и провёл ладонью вдоль спины. Под плащом нашлось утолщение. На ощупь оно походило на свёрнутый край подкладки, но не тянулось вместе с тканью.

Грубая нить темнела на два оттенка сильнее соседних

стежков.

Я выдвинул скрытый клинок ровно настолько, чтобы подцепить шов. Острие вошло под петлю; нить лопнула с тихим сухим звуком. Женщина наклонилась, заслонив мне свет.

— Назад.

Она отстранилась. Впервые послушалась без замечания.

Из кармана вышел обсидиановый цилиндр. Чёрный камень оказался гладким, скользким от тепла тела; на крышке сохранилась сургучная печать. Я повернул находку между пальцами, запоминая её, затем надломил воск. Крошка прилипла к ногтю.

Внутри лежала тонкая металлическая пластина, свёрнутая трубкой. Она распрямилась медленно, без шелеста, словно нехотя отпускала приданную ей форму. Зелёное сияние проходило сквозь металл. На моей ладони выступили мелкие знаки, которых там не было.

Я отодвинул пластину. Знаки исчезли с кожи, остались на металле.

Ни имперского письма, ни привычной шифровальной сетки. Йокуданская вязь пересекалась с дугами, короткими насечками, углами, вложенными друг в друга. Некоторые штрихи светились сами. Я прикрыл их пальцем — красноватый отблеск проступил по краям ногтя.

— Ты нашёл её.

Голос снова прозвучал внутри головы. Я невольно поднял глаза.

— Шифр?

— Нотацию. Запись Песни Шеай.

Я посмотрел на металл. Обычная запись музыки подсказывала, где задержать звук, где оборвать дыхание. Здесь линии сходились в такие узлы, что я не мог даже решить, откуда начинать чтение.

— И кто должен это спеть?

— Талморцы собирались воспользоваться ею как ключом.

— Я спросил другое.

Женщина кивнула на мою руку. При каждом толчке крови в запястье один из выгравированных углов наливался слабым красным огнём. Её кристалл светился всё ярче; она отвела его в сторону, но сияние не ослабло. Мне захотелось положить находку на пол. Я удержал её.

В распоротом кармане оставалось что-то твёрдое. Я извлёк красный камень в форме вытянутого глаза. Он был теплее кожи Варена; тепло проникло в пальцы, и ближайшая линия на стене едва заметно вспыхнула.

— Фокус, — сказала женщина. — Помогает найти направление.

— Он работал у Варена?

— Без тебя он бесполезен.

Я сжал камень, пряча его от её взгляда. Тепло осталось. По ту сторону кулака на стене медленно погасла тонкая дуга.

— Какая-то чертовщина. Я такого даже в Коллегии Шепчущих не видел.

Название вернуло на миг запах чернил и натопленного помещения. В этом сиродильском обществе магов мне доводилось учиться; там опасную вещь хотя бы можно было положить на стол и отойти от неё. Здесь столом служил живот бесчувственного торговца, а стоило убрать руку, как светящиеся знаки начинали гаснуть.

— Тем более разбуди его, — сказал я. — Если этот придурок знает, как с этим работать, я хочу услышать его.

— Он должен очнуться.

— Ты повторяешь это с таверны.

Я свернул пластину, вложил обратно в цилиндр и спрятал под одежду. Обсидиан упёрся в ребро. Красный камень оставил рядом с коленом, чтобы не потерять в пыли, и взял Варена за плечи.

— Дрело. Слышишь меня?

Голова качнулась. На щеке остался отпечаток складки плаща.

— Варен. Открой глаза.

Я потряс его сильнее. Рука торговца проехала по полу, оставляя борозду в грязи; пальцы задели мой сапог и остановились. Я поймал себя на том, что жду ответного движения именно от них.

Над головой коротко ударило железо. Потом ещё раз. Женщина вскинула лицо. Из завала посыпалась тонкая струя песка, попала Варену на грудь.

— Это не потолок оседает, — сказала она.

Я услышал приглушённый голос. Слов не разобрал, но после него удары стали чаще. Наверху кто-то работал, выбирая место для следующего удара. Я представил человека, который опустился на колени у люка и теперь искал щель для лома.

— Варен, посмотри на меня.

Его дыхание не изменилось. Я ударил ладонью по щеке — коротко, достаточно сильно, чтобы повернулась голова.

— Очнись, тупица! Что это за металл?

Тело выгнулось прежде, чем я успел убрать руку. Затылок упёрся в камень, пятки заскребли; рубаха натянулась на животе. Варен схватил меня за запястье.

Я дёрнулся — и не смог освободиться.

Его глаза открылись. Белая мутная пелена закрывала всё, что я пытался в них рассмотреть. Рот работал, губы разлеплялись с усилием. Я наклонился, несмотря на боль в руке.

— Пески… они поют…

— Какие пески? Варен, здесь камень. Ты под таверной. Слышишь?

Пальцы сдавили сильнее. Он смотрел мне за плечо, хотя там была только женщина с кристаллом и чёрная стена.

— Она смотрит из глубин… Око не спит…

— Кто смотрит?

Я повернулся к женщине. Её губы были плотно сжаты.

— Что он видит?

Варен выдохнул протяжным стоном. Хватка разжалась

сразу; я едва успел удержать его голову, когда тело обмякло. Положил на бок, приблизил щёку ко рту. Воздух коснулся кожи.

На щеке Варена уже проступал след моей ладони. Я смотрел на него с досадой, которой некуда было деться: торговец снова ничего не слышал, а женщина видела и удар, и то, что он оказался бесполезен. Легче было рассердиться на него за бессвязные слова, чем признать, что я испугался его взгляда. Под моей рукой только что лежал человек, от которого я ждал ответа. На несколько мгновений он очнулся — и всё это время смотрел мимо меня. Я поправил плащ под его головой осторожнее, чем прежде, хотя от этой осторожности ему едва ли стало лучше.

Сверху хрустнуло дерево. Пыль ударила по затылку, запорошила плечи. Я прикрыл Варену лицо воротом плаща, сам закашлялся.

— Тащи его! — Женщина поднялась. — Или брось. Нужно уходить!

Я посмотрел вдоль коридора. Туда уходили ровные плиты; дальше их скрывал мрак. Пришлось бы снова брать Варена под мышки, пятиться, ждать, когда каблук найдёт ступень или провал. Наверху уже слышалось тяжёлое сопение.

Рядом с коленом лежал красный глаз.

Я поднял его.

Камень нагрелся так быстро, что я чуть не выронил его. По стене протянулась красная черта. Она обошла выступ

кладки, разветвилась над нами и погасла. Я разжал пальцы — черта исчезла совсем.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь закрыть вход.

Женщина перестала тянуть меня за плечо. Я не заметил, когда она успела подойти.

Вард был оставленным в камне заклинанием: он мог ждать прикосновения, слова, чужого шага. Наверху она говорила, что здешняя защита узнаёт мою кровь. Сейчас следовало выяснить, слышит ли она ещё и приказ.

Я упёрся свободной ладонью в стену. На гладкой поверхности остался бурый отпечаток — наша с Вареном кровь и сажа; я уже не различал, чего больше. Внутри камня дрогнуло. Толчок прошёл через локоть к плечу.

Я стиснул красный глаз и попытался направить силу по светившейся черте.

За глазами свело. После таверны я слишком хорошо помнил, как легко намерение перестаёт иметь значение. Там я хотел оттолкнуть троих. Двое больше не поднялись. Здесь над нами висела целая каменная толща.

Я ослабил нажим.

Сверху в щель просунулся огонь. Факел двинулся в сторону, освещая край пролома, и я увидел пальцы, обхватившие обломок доски.

— Быстрее! Они уже спускаются!

— Не трогай меня.

Она убрала руку.

Я нашёл пульс в ладони. Горячий камень отвечал ему чуть позже, будто повторял услышанное. На следующем ударе я толкнул силу вперёд, не разжимая пальцев. Красная черта вспыхнула, и я удержался за неё — за ощущение узкого пути, по которому наконец что-то двигалось.

Воздух запах грозой. Следом пришёл сухой жаркий запах, словно на раскалённую плиту высыпали песок. Узор разошёлся по стенам, обвёл каждый камень; моя тень вытянулась к ногам женщины и распалась на несколько полос.

Над головой заскрежетало.

Я поднял глаза. Плиты двигались. Один ряд заходил за другой, срезая выступавший деревянный обломок. Край факела мелькнул совсем близко; человек наверху крикнул, и в прорехе показалась часть лица, белая от пыли.

Он увидел меня.

Плита прошла между нами прежде, чем я успел различить выражение его глаз. Пламя исчезло. Грохот ударил по затылку, отдался в зубах. Я втянул голову в плечи, но ладонь от стены не оторвал.

Ещё один толчок. Ещё. Потом красные швы потемнели.

Я стоял, прижавшись лбом к предплечью. Рядом дышал Варен. Где-то далеко сверху продолжали бить, но теперь звук проходил сквозь такую толщу камня, что больше походил на стук собственного пульса.

— Достаточно, — сказала женщина.

Я попробовал отнять руку. Кожа прилипла к высыхающему грязному следу. Пришлось потянуть сильнее.

Пол качнулся. Я расставил ноги, переждал, пока стены остановятся. Красный глаз лежал в раскрытой ладони, холодный и тусклый. Мне захотелось сесть рядом с Вареном и положить голову на колени. Вместо этого я прижал плечо к кладке.

Женщина разглядывала закрытый свод.

— Первая Печать. Со времён Франдара Хундинга этого никому не удавалось.

Имя древнего мастера меча она произнесла с тем же почтением, с каким в таверне продавала мне рассказ о его оружии. Я посмотрел на бурый отпечаток своей ладони. Ни одного свидетельства за прошедшие века у меня не было. Только закрытый выход.

— Откуда ты это знаешь?

Она повернулась ко мне. На миг в её лице сохранилось удивление, и я увидел, как быстро она убрала его.

— Теперь мы в безопасности. На некоторое время.

— Ты называешь безопасностью комнату, из которой нельзя выйти?

— Выход впереди. Меня зовут Нэра.

Я подождал продолжения. Она провела ногтем по уголку рта, сняла крупинку пыли, посмотрела на неё и вытерла палец о плащ. Маленькое нетерпеливое движение, совершенно обычное. От этого назвать её по имени стало почему-то

труднее.

— Нэра, — повторил я. — Что ещё мне следует знать до следующей печати?

— Здесь есть вещи, которые убьют нас быстрее людей наверху.

Она повернула кристалл в сторону коридора.

Я проверил крепление скрытого клинка. Выдвинул, убрал. Цилиндр оставался под рубахой, кошель — у пояса; остывший красный камень я спрятал отдельно. Провёл ладонями по бокам, ощупал колени. Боль от падения была, глубокой раны не находилось. Сила отзывалась слабо, как дыхание за закрытой дверью. Ещё одного огненного удара я себе не позволил бы.

Нэра стояла возле стены в нескольких шагах. Кристалл освещал вырезанного в камне воина. На его щеке росла белёсая корка; из-под неё выступал край шлема. Меч, поднятый обеими руками, тянулся к середине изображения.

— Посвети ниже.

— Мы задерживаемся.

— Ты сказала, что мы в безопасности.

Она опустила руку. Я счистил пыль с рельефа. Под пальцами открылись ноги второго воина, складки одежды, продолжение дуги. Дальше начиналась фигура, которой я не мог подобрать названия: острые грани, пустое углубление вместо груди, выступы, похожие на вывернутые суставы.

Сначала я принял её за поверженного врага.

Потом проследил положение мечей.

— Подними. Теперь вправо.

Нэра не ответила, но свет сдвинулся. Второй меч смотрел туда же, куда первый. Третий — тоже. Воины окружали спираль, направив оружие внутрь. Угловатые существа тянулись из её витков наружу; одно почти пересекло границу, и острие упиралось ему в то место, где у человека была бы шея.

Я отнял пальцы от стены.

— Они удерживают их.

Нэра молчала.

— Это тюрьма.

Внизу, у самого пола, круг замыкался. Я присел, посмотрел на него с другой стороны, надеясь найти деталь, которую пропустил. Ничего не изменилось. Оружие было обращено к центру. Мы находились внутри защиты, которую я только что восстановил.

— Ты говорила о склепе.

— Здесь действительно есть то, за чем мы пришли.

— Кто — мы?

Она повернулась. Я выпрямился слишком быстро; пришлось задержать вдох, чтобы не показать головокружения.

— Кто дал тебе кристалл? — спросил я. — Кому ты должна принести находку?

— Должна? — переспросила она. — Ты всё ещё ищешь того, кому я служу?

— Я ищу причину тебе верить. Наверху ты говорила о

склепе. Здесь на стенах изображено, как удерживают тварей внутри. Назови человека, которому собираешься принести находку. Или объясни, зачем она тебе самой.

К концу речи у меня уже не хватало дыхания. Я постарался закончить спокойно, но Нэра заметила, как пришлось упереться плечом в кладку. Её взгляд скользнул к моей руке, потом вернулся к лицу.

— Ты думаешь, что допрашиваешь меня, канурай?

— Нет. Если бы допрашивал, ты бы не выбирала, на что отвечать. Я прошу сказать, куда ты меня ведёшь.

Вслух это прозвучало хуже, чем хотелось. Просьба оставалась просьбой, даже если произнести её зло. Нэра некоторое время молчала. Я уже приготовился снова услышать про опасность промедления, но она подняла кристалл, рассматривая зелёный свет в собственной ладони.

— Я не служу Талмору. Не служу Коронам. С твоей Империей у меня тоже нет дела. Я разбираюсь с тем, что осталось после Умбриэля. Для этого мне нужен меч.

Она впервые сказала достаточно много, чтобы я перестал готовить следующий вопрос.

Я вспомнил карту с отмеченным путём летающего города. В свидетельствах об Умбриэле за ним оставались мёртвые, а души погибших питали новый Инжениум. Читая это при лампе, я всё время возвращался к одному: люди внизу видели приближение города. У них оставалось время понять, что надвигается.

Нэра подняла кристалл между нами.

— Тот, кто создал это, думал, что душами можно управлять, как скотом. Он ошибся. Мне нужно, чтобы его ошибка не вышла наружу.

— И для этого ты ищешь ключ от камеры?

Она опустила руку.

Я приготовился спросить ещё. Почему здесь. Почему моя кровь. Почему она не начала с тюрьмы. Но Нэра уже отвернулась, и вопросы остались во рту, бессвязные, запоздалые.

— Можешь изображать следователя дальше, Тарасиэль. Или пойти со мной.

Она шагнула вниз. Я только теперь заметил ступени за её спиной.

— Ты не знаешь здешних печатей. Держись рядом, если хочешь выйти.

Зелёное сияние скользнуло по ступеням. У стены осталась тень, в которой я видел собственную вытянутую руку.

Я опустил её.

Кошель пах маслом. Запах оказался неожиданно приятным после гари и сырости: кожа, жир, металл — вещи, с которыми я знал, что делать.

Я сел возле Варена, в полосе света, ещё достигавшей нас из коридора. Медный сокол на пряжке зацепился крылом за шнур. Я высвободил его ногтем, открыл застёжку и высыпал монеты на подол. Они стукнули глухо, через ткань. Пятнадцать золотых. Серебро пришлось пересчитать дважды: одна

монета спряталась под другой. Тридцать.

— За такой вечер мало, — сказал я.

Варен выдохнул. Я посмотрел на него и убрал деньги.

Дно кошеля было толще, чем следовало. Подкладка отходила от кожи, но не везде: вдоль края шёл стежок, на котором ещё держались крошки воска. Я ощупал его, нащупал свободную петлю и поддел остриём. На этот раз шов разошёлся почти целиком.

В ладонь выпал железный сокол с распластанными крыльями. Грубая ковка, тяжёлое ушко, затёртая спина. Это был отдельный жетон, лежавший в тайнике; от амулетов на груди убитых наверху остались обгорелые крошки. Я повернул железку к далёкому зелёному огоньку.

Глиф на обороте давался трудно. Я провёл пальцем по углублениям, повторяя очертание, пока не вспомнил смысл: искоренение скверны.

Под жетоном обнаружился тёмный флакон. Воск запечатывал горлышко, внутри медленно переливалось чёрное. Я поднёс его ближе к лицу; от пробки пахнуло серой и пеплом. Пальцы сами отодвинули стекло. Я не стал вскрывать его и завернул обратно в кожаную складку.

Остался свёрток пергамента.

Я развернул его на колене. Уголь испачкал большой палец. Сначала увидел спираль, грубую, с неровными витками. Поднял голову к рельефу — и опустил снова.

Та же.

Ни имени, ни даты. Несколько йокуданских слов под рисунком. Я разбирал их медленно, возвращаясь к первому знаку после каждого следующего. Свет уходил; пришлось наклонить лист, ловя последние зелёные отсветы.

«Песнь спит. Разбудить — конец».

Я прочёл ещё раз. Вспомнил старшего палача у двери, щит перед его грудью, крик о еретиках. Тогда мне казалось достаточным знать, что они пришли убивать меня. Теперь у меня в руках лежала причина, о которой они не успели сказать.

Или не собирались.

Из глубины донёсся скрежет. Долгий, тяжёлый, с короткими перерывами, словно по песку тащили каменную плиту. Я поднял голову. Зелёный огонёк дрогнул далеко впереди.

— Нэра.

Ответа не было.

Я сложил пергамент по старым сгибам. Рядом сопел Варен. За спиной стояла закрытая мной печать, впереди женщина уносила единственный свет.

Я убрал записку отдельно от денег.

Глава 4. Три стража

Я ещё раз коснулся шеи Варена. Жилка под пальцами билась ровно. Он лежал на боку, щекой на складке плаща; когда я поправил ворот, губы шевельнулись, но слов не было.

Нэра уходила. Зелёная полоска на полу стала короче, скользнула через трещину и почти исчезла.

— Я посмотрю, что впереди, — сказал я торговцу.

Получилось так, будто мы договорились. Я оставил его у стены, лицом от пыльного сквозняка, и встал. Тащить его к следующей неизвестной печати сейчас не решился. Зато идти одному оказалось стыдно легко: ноги сразу вспомнили, как двигаться без чужого веса.

За поворотом свет снова появился. Я пошёл быстрее, придерживая кошель, чтобы монеты не стучали. Подошва задела щебень; я перенёс вес на другую ногу, не дав камешкам рассыпаться. Здесь коридор сужался. Плечо почти касалось резьбы, и воздух становился суше с каждым вдохом. Запах дыма остался позади. На его месте была старая минеральная пыль, от которой хотелось провести языком по зубам.

Нэра остановилась. Я услышал, как скользнул по полу край её плаща, и вышел к ней, не задевая нависшего камня.

Круглая дверь занимала всю торцевую стену.

Сначала она показалась чёрной. Потом я различил тусклый зеленоватый металл под коркой инея. Орихалк — из

него орочьи мастера ковали доспехи. Я узнавал его по тяжёлым нагрудникам и острым краям наплечников, привык видеть под вмятинами и царапинами. Здесь металл был отполирован так, что отражение кристалла уходило в него, как в глубокую воду. Ни заклёпки, ни следа молота. Я видел собственную голову — маленькую, вытянутую, с белым пятном вместо лица.

— Врата Безмолвного Аккорда, — произнесла Нэра.

Название прозвучало внутри головы, но она всё равно склонилась ко мне, словно боялась говорить громко.

— В записях только название? Или объясняется, как их открыть?

— Есть гнездо для листа. Сейчас покажу.

Нэра говорила тише прежнего. Она знала, куда смотреть, но не подошла вплотную, и я невольно замедлил шаг. В тесном проходе холод чувствовался сильнее, чем рядом с Вареном; исходил он, кажется, от самой двери. Мне хотелось рассмотреть металл без её света и убедиться, что глубина в нём только мерещится. Но убрать единственный огонь я не попросил.

Я остановился в шаге от двери. Холод прошёл сквозь рубаху, сжал грудь. На верхней губе подсохшая кровь потянула кожу. Низкий гул ощущался в зубах, хотя ушами я почти ничего не слышал.

По металлу шли глубокие борозды. Спираль с записки повторялась здесь, разрастаясь от середины к краям. В центре

находилось узкое гнездо, окружённое насечками.

— Для листа, — сказала Нэра.

Я не достал цилиндр.

— У палача была такая же спираль. И предупреждение: Песнь нельзя будить.

— Они не хотят, чтобы мы добрались до меча.

— Это всё, что ты скажешь?

Она подняла кристалл к гнезду.

Зелёная искра ударила в металл, рассыпалась и полетела обратно. Нэра отдёрнула руку. Ещё несколько искр побежали по её пальцам; она прижала локоть к боку, удерживая камень подальше от двери. На инею осталась чёрная точка. Я посмотрел на неё, потом на Нэру.

— Ты уже открывала эти врата?

— Этим их не открыть.

— Я видел.

— Кристалл нарушает работу печати. Здесь защита удерживает всё неподвижным, а он мешает. Если прижать его к двери, нас сожжёт.

— Лист тоже повредит печать?

— Нет. Для него и сделано гнездо. Попробуешь ты.

Она снова посмотрела на мои руки.

— После прикосновения защита проснётся. Если не откроешь быстро, появятся стражи.

Я вспомнил острые фигуры на рельефе. В тесном коридоре негде было даже отступить в сторону, не задев другого

человека.

— И ты решила рассказать об этом теперь.

— Я предупреждаю тебя до того, как ты её коснёшься.

Я прислонился спиной к противоположному выступу и медленно сполз на пол. Камень холодил через штаны. Колени неприятно затянуло; я вытянул ноги, затем подогнул их, ища положение, в котором не ныло плечо после падения.

— Может, передохнём хоть немного?

Нэра повернула ко мне лицо. Я приготовился спорить и от этого устал ещё сильнее. Сказать ей, что не могу идти, было почти так же неприятно, как обнаружить, что это правда.

— Здесь? — переспросила она.

— Дальше, как я понял, будет хуже. Если хочешь, чтобы я что-то открыл, дай мне посидеть.

Я постарался сказать это спокойно, но на последнем слове пришлось добрать воздух. Нэра услышала. Её взгляд задержался на моей груди, потом вернулся к лицу; я не стал выпрямляться и изображать, будто просто выбрал неудобное место. Пусть видит. Ей предстояло решить, насколько нужен проводник, который пока не способен встать.

Она стояла, держа кристалл возле груди. Я вытер глаза костяшками пальцев. Под веками скребло, а в висках билось так сильно, что ровный гул двери то пропадал, то возвращался.

— Тебе нужен открытый проход, — сказал я. — Мне нужно перестать видеть два вместо одного.

— Здесь опасно оставаться неподвижным.

— Что случится?

— Здесь действует стазис. Остановишься надолго — можешь уже не встать.

Я поднял взгляд. Под этим словом маги понимали остановленное изменение: сохранить вещь такой, какова она есть. Цветок не вял, рана не затягивалась. Для живого тела такой покой не был отдыхом. Следующий вдох тоже требовал перемены.

Нэра опустилась на корточки.

— Десять минут. Собери волю. Потом встанешь.

Я закрыл глаза.

Хотелось сжать плечи, втянуть голову, закрыться руками от холода. Я заставил себя разжать челюсти. Сглотнул. В горле осталось сухое саднение.

Вдох не удался: на середине грудь дёрнулась, требуя кашля. Я подождал, выдохнул через губы и попробовал ещё раз. Неглубоко. Без усилия.

На учебных занятиях всегда раздражало, сколько внимания приходилось отдавать тому, что тело умело без меня. Сейчас я находил это умение по частям. Воздух коснулся ноздрей. Прошёл ниже. Живот упёрся в пояс. Я ослабил застёжку на одно отверстие.

— Не засыпай, — сказала Нэра.

— Тогда не разговаривай в голове. Я каждый раз сбиваюсь, когда ты начинаешь.

На этот раз она замолчала сразу. В тишине я по-прежнему чувствовал её присутствие: не магией, а по слабому шороху плаща, когда она меняла положение. Мне хотелось открыть глаза и убедиться, что она не ушла. Приходилось признать, что оставаться здесь одному я боялся сильнее, чем слушать её. Поэтому я лежал с закрытыми глазами и ждал очередного шороха, сердясь на себя за это ожидание.

Я положил ладони на колени. Под ногтем засох воск от цилиндра. Большой палец хотел соскоблить его; я оставил это желание без движения. Сначала вернулось ощущение крови в кончиках пальцев, затем под кожей проступило знакомое тихое тепло. Я не тянул его к двери, не придавал ему форму. Позволял собираться.

Гул больше не мешал сосредоточиться.

Я осторожно направил силу к правой ладони. Она ответила сразу. Без боли, без пустого тянущего ощущения за глазами. Провёл её выше, к локтю, вернул. Хотелось проверить заклинанием, но я остановился: мне требовалась сила, а не доказательство для Нэры.

Что-то коснулось ресницы.

Я открыл глаза. Перед лицом висела белая крупинка. Слишком близко; я отодвинул голову, ожидая, что она упадёт на рубаху.

Крупинка осталась на месте.

Чуть дальше зависла целая россыпь пыли. В зелёном сиянии были видны песчинки, крошечный обломок камня, тон-

кая нитка с моего плаща. Они не опускались. Я выдохнул на ближайшую — она даже не качнулась.

— Вставай.

Нэра уже стояла у стены.

— Сколько прошло?

— Достаточно. Она нас заметила.

Я упёрся ладонью в пол и поднялся. В висках больше не болело, ноги держали уверенно. Я застегнул пояс и посмотрел на дверь.

— Если задержимся, — сказала Нэра, — лёгкие остановятся вслед за пылью.

Я взял цилиндр.

Пластина распрямилась над раскрытой ладонью. За моей спиной Нэра переступила ближе к стене; я слышал подошвы, но не оборачивался. На поверхности двери проступил белый шов, разделявший круг надвое. Раньше я принимал его за одну из борозд.

Я совместил края листа с гнездом.

— Когда начнёт открываться, не убирай руку, — сказала Нэра.

— Ты знаешь это или предполагаешь?

— Не убирай.

Металл вошёл легко, словно гнездо само приняло его. Щелчка я почти не услышал, зато ощутил его подушечками пальцев. Йокуданские знаки оказались заподлицо с бороздами. Несовпадений не осталось.

Я прижал правую ладонь к пластине.

Мне неоткуда было знать мелодию. Я помнил только, как камень у входа отвечал пульсу, и попробовал начать с того же. Толчок сердца. Пауза. Ещё толчок. Сила пошла сквозь руку, и по одной из насечек протянулся тусклый свет.

— Так? — спросил я.

Нэра не ответила.

В груди возник низкий звук. Я почувствовал его раньше, чем услышал: будто собственные рёбра стали частью инструмента. Попытался удержать, не форсируя дыхания. Свет полз по спирали медленно, цеплялся за каждый угол. Я добавил силы.

Под ладонью стало пусто.

Ничего не сдвинулось, но ощущение опоры исчезло, и я едва не подался вперёд. В следующий миг белая вспышка ударила в грудь. Воздух вышел коротким нелепым звуком. Меня отбросило на шаг; пятка попала на обломок, пришлось выставить левую руку, чтобы не удариться о стену.

Правая повисла у бедра. Я попытался согнуть пальцы. Они не ответили.

В ушах тонко звенело.

Ворота заскрежетали. Между створками появилась щель шириной в несколько пальцев. Из неё хлынул холод, несущий запах грозы и пыли, какой я прежде не знал: сухой настолько, что от одного вдоха заболели дёсны.

— Ещё, — выдавил я.

Створки остановились.

Звон изменился. К нему добавился сухой треск слева. Я повернулся и увидел, как каменный воин на стене светлеет по краям, словно за ним развели огонь. На лице выступила трещина.

Из трещины вышло чёрное ребро.

Оно повисло поперёк прохода, повернулось, разделилось на несколько граней. За ними возникла пустота. Я видел стену сквозь промежутки, но не мог понять, что связывает части между собой.

Нэра подняла кристалл.

— Не хватило силы. Назад, они проснулись!

Мысленный крик Нэры перекрыл звон в ушах. Последние слова она выкрикнула уже вслух:

— От двери!

Я отступил боком. Существо дёрнулось, и только тогда я увидел его целиком: многорукая паучья фигура из чёрных стеклянных призм. Ни глаз, ни пасти. Одно из передних остриёв было направлено мне в живот.

Зелёный поток ударил ему в середину.

Грани разлетелись. Я прикрыл лицо левой рукой, ожидая осколков, но они остановились, повернулись острыми краями внутрь и начали сходиться. Щелчок. Ещё щелчок. Нэра стиснула кристалл обеими руками.

У противоположной стены проступила вторая фигура.

Третья возникла дальше по коридору, между нами и по-

воротом, за которым остался Варен. Она была выше остальных; вместо ног сходились два длинных клина. Я попытался проследить её движение, но она уже стояла ближе. Промежутка, за который должна была преодолеть расстояние, я не увидел.

— Держи их, — сказал я.

— Открывай!

Я повернулся к щели. Туда не проходило даже плечо. Зато можно было просунуть пальцы, ухватиться за внутренний край. Правая ладонь начинала покалывать — неприятно, но чувствительность возвращалась.

Какого черта мне настолько не повезло с миссией?

Вопрос пришёл с совершенно неподходящей ясностью. Торговец, получатель, шифр. Я должен был сидеть в нише, есть плохую похлёбку и следить за чужими руками. Теперь за моей спиной собиралось существо, которое даже после удара не соглашалось рассыпаться.

Я втиснул пальцы в зазор.

Металл обжёг холодом. Левую ступню упёр в низ дверной рамы, правую отвёл назад. Потянул. Боль прошла от кистей к плечам, пояс врезался в живот. Я изменил хват, попробовал развести края в стороны.

Ничего.

Сзади хрустнуло. Зелёный отблеск скользнул по инею, исчез.

Я задержал дыхание и потянул ещё раз, всем телом. Но-

готь заскрёб металл. На белом крае осталась тёмная полоска грязи. Щель не стала шире даже на толщину этой полоски.

Отражение за моим плечом изменилось.

Я начал поворачиваться. Чёрная грань уже была рядом.

Она не замахнулась. Просто сместилась, прошла через ткань и коснулась левого плеча. Раздался звук, похожий на разрываемый шёлк.

Рука соскользнула с двери.

Я посмотрел вниз. Через прорезь в плаще выходил серебристый туман. Он висел ровной полоской, повторяя рассечение. Кожа вокруг была серой; я не чувствовал ни холода, ни прикосновения ткани.

Потом из раны ударила кровь.

Боль согнула меня. Я прижал локоть к боку, но плечо от этого словно разошлось шире. Пальцы левой руки скрючились и замерли. На полу одна за другой появились тёмные капли.

— Ты пытаешься раздвинуть это руками?!

Крик Нэры прошёл через голову так резко, что я зажмурился. Когда открыл глаза, она уже опускалась на одно колено.

Кристалл ударил в пол.

Зелёная вспышка пошла по камню. Мой сапог оторвался от поверхности, хотя я не поднимал ногу; на мгновение тело потянуло к стене. Тень Нэры осталась стоять там, где её самой уже не было.

Ближайший страж распался на плоские слои. Они расходились и снова сходились, каждый раз чуть неверно. Чёрное острие прошло возле моего лица, не приблизившись; я отшатнулся, ударился затылком о ворота и наконец почувствовал под обеими подошвами пол.

— Десять секунд! — Нэра кричала вслух. — Пока они не собрались!

— Дверь не идёт.

— Ей мало твоей воли. Дай кровь. На лист! Или придётся дать ей Инжениум!

Я посмотрел на кристалл, вдавленный в трещину под её ладонями. Вокруг него камень казался мокрым от зелёного огня. Первый страж уже складывался; одна грань нашла своё место с тонким, чистым звоном.

Правая рука ещё слушалась.

Я подхватил ею левое запястье, прижал наруч к бедру и нажал защёлку. Скрытый клинок вышел под манжетой. Боль в плече оборвала вдох, но сталь осталась неподвижной. Мне не требовалось поднимать её.

Требовалось провести по ней ладонью.

Я разжал правые пальцы. На коже лежала белая полоса от ледяного края двери. Прижал основание ладони к лезвию и протянул руку поперёк.

Я стиснул зубы и отвёл ладонь от лезвия.

Кровь собралась в разрезе, потекла к запястью.

— Сейчас! — крикнула Нэра.

Я ударил ладонью по металлическому листу.

Спираль стала чёрной.

Иней вокруг пальцев вспыхнул красным, но не растаял: каждый кристаллик поднялся над поверхностью, и я увидел сквозь них собственную кровь, растекавшуюся по бороздам. Из двери вырвался низкий протяжный звук. Я вжал голову в плечи, но руку не отнял.

Запахло морской солью. Резко, до боли знакомо — портом, мокрым канатом, водой у борта. Потом запах сменила горечь пепла.

Ладонь провалилась вперёд.

Створки разошлись с такой силой, что я едва удержался на ногах. Чёрно-красная вспышка прокатилась мимо меня, обнажив на миг каждую трещину коридора. За спиной коротко звякнуло стекло.

Я обернулся.

Ближайший страж исчезал от середины к краям. Там, где только что сходились его грани, оставалась серая пыль. Она больше не пыталась собраться. Второй рассыпался, не успев закончить поворот. От третьего на мгновение сохранились два длинных клина, затем и они опали, обозначив на полу узкую полосу.

Пыль коснулась моего сапога.

Обычная пыль. Она падала.

Нэра вытащила кристалл из трещины. Выпрямилась, не сразу разогнув колени. Я видел её лицо в новом свете: рот

приоткрыт, нижняя губа дрожит. Она посмотрела на мою руку и отступила на полшага.

— Всех троих…

Я попытался согнуть окровавленные пальцы. Разрез растянулся, кровь пошла сильнее.

— Они вернутся?

Она не ответила.

— Нэра.

— Нет. Ты уничтожил их вместе с печатью.

Я посмотрел на рассыпанную пыль. Под плащом спускалась тёплая струя, и левая рука висела тяжело, почти без чувств.

За открытыми воротами было нечто похожее на ночное небо.

Я повернулся к нему всем телом. Не находил ни стены, ни потолка. Холодные точки горели выше головы, по сторонам, далеко внизу. За порогом я уже не различал пола; взгляд проваливался в темноту.

Посередине висел чёрный постамент.

Его поверхность складывалась в тугие бугры и складки, похожие на окаменевшую плоть. Я не мог определить расстояние. Казалось, стоит протянуть руку — и коснусь; потом замечал уходящую за него цепь и понимал, насколько он должен быть велик.

В постамент был вонзён клинок.

Взгляд соскальзывал с его середины. Я различал края, ру-

коять, длинное сужение к острию, но между ними не было ни металла, ни стекла. Там что-то разошлось, оставив форму меча. Вокруг дрожали звёздные точки, вытягиваясь в короткие полосы.

Золотистые цепи удерживали его со всех сторон. Они светились насквозь; ни одного тёмного звена, ни тени на чёрном основании.

Нэра подалась вперёд. Кристалл дёрнул её руку вслед за собой, и ей пришлось перехватить его второй ладонью.

— Вот он.

Я услышал, как она сглотнула.

— Им можно освободить души. Те, что забрал Инжениум. Они всё ещё там.

— Ты говорила — не дать ошибке выйти наружу.

— Для этого и нужен меч.

Она не смотрела на меня. Голос стал тише, почти ласковым. Я вспомнил, что она так же уверенно обещала разбудить Варена.

— Подойди, — произнесла Нэра. — Цепи пропустят того, кто поёт Песнь. Твоя кровь открыла врата. Теперь сними оковы.

В зубах снова появился гул. Я посмотрел на свою ладонь, на капли, уходившие с неё в черноту за порогом. Ни одна не вернулась звуком.

В архиве инструктор закрыл тетрадь ладонью. Я вдруг увидел это движение отчётливее, чем лицо Нэры рядом.

Если никто не держит клинок — отойди.
Здесь его держали цепи.

Глава 5. Цена верности

Нэра ступила за порог.

Каблук стукнул о камень там, где я видел только звёзды. Она перенесла вес, сделала ещё шаг; под подошвой хрустнула песчинка. Я опустил взгляд. Теперь различалась узкая полоса пола, чёрная, с потёртыми краями плит. Светящиеся точки никуда не исчезли. Они просвечивали сквозь неё или отражались в ней — я не мог понять.

— Здесь можно идти?

— Я же иду.

Она оглянулась, заметила, куда я смотрю, и опустила кристалл. Зелёный отсвет лёг на шов между плитами.

— Под ноги смотри. Не вниз.

Я переступил порог правой ногой, попробовал надавить каблуком. Пол держал. При следующем шаге в плече потянуло, и я остановился, прижав локоть к боку. Рубаха прилипла к ране. Ткань остывала быстрее, чем кровь успевала её пропитать, и каждый толчок под сердцем отдавался неприятной влажностью под мышкой.

Нэра ждала.

— Рука? — спросила она.

— Плечо. Подожди немного.

Я поднял правую ладонь к вороту. Порез раскрылся, когда пальцы сжали ткань. Пришлось перехватить двумя, оттянуть

рубаху и посмотреть. Ворот не давал увидеть рану целиком; я различил мокрый край рассечённой кожи, сероватое пятно возле него. От запаха собственной крови на короткое мгновение замутило.

— Можешь остановить?

— Не сейчас.

— Значит, подождёшь.

Я вытащил из-под пояса свободный край рубахи, собрал его комком и прижал к плечу через ворот. Боль заставила согнуться. В таком положении я видел носки сапог, узкую щель между плитами и свою кровь, собиравшуюся на костяшке большого пальца. Дышал ртом. Здесь было холодно, но под плащом стоял запах горелой шерсти и пота.

Нэра не торопила. Кристалл в её руках дважды дёрнулся к постаменту; второй раз ей пришлось переставить ногу.

— Его тянет к мечу? — спросил я.

— Да.

— А отпустить?

— Не собираюсь пробовать.

Она отступила на полшага, подтянула камень к животу. Рукав съехал; Нэра попыталась вернуть его на запястье подбородком, не выпуская кристалла. Не получилось. Она раздражённо тряхнула плечом и оставила как есть.

Я убрал ткань от раны. Кровь ещё сочилась, но уже не текла по руке. Комок рубахи удалось заткнуть под ворот, хотя держался он плохо. Полноценную перевязку пришлось отло-

жить.

— Варен остался наверху.

— Помню.

— Сам он отсюда не выйдет.

Она посмотрела мимо меня, на открытые створки.

— Возвращаться тем же путём.

— Ты уверена, что он ещё будет жив?

— Я не знаю, Тарасиэль. Когда мы ушли, он дышал.

Она произнесла моё имя устало, почти с просьбой перестать спрашивать. В таверне оно было угрозой; теперь звучало так, будто мы давно шли вместе и успели надоесть друг другу. Это сбивало с толку. Мне было удобнее помнить только женщину, которая пустила мне кровь ради своей проверки, но передо мной стояла ещё и та, что удерживала стражей у двери. Я не хотел быть ей обязанным. Тем более за то, что она сама сделала необходимым.

Это было честнее прежних обещаний. Меня такой ответ не устроил, но требовать другого значило тратить время. Я пошевелил пальцами левой руки. Средний и безымянный отзывались плохо; большой слушался. Для застёжки хватило бы. Для меча — я пока не представлял.

Мы подошли ближе к постаменту. Вблизи он оказался ниже, чем виделся от ворот. По чёрной поверхности проходили округлые складки, между ними лежала пыль. В одной застрял светящийся отрезок цепи. Никакого замка я не нашёл. Звенья уходили в бугристое основание, будто их залили вме-

сте с ним, и поднимались к мечу под разными углами.

Возле ближайшего крепления гудело сильнее. Звук ощущался в переносице; стоило сжать зубы, и начинали ныть корни. Я разжал челюсти. Изо рта вышел белёсый пар. У Нэры его не было, но она почти не дышала ртом.

— За что его брать?

— Пока ни за что.

— Ты велела снять оковы.

— Снять. Не хвататься за цепь.

— Тогда покажи.

Она обозначила подбородком место, где сходились две золотые полосы.

— Видишь соединение?

Я наклонился, удерживая левый локоть у ребра. Здесь свет был слишком густым: края звеньев сливались, и разглядеть, где одно кончалось, было невозможно.

— Вижу два крепления. Между ними?

— Да. Туда нужно направить силу. Но сначала посмотри на меня.

Я выпрямился.

— В прошлый раз ты отдал сразу слишком много. У двери это помогло. Здесь не делай так без предупреждения.

— Ты сама кричала, что мало.

— И было мало. Потом стало слишком много. Я стою рядом, Тарасиэль. Дай мне хотя бы время отойти.

Она произнесла это без прежней снисходительности. Я

посмотрел на её пальцы. Один ноготь был обломан; под ним засохла тёмная полоска. Кристалл лежал поперёк ладоней. Она держала его так крепко, что кожа на суставах побелела.

— Когда цепи спадут, что будет с ним?

— Не знаю.

— Он останется здесь?

Нэра взглянула на клинок. Её подбородок медленно опустился.

— Надеюсь.

Я ждал продолжения, но она больше ничего не сказала. В стороне от рукояти вытянулась одна из светящихся точек. Тонкая полоса дрожала, раздваивалась. На самом мече глаз задержать не удавалось: я видел очертания, а потом обнаруживал, что смотрю на цепь за ним.

С таким оружием не пришлось бы просить Талмор соблюдать договоры.

Мысль возникла с неприятной лёгкостью. Я ещё не мог разобрать, где кончается рукоять, а уже представлял стол, за которым выслушивают моё донесение. Начальник службы сначала потребует повторить. Потом заставит описать всё по порядку, не пропуская мелочей. До императора такие сведения дойдут быстро.

Они охренеют от моего отчёта.

Я почувствовал, что улыбаюсь, и убрал улыбку, прежде чем Нэра повернулась. Талмор, правивший Альдмерским Доминионом, заставил Империю принять унизительный

мир. Теперь передо мной находилось нечто, ради чего условия следующего договора могли составлять уже в Имперском городе. Если меч разрезал защитные печати, его можно было поднести к укреплённым воротам. Если он делал то, что я видел сейчас, — возможно, и к тому, чего обычное оружие не брало вовсе.

Я не знал его пределов. Это следовало выяснить. В самой необходимости забрать его сомнений почти не осталось.

— Ты меня слышишь?

Я перевёл взгляд на Нэру.

— Слышу.

— Не начинай, пока я не скажу.

— Я ещё ничего не делаю.

Она всмотрелась в моё лицо. Я позволил себе поморщиться и поправил ткань у плеча. Для этого не пришлось притворяться.

Нэра снова повернулась к креплениям. Ей нужен был меч. Не помощь в составлении донесения, не возможность передать находку имперским магам. Она привела меня сюда ради своего дела и намеревалась довести его до конца. После этого могла уйти вместе с оружием. Я едва держался на ногах; заставить её остаться разговором вряд ли получилось бы.

Можно было предложить сделку. Я слишком хорошо умел начинать такие разговоры, чтобы теперь честно сказать себе, будто другого выхода нет. Пришлось бы признать её право на находку, терпеть отказ, обещать больше, чем мог исполнить.

И всё время следить, не собралась ли она уходить. От одной этой необходимости меня охватывала злость. После крови, после ворот, после чужого веса на руках мне хотелось, чтобы хоть что-нибудь наконец оказалось моим без переговоров.

Я даже начал подбирать условия. Помощь службы. Доступ к архивам. Людей, которые займутся душами, о которых она говорила. Но я ничем из этого не распоряжался. А она могла согласиться сейчас и исчезнуть, едва получит желаемое.

Под плащом флакон упирался в бок.

Я вспомнил, как вынул его из кошеля убитого палача. Тёмная жидкость, восковая пробка. Названия я не знал. Только предположил, для чего человек, охотившийся на магов, носил такую вещь при себе.

Нэра подняла кристалл, осветила основание постамента. Сейчас она ничем мне не угрожала. Раньше она удерживала стражей, пока я возился с дверью. И из таверны мы выбрались вместе. Я посмотрел на обломанный ноготь и вспомнил, как она обеими руками тянула кольцо люка.

Я решил убить её до того, как она возьмёт меч.

Правой рукой нащупал флакон. Стекло оказалось скользким: ладонь всё ещё кровила. Я зажал горлышко между указательным и средним пальцами, не вынимая руки из-под плаща.

— Эти души, — сказал я. — Ты уверена, что они там остались? Ты их слышишь?

Нэра перестала двигать камнем. Я ждал ответа, большим

пальцем нащупывая край воска. Вопрос был нужен, чтобы удержать её внимание, но, когда она обернулась, пришлось выдержать взгляд так, будто меня занимало только её дело.

— Иногда слышу. Сейчас почти ничего, кроме меча.

— Значит, после тебе всё равно понадобится камень? Я думал, ты хочешь его разбить.

— Нет. Мне ещё нужно найти их. Я тебе говорила, Тарасиэль: меч нужен, чтобы добраться дальше. Сам по себе он никого не освободит.

В её голосе было нетерпение, но она всё-таки объясняла. Я кивнул, будто наконец понял, и поддел пробку. Сухой ободок врезался в кожу возле ногтя. От боли захотелось перехватить флакон удобнее; пришлось удержать руку неподвижно и ждать, пока Нэра снова займётся постаментом. Воск треснул лишь со второй попытки. Крошечный обломок звякнул под ногами, почти неслышно за гулом, а я всё равно замер. Она могла спросить, что упало. Тогда пришлось бы либо сразу ударить, либо показывать руки.

Она смотрела на крепления.

Я достал пробку, зажал её в сгибе мизинца. Из горлышка пахнуло серой и холодным пеплом. Пришлось задержать дыхание. Мне показалось, запах должен заполнить весь зал, но Нэра не обернулась.

Левое предплечье лежало поперёк живота. Клинок после пореза ладони я так и не убрал до конца; под тканью оставался короткий острый выступ. Теперь я выдвинул лезвие,

стараясь не менять положения локтя. Защёлка отдала лёгким толчком в запястье.

Рука дрогнула. Плечо сразу отозвалось, и я упёр предплечье в пояс, чтобы удержать его. Нельзя было поднимать локоть. Нельзя было рассчитывать на длинный замах.

Я наклонил флакон. Капля легла на сталь, повисла, затем растянулась вдоль края. Я успел подумать, что это может быть бесполезная дрянь. Что человек мог носить её совсем для другого. Но продолжил наклонять, пока на лезвии не появилась тёмная полоса.

У неё не было щита. До груди оставалось меньше вытянутой руки. Если сделать шаг всем телом, плечо почти не придётся поднимать.

Я вернул пробку на место, придавил её ногтем. В кармане флакон стукнул о железного сокола. Я прижал оба предмета ладонью и замер.

Нэра повернулась.

— Что ты там делаешь?

— Плечо не даёт руку поднять.

Я показал правые пальцы, испачканные собственной кровью. Левую оставил под плащом. Она посмотрела на мокрый ворот, потом на моё лицо.

— Подойди. Сюда.

Она сместилась, освобождая место у крепления. Я сделал шаг. Сапог задел шов; пришлось осторожно выровнять ногу, чтобы не качнуться. Я находился достаточно близко, чтобы

видеть мелкие трещины на её пересохшей нижней губе.

— Я помогу, — произнёс я. — Покажи, куда направлять силу. Только…

Кристалл пожелтел.

Резкий звук ударил по ушам. Нэра подняла глаза, и я понял, что договорить не успею. Она смотрела не на руку под плащом, а прямо мне в лицо. Отступила, прижимая камень к груди.

— Ты хочешь меня убить?

Я двинулся следом.

— Ради Империи? — Она выдохнула это с такой злостью, что на подбородок попала слюна. — Ты даже здесь…

Её правая рука пошла вверх. Жёлтый свет расширился, залил пальцы и нижнюю часть лица. В нос ударило тем же горячим запахом, который я помнил по таверне.

Я уже приготовил удар. Она только начинала свой.

Подался вперёд, разгибая левую руку у самого бока. Ткань плаща зацепилась за запястье. Я дёрнул сильнее. В плече рвануло так, что на мгновение потемнело перед глазами; я продолжал двигаться, не поднимая локтя, толкая лезвие весом тела.

Нэра пыталась отшатнуться. Задний каблук скользнул, но она удержалась. Между нами ещё оставалось расстояние, и я сделал второй короткий шаг, почти наступив ей на ногу.

Остриё вошло между рёбрами, слева.

Я почувствовал сопротивление ткани, затем мягкий тол-

чок. Клинок прошёл глубже. Её свободная ладонь ударила меня по груди, пальцы вцепились в ворот. Я не отстранился. Вжал запястье, удерживая направление, пока гарда не коснулась плаща.

Жёлтый отсвет погас.

Нэра открыла рот. Я услышал крик внутри головы раньше, чем её дыхание коснулось щеки. Колени подломились, но её рука держала меня за одежду. Я видел собственную пуговицу между её пальцами и не мог отвести взгляд. Крик продолжался, хотя она уже пыталась что-то сказать.

Из уголка её рта вышел зелёный пар.

Я отдёрнул голову. Пар обжёг ноздри, глаза заслезились. На ресницах Нэры выступило такое же свечение. Оно просачивалось из-под век тонкими струйками, растекалось по вискам. Она моргнула; кожа у глаза смялась, и по ней прошла серая трещина.

Я хотел вытащить клинок.

Рука не послушалась. Судорога стянула плечо и шею; я стоял, склонившись к ней, и пытался оторвать от ворота её пальцы правой ладонью. Порез раскрылся под чужими ногтями. По ткани между нами стекала моя кровь.

Кристалл хрустнул.

Нэра вздрогнула, посмотрела на него. На зелёной поверхности появилась белая линия. Она шла от одного конца до другого, расширялась на глазах. Из трещины бил свет, слишком яркий, чтобы смотреть прямо.

— Ты не понимаешь… — прохрипела Нэра.

Её пальцы ослабли. Я отступил, наконец высвобождая лезвие. Вместе с ним из раны посыпалась серая крошка. Крови на стали почти не было.

— …что разбудил.

Она попыталась прижать вторую ладонь к расколотому камню. Рука не дошла. Запястье рассыпалось, пальцы исчезли в оседающем облачке; край рукава провалился следом. Я отшатнулся ещё на шаг. Я ещё видел её лицо, когда плечи уже рассыпались. Потом щёка ввалилась, и я больше не видел глаз.

Пепел упал на мои сапоги.

Меня обдуло холодным воздухом. Серая пыль поднялась, закрутилась у колен. Там, где стояла Нэра, на мгновение остался только камень, всё ещё на высоте её руки.

Он упал.

Я успел повернуться боком и прикрыть лицо правым предплечьем. Вспышка прошла сквозь закрытые веки. Удар сорвал меня с ног, протащил по плитам. Левое плечо попало под спину; я закричал, но не услышал голоса. Затылок стукнулся о пол. Воздух вышел из груди, и следующий вдох не получался.

Я лежал на боку, разинув рот. Под щекой скрипела пыль. Правая нога согнулась, подошва нашла опору, и я попытался приподняться. Тело судорожно втянуло воздух. Сразу за ним пришёл кашель.

В ушах стоял звон.

Я поднял голову. Ворот был вывернут, комок ткани выпал из-под него. По левой руке снова текло. На правом рукаве лежал серый налёт; я стряхнул его, прежде чем понял, что делаю.

Нэры не было.

У основания постамента металось зелёное свечение. Разглядеть целый кристалл я не мог. Искать её среди пыли было бессмысленно: я видел, как она рассыпалась. И всё-таки взгляд возвращался к тому месту, где только что находились её ноги.

Над постаментом что-то лопнуло.

Первую цепь я заметил уже разорванной. Два светящихся конца разошлись; один хлестнул по чёрной поверхности, другой взлетел. Ближайшие звенья вытянулись в прямую линию и с коротким звоном рассыпались. За ними разлетелась вторая цепь. Золотые искры ударили в пол вокруг меня. Я закрыл лицо, ожидая ожога, но почувствовал только холод.

Оставшееся крепление дрогнуло.

Я попытался оттолкнуться левой рукой и сразу упал на локоть. Боль пробила плечо до самой шеи. Пришлось перевернуться, опереться на правую ладонь. Рана скользила по пыли. Я выругался и подтянул колено под живот.

Меч поднимался.

Его остриё вышло из чёрного основания без скрежета. Вслед за ним по постаменту прошла узкая черта. Верхний

бугор отделился и медленно сдвинулся в сторону, открывая ровный срез.

На полу рядом с моей рукой появилась такая же линия.

Я отдёрнул пальцы. Шов пересёк плиту наискось, не совпадая с кладкой. Из него не вылетело ни одной крошки. Просто одна половина камня стала чуть ниже другой.

Гул поднялся до воя. Между мной и мечом висела пыль Нэры; по ней проходили ровные просветы, и каждый следующий оказывался ближе. Я попятился на коленях. Сапог застрял в новом разрезе. Пока я высвобождал его, край плаща распался надвое.

Я обернулся к воротам. Они были там же, но прямые края створок изгибались, словно я смотрел на них через движущуюся воду.

Я убил единственного человека, который мог сказать, что делать дальше.

Свободный клинок медленно повернулся надо мной.

Глава 6. То, что вошло в кровь

Я поднялся, держась правой рукой за колено. Пол под сапогом качнулся. На мгновение показалось, что сейчас наклонится весь зал и я съеду к постаменту вместе с пылью, обломками цепей и тем, что осталось от Нэры.

Меч висел передо мной. Рукоять была различима лучше лезвия: тёмное утолщение, достаточно длинное для ладони. Ни кожи, ни обмотки, ни навершия я не видел. Я смотрел на неё и пытался оценить расстояние. Два шага. Возможно, три. После первого оно почти не изменилось.

За спиной треснул камень, но я перестал оглядываться. Если побегу сейчас, меч останется здесь. Если останусь смотреть, он разрежет меня прежде, чем я решусь протянуть руку. Я уже видел ровную черту возле собственных пальцев. Никакой защиты от неё у меня не было.

Мне хотелось ещё немного постоять, хотя каждый новый треск делал это желание нелепым. Пока рукоять оставалась передо мной, я мог думать, что всё ещё выбираю. Стоило протянуть руку — и оправдываться пришлось бы уже тем, что случится дальше. Я вспомнил, как уверенно представлял доклад в Имперском городе. Сейчас не получалось вообразить даже первый шаг без боли. Но отказаться после Нэры значило уйти с одной её смертью, и этой мысли я не вынес. Пришлось идти.

Воздух ударил в лицо, густой и горячий. Сквозь вой прорвались голоса. Они говорили одновременно, слишком близко; один будто возник у самого затылка. Я пригнулся, хотя уклоняться было не от чего. Во рту появился вкус крови. Нога скользнула, я поймал равновесие и сделал последний шаг.

Правая ладонь легла на рукоять.

Первым движением было разжать пальцы. Боль прошла через старый порез до самого локтя, и рука попыталась отдёрнуться раньше, чем я успел подумать. Я удержал её. Большой палец соскользнул, нашёл опору снова. Под кожей стало так холодно, что различать отдельные пальцы я перестал.

— Держи, — сказал я себе.

Голоса не смолкали. Кто-то кричал длинно, на одном дыхании. Другой повторял слово, которого я не знал. Между ними слышалось низкое многоголосое пение. Оно усиливалось, а зал перед глазами светлел, хотя сияние меча стало слабее.

Я стоял в песке.

Солнце било по векам. Ветер тянул запах нагретой кожи, пота и металлической пыли. Передо мной тянулись ряды людей с обнажёнными руками. На предплечьях блестело масло; край ткани у ближайшего воина был заткнут за пояс. Он пел вместе с остальными, не поворачивая головы. В его поднятой руке светился меч.

Я знал, что это Йокуда, и не мог бы объяснить, откуда знаю. Затонувшая родина редгардов была знакома мне по

картам и чужим рассказам. Здесь я чувствовал песок под подошвами. Он был сухим, рыхлым, совсем не похожим на каменную пыль склепа.

Я попробовал отступить. Ноги не двинулись.

Из строя вышел человек. Лицо его менялось, когда я пытался рассмотреть: то старое, с глубокими складками у рта, то почти молодое. Имя Хундинга пришло одновременно с движением его руки. Не прозвучало. Просто оказалось у меня в голове, как ответ, который долго искал и наконец вспомнил.

Он опустил клинок.

Перед ним что-то разошлось. Я не увидел ни раненого, ни крови. Ряд воинов за его спиной стал короче, и я не мог сосчитать, сколько человек там было прежде. Пение сбилось. Ближайший ко мне мужчина повернул голову, открыл рот, но его слова потонули в новом звуке — испуганных голосах, уже не державших общего тона.

Затем перед глазами возникли цепи.

Я видел руки, державшие их, каменное основание, золотой свет на вспотевших лицах. Кто-то торопил остальных. В этих обрывках было отчаянное желание остановить то, что только что сделали. Мне передавалось чужое знание: меч создавали, чтобы отделять и исправлять, но он продолжил резать дальше, чем рассчитывали его создатели.

Я не знал, было ли это памятью, ложью или тем, как мой разум пытался объяснить происходящее. Лицо человека, ко-

торого я принял за Хундинга, уже расплывалось. От ясности остался только страх перед оружием.

В ладонь снова ударила боль.

Я увидел собственные пальцы. Они были сжаты вокруг рукояти, но между ними проходили тонкие белые полосы. Мне показалось, что кисть уже рассечена и держится только потому, что я не смотрю достаточно внимательно.

Я попытался пошевелить большим пальцем.

Он двинулся.

Этого хватило, чтобы перестать думать о белых полосах. Я сосредоточился на давлении пальца, на ногтях, на правом локте. Моя рука. Моя боль. Рядом находилась рукоять, и я её держал. Всё остальное могло подождать.

Сопротивление усилилось. Кисть выкручивало наружу, хотя меч оставался неподвижным. В голове возникло острое ощущение, что меня узнали и не хотят подпускать. Канурай. Враг людей, чьи голоса ещё звучали вокруг. Я не слышал обвинения словами, но смысл был так же отчётлив, как отвращение на лице собеседника.

Я поставил правую ногу дальше, согнул колено и потянул рукоять к себе.

— Нет, — выдохнул я. — Уже нет.

Мне не ответили. Пальцы раздирало, плечо с другой стороны ныло при каждом вдохе. Я продолжал тянуть. Если отпущу, второй попытки не будет. Я не мог заставить себя поверить ни во что другое.

Свет сжался.

Резко, без постепенного угасания. Я качнулся назад, потому что сопротивление исчезло, и едва не сел на пол. В правой руке оказался клинок. Тёмный, с крошечными точками в глубине. Они походили на звёзды, но двигались вместе с лезвием. Его края слегка расплывались; воздух возле них оставался неспокойным.

Я повернул кисть.

Меч послушался. Веса почти не было. И всё-таки я чувствовал всю его длину, вплоть до острия, так ясно, будто вдоль стали проходили мои нервы. Стоило приблизить его к колену, и я заранее ощутил неприятный холод в том месте, которого он ещё не коснулся.

Голоса стихли. Гул остался.

Он больше не шёл от стен. Я слышал его с закрытым ртом, слышал сквозь дыхание и удары сердца. Зажать уши было бы бесполезно; я понял это раньше, чем попробовал.

Постамент осел.

Складки на его поверхности распались, заскользили вниз серым песком. В основании открылось пустое место. Я отступил, выставив меч в сторону, и почувствовал, как пол отозвался под пятками. Наверху проступили швы. Звёздные точки исчезали одна за другой, уступая место грубой кладке.

Оказалось, над нами всё это время был потолок.

Из него сыпалась пыль.

Я повернулся к воротам и увидел возле стены серый на-

нос. Пепел Нэры лежал там вперемешку с каменной крошкой. Среди него что-то блеснуло.

Следовало уходить. Я уже сделал шаг к выходу, когда подумал о кристалле. Даже маленький осколок мог пригодиться. Нэра держала при себе оружие, знала проходы, умела обращаться с душами. Неужели от неё ничего не осталось? Хоть застёжка. Хоть предмет, который помог бы узнать, кем она была.

Я опустился на колено.

Правую руку занимал меч. Я перехватил его ближе к концу рукояти, освободив два пальца, и потянулся к блеснувшей крупинке. Левым предплечьем поддержал себя о бедро. При таком положении плечо ещё терпело.

Под пальцами оказалась пыль.

Она обожгла сразу. Я дёрнулся, но крупинки уже попали в порез. В голове вспыхнул крик Нэры — тот самый, который я услышал, когда лезвие вошло ей в грудь. Я зажмурился. На миг её пальцы снова стянули мой ворот.

— Проклятье…

Я стряхнул пепел, разжал и снова сжал пальцы. Крик оборвался. На полу ничего не изменилось. Ни застёжки, ни стекла, ни лезвия её ножа. Блеснувшая крупинка исчезла среди остальных.

Я всё же провёл носком по краю наноса. Из-под него показалась голая плита. Ещё немного, только убедиться — я успел поймать собственную мысль и рассердиться на неё.

Над головой раздался сухой треск.

Я поднял глаза.

Из кладки выходила глыба. Сначала вниз сдвинулся один край, открывая чёрную щель. Потом другой. На нижней поверхности горели обрывки знаков; по ним бежала трещина. Камень был шире моих расставленных рук.

Я ещё стоял на одном колене.

Отпрыгнуть не успевал. Это стало ясно без расчёта: тело только начало разгибаться, а глыба уже закрывала потолок. Я вскинул правую руку. Меч прошёл поперёк падающего камня.

Ни удара, ни отдачи.

Только короткий хлопок, от которого заложило уши.

Глыба разделилась. Я видел гладкий срез совсем рядом с лицом, маленькие светлые включения в тёмной породе. Половины разошлись по сторонам. Одна задела край плаща, другая пронеслась у раненого плеча, не коснувшись его. За спиной ударило так, что зубы стукнулись друг о друга.

Меня накрыло пылью.

Пальцы на рукояти свело. Холод прошёл выше запястья; ноги на мгновение ослабели, словно я долго бежал и остановился слишком резко. Гул в голове стал ниже. В нём было нечто похожее на удовлетворение, и от этого захотелось бросить оружие.

Я удержал его.

К чёрту. Нужно спасаться.

До ворот я добрался, закрывая рот сгибом левого локтя. Поднять руку высоко не получалось, поэтому пришлось пригнуть голову. Пыль скрипела на зубах. Я кашлял, терял шаг, снова двигался. Под ногами расходились трещины; одну перескочил, в другую почти попал каблуком.

В коридоре было темнее. Я узнавал край стены, ступень, место, где недавно стояла Нэра. За спиной продолжало падать. Эхо шло вдоль прохода, и каждый раз казалось, что следующий удар придётся прямо над головой.

Я вспомнил Варена.

На повороте остановился, всматриваясь туда, откуда мы пришли. Пыль закрывала проход. Я не видел ни лестницы целиком, ни площадки, где оставил его. Там грохотало. Я сделал шаг в ту сторону и получил по лицу струёй мелкой крошки.

— Варен!

Голос сорвался на кашель. Я прикрыл рот воротом и крикнул ещё раз. Ответа не было. Я не мог даже понять, дошёл ли до него звук.

Справа оставался проход, уходивший вверх. Оттуда тянуло воздухом. Я стоял, повернув голову к пыли, и ждал ещё одно мгновение, за которое ничего не изменилось.

Потом пошёл на сквозняк.

Я не знал, жив ли торговец. Не видел тела. Не проверил. С этими тремя простыми обстоятельствами пришлось бежать дальше.

Проход поднимался неровными уступами. Я цеплялся сапогом за выступы, ударялся коленом, вытягивал шею, пытаясь разглядеть следующий поворот. Меч держал подальше от стены. Один раз остриё задело камень, и длинная полоска кладки отделилась без всякого усилия. Я отдёрнул кисть.

Пот стекал по виску. Здесь уже пахло не только пылью: сквозь неё пробивалась сырость, холодная, почти уличная. Впереди свистело. Я принял звук за новый обвал и пригнулся, но свист повторился, протяжный и неровный.

Ветер.

На последнем уступе пришлось опереться локтем о стену. Левая рука висела бесполезно. Я стоял, согнувшись, и втягивал воздух через ткань; каждый вдох царапал горло. За поворотом мелькнул бледный свет.

Я двинулся к нему.

Песок ударил в лицо раньше, чем я увидел выход. Между двумя наклонными плитами оставалась щель. Пришлось повернуться боком, провести меч вперёд и протиснуть плечи. Раненое задело камень. Я вывалился наружу, упал на колени и уткнулся правым предплечьем в мокрую землю.

Воздуха было много. Я никак не мог им надышаться.

Ветер рвал плащ, забивал песок за ворот, и всё же я не сразу попытался укрыться. Надо мной было небо. Молния выхватила остаток круглой стены, обломок перекрытия и дюну у самого проёма; в следующий миг я снова почти ничего не видел, но успел убедиться, что камня над головой нет. От

этого хотелось смеяться и кашлять одновременно. Я отполз от выхода, пока спина не упёрлась в кладку, и остался там, втягивая воздух открытым ртом.

Сентинела видно не было. Ни огней, ни стен — только мокрый песок, вылетавший из темноты прямо в лицо. Где-то за этой бурей оставались пристань, таверна, люди, рядом с которыми я ел несколько часов назад. До города могло быть совсем близко. Могло оказаться, что подземные проходы увели меня намного дальше. Проверять не было сил. Пока хватало того, что можно прижаться к стене снаружи, а не ждать, когда она рухнет на тебя.

На рукаве после попытки вытереть губы остался серый след. Я посмотрел на него и убрал руку. Пепел смешался с грязью, и различать, что именно я размазываю по лицу, не хотелось.

Меч всё ещё был в руке.

Песчинки исчезали у его края. Я видел их в редких вспышках: они летели с ветром и обрывались, не долетев до моего сапога. Оставлять оружие обнажённым было нельзя. Завернуть в ткань тоже: я уже видел, что оно сделало с плащом и камнем.

Я смотрел на рукоять. Чувствовал её даже там, где ладонь почти онемела.

Шеай создавали из души. Это мне объясняли ещё до Сентинела. Я забрал чужой меч, но теперь ощущал его частью себя. Возможно, его можно было убрать так же, как он по-

явился, — не в ножны, а внутрь.

Я закрыл глаза.

Ветер немедленно швырнул песок в лицо. Пришлось отвернуться к стене. Я сел удобнее, упёр пятки и сосредоточился на ощущении клинка. Не на том, как он выглядел. На его длине, на холоде за пальцами, на гуле, который звучал уже без помощи ушей.

Я попытался втянуть этот холод в руку.

Боль ударила в левое плечо. Я вскрикнул и почти разжал правую кисть. Лезвие вспыхнуло; сквозь веки прошёл белый свет. Что-то жёсткое упёрлось в грудь изнутри. Я согнулся, ловя воздух, и продолжил.

Сопротивление было знакомым. Меня снова не хотели впускать. Или не хотели оставаться во мне — я уже не различал. Я прижал затылок к камню и удерживал одну мысль: убрать меч. Не потерять, не отбросить. Убрать.

Пальцы начали сходиться.

Между ними становилось меньше рукояти. Я открыл глаза и увидел, как лезвие укорачивается, проваливаясь в ладонь. Свет стягивался к порезу, но новая кровь не появилась. По предплечью прошла дрожь. За ней пришёл холод, тяжёлый и неподвижный, остановившийся где-то глубоко под рёбрами.

Кисть оказалась пустой.

Я ещё долго держал её перед собой, прежде чем решился разогнуть пальцы. Песок теперь ударял прямо в кожу. В голове ровно гудело.

Может быть, эта чужая сила скрывала и то, что Нэра почувствовала во мне сразу. Может быть, редгарды увидят обычного эльфа и не узнают потомка своих древних врагов. Проверять придётся на людях. Здесь, возле разбитой стены, я мог только надеяться.

В Сентинел возвращаться было нельзя. Я представил ворота, факелы, человека, который велит опустить капюшон. Потом таверну — какой она стала после нас. Нет. Нужно было искать другое жильё, другую дорогу, хоть какую-нибудь крышу.

Я попробовал встать и снова опустился на песок.

Сначала плечо. И ладонь.

Я подтянул к себе сумку, зажал её между коленями и начал искать перевязочный набор.

Глава 7. Дом, которого нет на карте

Узел на перевязочном свёртке не поддавался. Я зажал конец тесёмки зубами, потянул и почувствовал вкус пыли. Под ногтем большого пальца набилась кровь. Ветер трепал ткань на коленях, и я наклонился, закрывая её грудью.

Мать не позволяла мне развязывать узлы зубами.

Я вспомнил её пальцы раньше лица: широкие ногти, ожог возле запястья, нитку, затянутую вокруг пореза. Она работала с парусиной, и кожа на указательном пальце была жёсткой, как подошва. Когда она проверяла, нет ли у меня жара, я старался прижаться лбом к середине ладони.

На кухне сушились две рубахи и чья-то чужая простыня. Вода с неё капала в миску, поставленную возле печи. Пахло варёным луком, мокрой тканью и рыбьим жиром: сосед снизу снова чинил свои сети прямо на лестнице. Мать сидела у окна. Света уже не хватало, но она не зажигала лампу, пока могла различать стежки.

Я стоял перед ней с порванным рукавом.

— Сам?

— За гвоздь зацепился.

Мне казалось, что если начать с рукава, о губе можно будет не говорить. Мать весь день шила чужую одежду, и я принёс ей ещё одну работу, за которую никто не заплатит. Это было знакомое, терпимое преступление. Драка означала во-

просы о том, кто начал, что сказал и почему я не ушёл. На последний вопрос у меня не было ответа, который она согласилась бы принять. Я ждал, что она рассердится на дыру, и заранее приготовился стоять молча.

Она взяла меня за локоть, повернула к окну. Я смотрел на её волосы. Одна прядь выбилась из-под платка и лежала поперёк щеки; мне хотелось поправить её, но тогда пришлось бы подойти ближе.

— А губу тоже?

— Упал.

Мать отпустила рукав.

— Снимай. Пока не расползлось дальше.

Я стянул рубаху через голову, поморщился и протянул ей. Она не стала спрашивать снова. Расправила ткань на колене, обрезала висящую нитку. Это молчание было хуже расспросов. Я подошёл к печи, погрел ладони и сказал:

— Они говорили, что ты врёшь.

Игла остановилась.

— Кто?

— Маро. И его брат. Что никакого острова нет. И мы не оттуда.

— Ты рассказывал им про остров?

Я пожал плечами.

— У Маро дед служил на корабле. Он сказал, что знает все острова.

Мать положила шитьё. Посмотрела на дверь, за которой

звякнуло ведро. Мы жили в Анвиле, в доме возле гавани; на лестнице всегда кто-нибудь находился. Иногда я узнавал жильцов по шагам, иногда ошибался и бежал открывать чужому человеку.

Она дождалась, пока шаги стихнут.

— Что именно ты рассказал?

— Что мы жили на Йокуде. Раньше.

— Ещё что?

— Что у нас были свои мечи. И города.

— Имя ты произносил?

Я молчал.

Она встала. Подошла, присела передо мной, чтобы смотреть прямо, и взяла за запястья. Я решил, что сейчас меня ударят. Она никогда не била, но другие матери били, и я не знал, где кончаются правила, действующие только у нас дома.

— Тарасиэль. Ответь.

— Канурай.

Она закрыла глаза.

— Я только раз сказал. Они даже не запомнили.

— Откуда ты знаешь?

Ответа у меня не было. Я попытался высвободить руку. Она сразу отпустила и вернулась к стулу. Долго искала иглу, хотя та торчала в рукаве перед ней.

— Ты сама рассказывала.

— Тебе.

— А мне нельзя?

Она подняла на меня глаза. Я увидел, что она устала, но тогда это казалось ещё одной несправедливостью: я пришёл с разбитой губой, а жалеть почему-то полагалось её.

— Можно говорить, что твой отец чинил лодки. Что мы живём здесь. Что ты не любишь рыбу. Всё это правда.

— У всех есть что-нибудь ещё.

Мать посмотрела на миску под простынёй. Потом вытащила из-под кровати плоский ящик.

Я знал, что внутри лежат письма. Там же хранилась отцовская пряжка. Он умер от горячки, когда я был ещё меньше; я помнил его кашель, но почти не помнил голос. Пряжку мне позволяли держать. Письма — нет.

Теперь мать развернула один лист и положила на стол.

— Это писала моя бабушка. Здесь, видишь, пятно? Она опрокинула чашку. Всё собиралась переписать и не переписала.

Я увидел строчки, несколько зачёркнутых слов, бурый круг на сгибе. Ничего торжественного. Почерк был мельче материнского.

— Она жила на Йокуде?

— Нет. И её бабушка не жила. Мы очень давно оттуда ушли.

— До того, как всё утонуло?

— Наши — до. Так ей рассказывали.

Мать подвинула лампу, зажгла фитиль. Жёлтое пятно лег-

ло на её рукав. Снаружи кричали грузчики; по мостовой шла телега, и стекло в раме дребезжало, пока она не свернула за угол.

— Была война, — сказала мать. — Люди, которых теперь называют редгардами, воевали с нашим народом. Наши проиграли. В семейных записях говорится о нескольких лодках. Не военных. На них увозили детей, стариков, тех, кто сумел добраться до берега.

— Куда?

— Сначала на острова. Потом дальше. Я не знаю весь путь.

— А сколько нас осталось?

Она потёрла лоб.

— Не знаю.

Мне не нравилось, что она так часто этого не знает. В историях Маро люди всегда знали, сколько было кораблей, кто ими командовал и кого победили.

— Но они же спаслись?

— Некоторые. Иначе нас с тобой здесь не было бы.

Она перевернула лист. На обороте шли имена. Возле одних стояли короткие пометки, возле других — только черта.

— Когда моя бабушка была маленькой, её семья ещё получала письма от трёх других семей. Потом от двух. Одни переехали, другие перестали отвечать. Люди брали чужие имена. Детям давали такие же, как у соседей. Кто-то больше не рассказывал детям, откуда они.

— Почему?

— Чтобы им не пришлось драться из-за этого во дворе.

Я отвернулся.

Мать положила руку мне на затылок, но я отодвинулся. Она не стала удерживать. Собрала листы, оставив последний перед собой.

— Не каждый редгард станет тебе врагом, — сказала она. — И не каждый эльф поможет. Но ты маленький. Ты не умеешь отличать человека, которому можно рассказать, от человека, который захочет этим воспользоваться. Я тоже не всегда умею.

— Тогда зачем ты мне сказала?

Она долго не отвечала. В миску упала капля, потом ещё одна.

— Потому что не хотела, чтобы ты узнал от чужого.

Я посмотрел на письмо. Мне хотелось спросить, были ли среди наших короли, но я уже понимал, что она опять не знает. Вместо этого спросил:

— Можно прочитать?

— Руки вымой.

— Они чистые.

Она показала на мои пальцы. Под ногтями темнела грязь со двора. Я пошёл к кувшину, нарочно громко двигая табурет.

Когда вернулся, мать поставила рядом со мной тарелку. Лук остыл. Она зашивала рукав, а я разбирал мелкие буквы

и всё время спрашивал незнакомые слова. В письме были цены на муку, больная нога, просьба прислать хорошую иглу. Только на последней странице начиналось то, ради чего я согласился читать.

В комнате Друза пахло сапожной мазью и подгоревшей кашей. За окном шёл дождь. Он бил по жестяному желобу так сильно, что я не сразу расслышал вопрос.

— С сахаром?

Я сидел на кровати в чужих чулках. Пятки висели мешочками. Моя одежда лежала возле печки, грязная, с разорванным воротом. Друз держал ложку над горшком и ждал.

— Не хочу.

— Есть всё равно надо.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он посмотрел на ложку, словно сам не понимал, зачем.

— Я про сахар спрашивал.

Друз приходил к матери по вечерам. Приносил свёртки на починку и иногда оставался пить воду. Я считал его таможенным писцом: у него были чернила на пальцах и привычка проверять окно, прежде чем сесть. Теперь на спинке стула висел его пояс с коротким мечом.

Он поставил миску на стол.

— Мать придёт сюда?

Друз отодвинул стул, но не сел.

Я уже спрашивал. Внизу, когда он вёл меня за руку. На лестнице. Когда он снимал с меня мокрый плащ. Он отвечал:

сначала внутрь, сначала согреться, сначала снять сапоги. Я выполнил всё, что требовалось, и теперь он не мог придумать ещё что-нибудь.

— Нет, — сказал он.

— Ты говорил, что пойдёшь за ней.

— Я ходил.

Я смотрел на его пояс. Кожа возле пряжки была потёртой, одна дырка вытянулась. Мне казалось важным рассмотреть её до конца.

— Она умерла, Тарасиэль.

— Ты видел?

— Да.

Я соскочил с кровати, наступил на длинный носок чулка и упал. Друз двинулся ко мне. Я ударил его по руке, потом ещё раз. Он отступил и дал мне подняться самому.

— Ты её там оставил.

Он молчал.

— Отведи меня домой.

— Сегодня нельзя.

— Отведи!

Я схватил сапог и бросил в него. Промахнулся. Сапог ударил в дверь, оставив на ней мокрое пятно. Друз не поднял его. Я ждал, что меня схватят, запрут, начнут кричать. Он сел возле стола и придвинул миску подальше от края.

Я заплакал, когда понял, что он не собирается никуда идти.

Каша покрылась плёнкой. Дождь ослаб. Где-то внизу женщина звала служанку, и я каждый раз поднимал голову, хотя голос был совсем не похож.

— Из-за тебя? — спросил я наконец.

Друз провёл ладонью по лицу.

— Она помогала мне. Передавала сведения о людях в гавани. Кто с кем встречается, кто платит за чужой груз. Один из них узнал.

— Она шила.

— И шила тоже.

Я посмотрел на свои руки. Мать заставляла их мыть перед письмами. Здесь на столе лежало много бумаг, и никто не требовал, чтобы я держался от них подальше.

— Ты знал, что они придут?

— Нет.

— А должен был?

Он ответил не сразу.

— Должен был лучше её защитить.

Мне хотелось, чтобы он оправдывался. Тогда можно было бы снова закричать. Вместо этого он сидел и смотрел на остывшую миску.

— Ты кто?

— Работаю на императорскую службу. Пенитус Окулатус.

Слова ничего мне не сказали. Он объяснил проще: разыскивает людей, которые готовят нападения, покупают чиновников, передают врагам сведения. Я спросил, почему тогда

не нашёл тех, кто пришёл к нам. Он не стал повторять объяснение.

— Теперь я куда?

— Пока останешься со мной.

— Потом?

— Решим.

Я поднял сапог. Отнёс к печке, поставил рядом со вторым. Друз встал и снял горшок с края плиты.

— Эта пригорела, — сказал он. — Есть хлеб.

— Не хочу кашу.

— Я понял.

Он отрезал хлеб неровно, слишком толсто. Я взял кусок и сел на пол возле сапог. Когда Друз потянулся за полотенцем, я поднял голову.

— Ты куда?

— Никуда. Руки вытереть.

Он показал полотенце, прежде чем снова сесть.

На столе лежало направление на обучение. Друз придавил его чашкой, потому что из открытого окна дуло. Внизу торговали яблоками; продавец ругался с женщиной, которая требовала взвесить корзину без тряпки. Из кухни тянуло жареным тестом. Я был голоден и раздражён тем, что замечаю это во время важного разговора.

— Прочитал? — спросил Друз.

— Да.

— Целиком?

Я перевернул лист.

Он вздохнул и отодвинул чашку, оставив на бумаге мокрый ободок. Волосы над его ушами стали почти белыми. На левой щеке плохо заживал порез после бритья; он всё время трогал его и сердился, когда я замечал.

Я дочитал условия. Содержание, обучение, обязанность выполнять назначения. Никакого обещания выбирать, куда меня отправят.

— Ты уже подписал? — спросил я, хотя видел его имя на отдельном листе.

— Рекомендацию. За тебя согласиться не могу.

— А если я не соглашусь? Что тогда? Ты столько лет меня учил, а теперь я скажу, что передумал?

Друз отодвинул чашку подальше от бумаг. Я ожидал привычного разговора о том, что решение нужно обдумать, а потом исполнить. Он же смотрел на меня так, будто не понимал, чего я от него требую. Наверное, я хотел, чтобы он велел подписать. Тогда можно было бы возмутиться, поспорить и всё-таки сделать то, к чему готовился, не признавая собственного желания.

— Тогда не пойдёшь на службу, — сказал он. — Только не думай, что я обещаю кормить тебя без дела. Работу придётся найти.

— Какую?

— Есть одна. Я узнал заранее.

Он открыл ящик, достал второе письмо.

— У меня есть знакомый в портовой конторе. Ему нужен человек, который умеет считать и читать договоры. Сначала работа скучная. Потом, возможно, станет менее скучной.

Я не взял письмо.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

— Зачем тогда учил всему остальному?

Друз откинулся на спинку. Под стулом скрипнула половица, которую он обещал поправить каждую весну и не поправлял.

— Потому что умел этому учить. И потому что ты спрашивал.

— Не всегда.

— Не всегда, — согласился он.

Я вспомнил его раздражение, когда забывал проверить засов, упражнения с письмами, прогулки, на которых он просил описать человека за соседним столом. Теперь всё это складывалось в подготовку, хотя внутри каждого отдельного дня выглядело иначе. Иногда мы просто покупали ужин. Иногда он действительно хотел узнать, не обсчитали ли нас.

— Они знают, кто я?

— Те, кому необходимо.

— И поэтому берут?

— Поэтому будут задавать лишние вопросы. Берут потому, что ты способен работать.

Я посмотрел на направление. Мне хотелось поверить

именно этому ответу.

— Мать тоже считала, что работает на Империю?

Друз перестал трогать щёку.

— Она считала, что люди, о которых рассказывала, опасны. И ей нужны были деньги. Я не стану придумывать за неё остальное.

— А ты?

— Я считал, что сумею её уберечь.

От того, как просто он это сказал, у меня сжалось горло. За годы я придумал ему немало ответов: служебную необходимость, чужую ошибку, обещание наказать виновных. С каждым можно было спорить. А Друз снова признавал, что не уберёг, и оставлял меня с этим признанием. Я ненавидел его за случившееся не всё время; иногда забывал на целые дни, смеялся с ним, ждал его возвращения. Сейчас все эти дни вспомнились разом, и я не знал, что хуже — принять от него место в службе или сделать вид, будто между нами не было ничего, кроме смерти матери.

Он поднялся, подошёл к окну и притворил створку. Шум рынка стал тише. Я провёл пальцем по мокрому кругу на бумаге.

— Я не хочу всю жизнь прятаться, потому что кто-то может узнать моё происхождение.

— На этой работе придётся прятаться часто.

— Но я буду знать зачем.

Друз вернулся к столу.

— Иногда тебе не объяснят.

— Тогда выясню сам.

— За это тоже наказывают.

Я усмехнулся. Он не улыбнулся в ответ, и я перестал.

Мне хотелось быть полезным, получать настоящие задания, знать больше людей, которые решают, а не ждут за дверью. Хотелось, чтобы Друз мог назвать меня своим воспитанником без пояснений и оговорок. Но было и другое: этот город, шум под окном, письмо с мокрым пятном были моей жизнью. О Йокуде я знал по семейным листам. Здесь знал, у кого покупать хлеб, где срезать дорогу и в какой комнате меня дождутся вечером.

— Я пойду, — сказал я.

— Подумай до утра.

— Я уже подумал.

— До утра, Тарасиэль.

Он убрал чернильницу. Это рассердило меня сильнее возражений: я приготовился доказывать свою взрослость, а он собирался кормить меня ужином.

— Ты всегда так делаешь.

— Как?

— Решение моё, но когда его принимать, решаешь ты.

Друз постоял с чернильницей в руке. Потом поставил обратно.

— Хорошо. Подписывай, если решил.

Я взял перо. Первую букву вывел слишком крупно,

остальные пришлось теснить. Подпись вышла хуже, чем на упражнениях, и я подождал, не скажет ли он переделать.

Он только посыпал строку песком.

Тесёмка наконец ослабла. Я выпустил её из зубов и развернул свёрток на коленях. Внутри лежала чистая ткань. На нижний край уже попало несколько песчинок; я осторожно стряхнул их.

Мне хотелось оказаться в той кухне. Услышать, как Друз ставит на стол тарелку, спросить его про плечо, дать ему самому посмотреть. Я даже знал, что он скажет сначала: зачем полез, если приказано было только наблюдать.

Я поднял ворот, заслоняясь от ветра, и вытащил флягу.

Возвращаться придётся с собственным ответом.

Глава 8. Расколотый Клык

Пробка фляги пахла бренди. Я вытащил её зубами, положил на чистый угол ткани и некоторое время сидел, глядя на правую ладонь. В складках кожи остался пепел. Там, где пальцы сгибались, он смешался с кровью и превратился в тёмную корку.

Левой рукой держать флягу было трудно. Я зажал её между коленями, наклонил и подставил ладонь. От боли свело живот. Я резко выдохнул, ударился затылком о стену и остался сидеть, пока перед глазами не перестали плавать светлые пятна.

Ветер шуршал за краем ниши. Сверху капала вода: она находила щель между камнями и падала мне на сапог. Пахло мокрым песком, крепким спиртным и мазью из открытой жестянки. Я старался держать перевязочный свёрток ближе к животу, где его не доставали порывы.

Пыль отходила плохо. Я менял уголок ткани, снова смачивал, вытирал. На этот раз крик Нэры не вернулся. От этого я почти успокоился, хотя ладонь болела сильнее, чем до промывания. Два коротких конца повязки пришлось связывать перед собой, помогая зубами. Узел вышел крупным. Я повернул его к тыльной стороне кисти, чтобы не мешал хватать вещи.

До плеча я долго не решался добраться. Пока занимался

ладонью, оставалось маленькое облегчение от понятной работы: грязь удавалось снять, кровь — вытереть, ткань — затянуть. Хотелось продолжать, поправить уже готовый узел, ещё раз осмотреть пальцы. Плечо выглядело хуже. Я знал это прежде, чем оттянул ворот, по холоду, который не уходил под плащом, и всё же надеялся, что при хорошем свете рана окажется обычной.

Вспышка молнии осветила серую полосу возле разреза. Я ждал следующей, придерживая ворот подбородком. Раньше кровь скрывала края; теперь она почти перестала идти. Рубаха под мышкой оставалась мокрой, но сама рана была странно сухой. Я коснулся кожи рядом и почувствовал прикосновение. Сдвинул палец ближе — ничего.

Я надавил.

Палец побелел. Плечо не отозвалось.

В жестянке лежала обычная заживляющая мазь из полевого набора. Ею можно было обработать порез, но я сомневался, что она поможет против того, что сделал страж. Я слишком хорошо помнил его оружие: оно прошло через ткань без замаха, почти без усилия. С тех пор в руке оставался холод, которому не мешали ни плащ, ни моя ладонь.

Гул под рёбрами усилился.

Я замер. Это случалось, когда я прислушивался к мечу, но сейчас внимание было занято плечом. Между раной и холодом внутри словно возникло натяжение. Я попробовал найти его снова. Сначала чувствовал только боль в правой ки-

сти. Потом — узкую, неприятно неподвижную полоску под кожей слева.

Я не знал, что именно пытаюсь сделать. Вызвать клинок возле собственного плеча было бы безумием. Поэтому я оставил его там, где он находился, и сосредоточился на границе: вот участок, который чувствует давление пальцев; вот тот, который молчит.

Правой рукой обхватил плечо.

— Только здесь, — прошептал я.

Сжал сильнее. Перед глазами пошла рябь, как над горячей плитой. Я не видел лезвия, но ощущал, как что-то коротко сдвинулось поперёк холода. Раздался щелчок.

Плечо обожгло.

Я согнулся, упираясь лбом в колени. Звук, вырвавшийся из горла, показался чужим. Пальцы левой руки дёрнулись, зацепили ткань на бедре и разжались. По груди потекло тёплое. Когда я смог отвести ладонь, серый край уже темнел, наливаясь кровью.

Было больно. Везде, куда я касался.

Я дождался, пока перестанут стучать зубы, и достал ткань. С перевязкой пришлось возиться долго: левый локоть поднимался едва ли до груди. Я придерживал сложенный кусок подбородком, проводил полосу под мышкой, ронял конец, начинал снова. Мазь пахла горькими травами. На языке оставались волокна бинта.

Когда всё закончилось, я сидел совершенно мокрый от по-

та. Ночь вокруг не стала теплее. Левая кисть оставалась холодной, мизинец покалывало, но я мог согнуть все пальцы и удержать ими край плаща. Этого пока было достаточно.

Я убрал остатки набора, закрыл флягу и попробовал подняться.

Снаружи песок летел почти горизонтально. На месте, где недавно торчал камень, вырос гладкий нанос. Дальше двух шагов я не видел ничего. Выйти сейчас означало потерять даже эту стену.

Я сел обратно.

Под нишей лежал плоский обломок кладки. Я придвинул его сапогом и положил рядом правую руку. Мне требовалось немного тепла. После таверны от одной мысли о пламени свело челюсти. Я разжал их и начал с малого: ощутимого тепла у самых пальцев, без огня и света.

Камень медленно согрелся.

Я подождал. На этот раз ничего не рванулось наружу. Ни белой вспышки, ни чужой силы, распирающей руку. Холод под рёбрами стал резче, но обломок оставался просто тёплым. Я придвинул к нему ноги, прикрыл щель плащом и позволил теплу задержаться внутри тесного укрытия.

Дрожь унималась не сразу. Я всё ещё вздрагивал, хотя уже чувствовал пальцы ног. Из-под воротника перестало тянуть. Я съел половину сухаря, долго размачивая его во рту, сделал маленький глоток воды и убрал остальное.

Потом закрыл глаза.

Меч гудел.

Я открыл их снова. В темноте ничего не изменилось. Ветер, щель, тёплый камень возле сапога. Я попробовал сосчитать вдохи, сбился на пятом и рассердился. Гул мешал именно потому, что я ждал, когда он прекратится.

У Друза под окном разгружали телеги до полуночи. Я умел спать под стук ободов, под крики, под кашель за стеной. Этот звук тоже можно было не слушать.

Я повернулся так, чтобы не давить на плечо, устроил сумку под щекой и перестал проверять, тихо ли стало.

Меня разбудила капля, попавшая на губы.

Я дёрнулся, поднял голову и сразу пожалел об этом. Шея затекла. Плечо отозвалось глубокой болью, но повязка держалась. В нише было светло. Ветер больше не выл; по внешней стороне стены с тихим шорохом осыпался песок.

Я некоторое время сидел, не понимая, чего не хватает.

Потом вспомнил бурю.

Обломок возле ног остыл. Я провёл рукой по плащу, стряхнул песок и проверил узел на ладони. На ткани проступило небольшое пятно. Оно не увеличивалось. Пальцы двигались медленно, словно после долгой работы на холоде.

Встать удалось со второй попытки.

За башней лежали низкие дюны. Ночной мокрый песок потемнел в ложбинах; гребни уже подсыхали. Небо у горизонта было бледным, почти белым. Я щурился, прикрывая глаза ладонью, и пытался найти знакомый ориентир. От ме-

ста, куда я вывалился из подземелья, осталась узкая щель под наклонной плитой. Лезть обратно я не стал.

Ниже показалась дорога.

Буря обнажила полосу чёрных плит, уходившую от башни между дюнами. На краях ещё лежали тонкие языки песка. Я спустился, присел и провёл пальцем по резной борозде. В ней блестела влага. Знаки напоминали виденные под землёй, но читать их я не взялся. Слишком многое за эту ночь уже принял за понятное.

Дорога вела к красноватой стене.

Отсюда сооружение казалось невысоким, почти утонувшим в песке. Над ним поднималась нитка дыма. Я увидел её, потерял на фоне неба, нашёл снова. Дым означал людей. Люди могли дать воду, крышу и возможность снять рубаху, не набивая в рану песок.

Они же могли забрать мой кошель.

Я поднялся на склон рядом с дорогой, лёг за гребнем и стал смотреть.

Ворота были приоткрыты. Возле них стояли двое с копьями. На одном сидела потёртая кольчуга под кожаной курткой, другой носил шлем, слишком просторный для его головы. Одинаковых знаков я не различил. Один зевнул и почесал щёку древком. Второй долго вытряхивал что-то из сапога.

Палачей Корон они не напоминали. Это ещё ничего не гарантировало.

Во дворе двигались верблюды. Я сосчитал троих, затем заметил гнедую лошадь. Она стояла возле конюшни, чистая, с аккуратно разобранной гривой. Рядом спорили двое: коренастый мужчина размахивал рукой, высокая фигура в плаще почти не двигалась. В какой-то момент из-под плаща показалась ладонь. Конюх наклонился, посмотрел на неё и замотал головой.

Над воротами висело выцветшее полотнище с красной птицей. Под ней чернело пятно. Приглядевшись, я различил под углём остаток имперского знака. Кто-то счёл нужным его закрыть, но не заменить весь штандарт. Я запомнил это и не стал решать за владельца, какую именно политику он проводит.

Под рёбрами слабо дрогнуло.

Я опустил голову. Гул изменился на один короткий миг, потом снова стал ровным. Меч мог отозваться на старую дорогу, на стены, на человека возле лошади. Выяснять это магией на пороге незнакомого двора я не хотел.

Следовало привести в порядок лицо.

Я сел ниже гребня и восстановил бретонскую личину. Она была знакомой: человеческие уши, более мягкие скулы, другой оттенок кожи. Бретоны происходили из Хай-Рока, по другую сторону залива; путник оттуда здесь не требовал долгого объяснения. Мне нужна была именно привычность.

Заклинание далось тяжелее, чем раньше. Холод прошёл от груди к локтям, и я невольно прижал руки к телу. По-

дождал, пока ощущение ослабнет, затем проверил края личины — виски, уши, линию челюсти. Усталость прятать не стал. Человек после бури должен был выглядеть усталым.

Я стряхнул песок с плеч, поправил застёжку плаща и вышел на плиты.

Дорога оказалась удобнее дюн, но идти быстро я не мог. Повязка тянула при каждом шаге. Я держал левый локоть ближе к боку и старался не смотреть на ворота непрерывно. Под ногами чередовались голый базальт и песчаные перемёты. На одном я остановился, высыпал песок из сапога и позволил себе ещё глоток воды.

Теперь доносился запах дыма. Жгли сухой навоз; к нему примешивались табак и что-то жирное, жарившееся за стеной. Желудок сжался так сильно, что я остановился застегнуть кошель, хотя он и без того был закрыт.

На дороге лежал обрывок верёвки. Я перешагнул через него и заметил следы: широкие отпечатки верблюжьих ступней, каблук, глубокую колею возле самой стены. Здесь уже ходили после бури. Обычные люди, занятые обычными делами. Мне стало легче, хотя оснований доверять им не прибавилось. Я прислушался к гулу, проверил личину ещё раз и расправил плечи настолько, насколько позволяла рана. У ворот мне предстояло просить о постое. Хотелось хотя бы не начинать этот разговор согнувшись.

Стражник со шрамом через бровь заметил меня первым.

— Сарай переполнен.

Я остановился вне досягаемости копья.

— Мне нужна вода и комната.

— Я сказал — переполнен. Не расслышал?

Второй перестал возиться с сапогом и прислонился к стене. Через ворота я видел ведро, оставленное посреди двора, и женщину, которая несла корзину лепёшек. Она прошла мимо, не взглянув на нас.

— Воды тоже нет?

— Для бретонцев в три цены.

Он улыбнулся, показывая щель между передними зубами.

— Тогда место всё-таки найдётся, — сказал я.

— Место у стены найдётся. Если не мешать.

Я посмотрел на его копьё, потом на ворота. Не стал улыбаться в ответ. Плечо ныло, хотелось сесть прямо на дорогу, но этого удовольствия я ему не дал.

— После бури у тебя будет много людей, которым нечем платить, — произнёс я. — Я могу. Позови хозяина, если сам не решаешь.

Он выпрямился.

— Хозяин занят.

— Значит, решаешь ты.

Я вынул золотой. Не стал перебирать серебро, не показал весь кошель. Положил монету на два пальца так, чтобы он увидел чеканку, и подождал. Ветер шевельнул край его куртки. Второй стражник повернул голову к товарищу.

— Хорошая комната, — сказал я. — Вода, еда. И без рас-

спросов о том, где меня носило ночью. С этим справишься?

Он протянул руку, но я пока не отдал монету.

— Не место у стены. Мне нужна комната, где можно закрыть дверь. И вода. Принесут наверх?

Стражник оглянулся во двор. Теперь ему приходилось отвечать за обещание, и это было заметно: он перестал улыбаться, словно прикидывал, не продали ли уже последнее свободное место.

— Есть одна наверху. Тихая. Воду принесут, только скажите женщине у лестницы, что у ворот заплачено.

— И еду тоже. Я не хочу спускаться и объяснять всё заново.

— Передам. Вы монету-то отдайте, милорд, а то мы до вечера простоим.

В голосе у него ещё оставалась насмешка, но уже без прежнего желания задержать меня. Мы оба знали цену внезапной любезности и оба были готовы на ней сойтись.

Я отпустил золотой в его ладонь. Он сжал пальцы, и рука сразу исчезла возле пояса. Копьё отодвинулось. Второй стражник, не дожидаясь приказа, потянул створку шире.

— Добро пожаловать в «Расколотый Клык», милорд.

Теперь голос у него был совершенно деловой. Ни усмешки, ни разговора о бретонцах. Он уже смотрел за мою спину, не идёт ли следом ещё кто-нибудь.

— Комнаты на втором этаже. Скажите, что у ворот уплачено. Я передам.

— Кому сказать?

— Женщине у лестницы. Она выдаёт ключи. Вода в кувшинах, не берите сами из колодца.

Я кивнул и шагнул вперёд. Он коснулся моего правого локтя.

Я остановился. Пальцы под повязкой напряглись раньше, чем я посмотрел на его руку. Стражник заметил взгляд и отпустил.

— Ещё кое-что. Раз вы здесь останетесь.

Он говорил тише. Напарник отвернулся к дороге.

— Видите человека у конюшни?

Я не повернул головы сразу.

— В плаще?

— Да. За лошадь торгуется. Он не наш.

— Я тоже.

— Вы платите деньгами.

Я посмотрел на него. Он потёр большой палец об указательный, будто на коже осталась грязь.

— У него монеты тяжёлые. Чёрные. Наши таких не берут.

— Фальшивые?

— Не знаю. И знать не хочу. Если позовёт выпить, откажитесь. Или вылейте, когда не видит.

Со двора донёсся раздражённый голос конюха. Я различил только последнее слово: «Нет». Человек в плаще что-то ответил, слишком тихо, чтобы расслышать.

— Он кого-нибудь отравил? — спросил я.

Мне не понравилось, как быстро захотелось поверить этому человеку. После ночи в башне обычный разговор у ворот приносил почти облегчение: можно было спросить, получить ответ, отдать монету за понятную услугу. Но стражник говорил о незнакомце осторожно и не называл ни одного случая. Я ждал подробностей, а он, кажется, уже пожалел, что предупредил меня. Пришлось смягчить голос:

— Я спрашиваю потому, что могу с ним столкнуться. Ты видел что-нибудь сам?

Стражник мотнул головой.

— Я вам говорю, что сам сделал бы. И ещё: в глаза ему не смотрите. Если откроет.

— Почему?

Он отступил к копью.

— Потому что незачем. Комната наверху, милорд.

Я не стал удерживать его разговором. За один золотой мне открыли ворота, нашли место в переполненном сарае и сообщили то, что человек предпочитал не обсуждать даже с напарником. Этого было больше, чем я рассчитывал получить.

Во дворе пахло навозом, тёплым хлебом и мокрой шерстью. Под навесом спал мужчина, накрыв лицо пустым мешком. Возле него мальчик чистил пряжку песком. Верблюд вытянул шею через ограду и потянулся к корзине проходившей женщины; она беззлобно ударила его краем платка.

Я прошёл вдоль стены, освобождая дорогу носильщику. У конюшни коренастый редгард держал на раскрытой ладони

несколько тёмных кружков. Незнакомец стоял напротив. Из-под его капюшона я не видел лица.

Мне нужна была лестница. Вода. Возможность закрыть дверь.

Я заставил себя пройти мимо.

Глава 9. Чёрная монета

Лестница начиналась за аркой, в тени которой пахло прохладным камнем и кислым тестом. Над головой висели связки лука. Женщина в тёмном платье считала деревянные бирки, перекладывая их из одной миски в другую. Возле её локтя лежал нож для хлеба; лезвие было вытерто, на рукояти белела мука. Я подождал, пока она закончит считать.

— У ворот заплачено. За комнату и еду.

Слова прозвучали требовательнее, чем я намеревался. Женщина не сделала мне ничего плохого; даже не заставила ждать особенно долго. Просто ключ за её локтем означал дверь, которую можно закрыть, а силы удерживать лицо спокойным почти кончились. Я убрал ладонь с края стола и заставил себя отступить, оставляя ей место для работы. В этой арке ещё пахло хлебом. Мне хотелось остаться здесь настолько сильно, что любое промедление начинало казаться отказом.

Она посмотрела на меня, потом во двор. Увидев стражника, подняла палец. Тот кивнул.

— Седьмая. Наверху направо.

Ключ тяжело лёг на стол. К нему была привязана дощечка с выжженной цифрой. Женщина придвинула его ко мне, но пальцев не убрала.

— Огонь в комнатах не разводить. Воду из окна не лить.

Миску выставите за дверь, её заберут.

— Мне бы ещё воды для мытья.

— Кувшин полный. Если не хватит, скажете.

Она заметила повязку на ладони. Я ждал вопроса, однако она только указала на узкую дверь возле лестницы.

— Грязную воду туда. Там сток. На ступени не расплескайте, вчера человек упал.

— Поесть можно сейчас?

— В зале. Скажите, что седьмая.

За моей спиной кто-то потребовал вернуть залог за мешки. Женщина отпустила ключ и сразу заговорила громче: мешков было шесть, а принесли пять, и ей совершенно всё равно, кто оставил последний под дождём. Я поднялся, слушая спор ещё на половине лестницы.

«Расколотый Клык» был устроен вокруг двора. Внизу хранили корм, складывали тюки и держали животных; наверху помещались комнаты, до которых меньше доходил запах навоза. С галереи виднелся каменный желоб, уходивший к закрытому резервуару. Возле него мальчик наполнял кувшины под присмотром старика. Каждому отмеряли одинаково. Теперь я понимал, почему стражник велел не брать воду самому.

У караван-сарая были ворота, вооружённые люди и запас воды. Среди песков этого хватало, чтобы вокруг одной семьи и её двора возник целый маленький порядок. За стенами менялись тропы; здесь знали, кому принадлежит мешок

и сколько стоит лишний кувшин. Я поймал себя на том, что это успокаивает.

Дверь седьмой комнаты разбухла у пола. Пришлось толкнуть её коленом. Внутри стояли кровать, табурет и столик с тазом. Узкое окно выходило во двор; в его глубокой нише лежала пробка, забытая прежним жильцом. Простыня пахла щёлоком. От стены тянуло сыростью, а под потолком темнели старые следы копоти.

Я закрыл дверь, проверил засов и некоторое время стоял, прислонившись к дереву. Внизу звякнула цепь. Кто-то засмеялся, и ему ответили через весь двор. Здесь можно было не двигаться несколько мгновений, и ничего от этого не рушилось.

Плащ упал на пол тяжёлым комом. Я осторожно снял рубаху, придерживая левой рукой ткань возле плеча. Повязка засохла, но свежая кровь не проступала. Затем развязал бинт на ладони. Волокна прилипли к краю пореза; я смочил их и ждал, глядя на медленно расползавшееся пятно.

Воды хотелось вылить сразу много. Я удержался, налил немного на дно таза и начал с лица.

Грязь уходила полосами. Под пальцами были мои скулы, хотя в дрожащем отражении на воде лицо оставалось бретонским. Иллюзия меняла то, что видел другой человек; прикосновения она не отменяла. Мне приходилось помнить об этом, когда хотелось машинально потереть ухо или провести ладонью по подбородку. Сейчас, за засовом, я мог хотя бы

не следить за каждым жестом.

На краю таза осел серый налёт.

Я перестал мыться. Рассмотрел его, провёл мокрым пальцем. Это мог быть камень, сажа, пыль с дороги. Отделить одно от другого уже было невозможно. Я вытер руку полотенцем и продолжил. Нэра не исчезала из памяти от того, что вода становилась чище.

Когда я закончил, в кувшине ещё оставалось немного. Свежая повязка легла ровнее ночной. Я затянул её так, чтобы пальцы свободно сгибались, надел рубаху и сел на кровать. Плечо тянуло, но уже не мешало каждому вдоху. Гул под рёбрами стал слабее. Возможно, я просто впервые мог слышать что-нибудь ещё: скрип ворота, плеск воды, голубя на крыше.

Мне требовалось донести находку до службы. Для этого сначала следовало узнать, насколько далеко разошлись вести из Сентинела. В комнате было легко представить, что достаточно сменить рубаху, лицо и выйти другим человеком. Внизу находились люди, которые могли рассказать, какое именно лицо сейчас ищут.

Я выставил таз за дверь и спустился.

Общая зала занимала нижний этаж вдоль наружной стены. Каменные столбы поддерживали низкие своды; между ними висели потемневшие от дыма ткани, которыми, вероятно, закрывали проходы в холодную погоду. Сейчас их подвязали, и из кухни тянуло жареным жиром. В очаге догора-

ло топливо. Над ним висел котёл, сбоку на решётке лежали куски ягнятины.

Постояльцы занимали помещение неравномерно. Люди с тюками теснились возле выхода, оставляя свободными руки для товара. Двое купцов сидели у очага, сушили обувь и спорили. У стойки стоял дорожный человек с запылённым платком на шее. Подавальщица обходила всех по кругу; прежде чем поставить миску, она сдвигала чужие локти краем подноса.

Я выбрал место возле колонны, откуда видел лестницу и дверь во двор. Через неё была видна конюшня. Гнедую ещё седлали, но возле её головы теперь стоял другой работник, молодой и длиннорукий. Незнакомца в плаще я не увидел.

— Седьмая, — сказал я подошедшей девушке.

— Похлёбка или мясо?

— Что быстрее.

— Похлёбка. Эль?

Я кивнул. Она взглянула на мой бинт.

— Ложку справа поставить?

— Справа. Рука работает.

— Хорошо. А то потом кричат, что пролили.

В миске были чечевица, лук и мелкие кусочки мяса. Сверху плавало красноватое масло, пахнувшее пряностями. Я отломил хлеб, подождал, пока перестанет обжигать ложка, и понял, насколько голоден. Первые несколько глотков вернули телу вес: ноги перестали казаться чужими, в животе стало

тепло. Я ел медленнее, чем хотелось, чтобы не выдать голод торопливостью.

У очага повысили голос.

— Я тебе про ветер говорю, — сказал старший купец. — Ветер шёл с этой стороны. А песок поднимался вот так.

Он очертил над кружкой круг. Его собеседник придержал рукав, едва не попавший в питьё.

— Ты из-под навеса видел. Там всегда крутит.

— Тридцать лет я езжу. Знаю, как крутит возле навеса.

— Тогда зачем спрашиваешь меня?

Старик выдернул рукав. На его пальцах было два кольца, одно с вытертым камнем. Собеседник носил короткую городскую куртку и сапоги, недавно подбитые светлой кожей. Я мог предположить в них Предков — редгардов той традиции, которая охотнее принимала имперские обычаи и торговые связи. Но одежда не давала права знать их убеждения. Тем более после войны: можно было торговать с Империей и не простить ей оставленного Хаммерфелла.

— А зелёное ты тоже навесом объяснишь? — спросил старик.

Я опустил ложку в миску.

— Какое зелёное?

— Со стороны старых руин. Уже под утро. Вспыхнуло и погасло. Не так, как молния.

— Ты пил.

— Мы оба пили. Только я наружу выходил.

Второй купец не ответил. Подвинул сапог поближе к очагу и стал смотреть на огонь. Я снова поднял ложку. Руины могли быть другими. Вспышку могли видеть не в тот час. Но зелёный свет я помнил слишком хорошо, чтобы воспользоваться этими удобными объяснениями.

У стойки дорожный человек как раз говорил о Сентинеле.

— Крыши почти нет. Я сам мимо шёл. Там ещё дымило.

Хозяйка, вышедшая из-под лестницы, поставила на стойку пустой кувшин.

— Где?

— «Медный Скорпион». В нижнем городе.

Я не посмотрел на него. Размочил хлеб в похлёбке и продолжил есть, хотя глотать стало труднее.

— Пожар? — спросила хозяйка.

— Взорвали. Коронары говорят, маги. Одни — талморские, другие — имперские. У ворот всех трясут. Ищут эльфа.

— Какого?

— Тёмного. Или под тёмного. Я тебе передаю, как слышал. С ним женщина была, глаза белые. Этих двоих спрашивают.

— Живых из таверны вывели?

— Не знаю. Меня туда не пустили.

Я задержал дыхание, затем медленно выпустил воздух. Варена он не назвал. Трактирщика тоже. Люди возле стойки уже спрашивали про закрытые ворота, про караван, ко-

торый должен был выйти утром, про плату за досмотр. Для них разрушенная таверна становилась задержкой в дороге, расходом, чужой опасностью. Я слышал, как быстро рассказ обрастает новыми подробностями, которых сам рассказчик не мог знать.

Хозяйка оборвала его, когда он заговорил о Тёмном Братстве.

— Ты видел убийц?

— Нет, но люди говорят…

— Значит, про ворота рассказывай. Оттуда сегодня должны муку привезти.

Я допил половину кружки. Эль был слабым, чуть кислым. Бретонская личина держалась. Я проверил её без движения, как проверяют языком больной зуб, и заставил себя больше к этому не возвращаться.

Подавальщица остановилась возле человека, вошедшего со двора. Это был коренастый конюх. Он вытирал ладони о кожаный передник.

— Ну что, отдал? — спросила она. — А кричал так, будто у тебя последнюю лошадь уводят.

— Ты бы сначала посмотрела, чем он платил.

Конюх остановился у края скамьи и снова вытер руки о передник. Девушка удерживала поднос бедром; разговор явно задерживал её, но уходить она пока не собиралась. Я подвинул пустую миску ближе к краю, оставляя ей причину подойти и ко мне.

— Не взял бы, если плохо платил, — сказала она. — Ты своё не упустишь.

— Он сдачу не взял. Я ему говорю: стой, надо пересчитать. А он уже в седло лезет.

— Вот ты и недоволен? Что пересчитать не дал?

Она усмехнулась, но конюх не поддержал. Наклонился к ней, понизил голос, и мне пришлось прислушаться сквозь звон кружек.

— Монеты чёрные. Тяжёлые. Спираль на них, будто сломанная. Старые, наверное, только я таких не видел. А он ещё сказал: «Песнь аккорда разорвана. Врата открыты». Сказал — и уехал. Вот что мне не нравится.

Девушка некоторое время смотрела на него, ожидая продолжения.

— Это куда?

— К Поющим Дюнам.

— За два дня лошадь загонит. Там и здоровому делать нечего.

Она забрала у меня миску. Я спросил, далеко ли Поющие Дюны, но девушка уже поймала чей-то оклик из кухни.

— Старого спросите. Он все дороги знает.

Она указала подбородком на очаг и ушла. Конюх вернулся во двор, оставив после себя слабый запах кожи и пота. Я проследил за ним до дверей. Незнакомец уехал, пока я смывал с лица пыль. Он знал о вратах. Мог услышать о вспышке и сделать вывод, мог знать гораздо больше. Мне нужен был

хотя бы один человек, который объяснит, что я унёс из склепа, не требуя сначала отдать ему находку.

Старший купец остался у очага один. Я взял кружку и пересел к нему.

— Можно?

— Уже сел.

— Я слышал, вы знаете дорогу к Поющим Дюнам.

Он осмотрел мою одежду и задержался на повязке.

— Туда собрался?

— Пока спрашиваю.

— Спрашивать дешевле.

Я положил рядом с его кружкой серебряную монету. Он накрыл её ладонью без всякого смущения.

— Что тебе нужно знать?

— Почему туда не ездят?

— Ездят. Те, кому надо. Остальные держатся подальше. Там песок по ночам поёт, когда ветер с севера. Не свистит. Голоса будто слышишь.

— Вы сами слышали?

Он потёр щёку.

— Издали. Ближе не поехал. Отцу моему этого хватало, мне тоже хватило.

Я ждал. Он подвинул кружку ближе к теплу.

— Называют Вади'ах-Зей. Говорят, там старые мечники покоя не нашли. Ансеи. Святые Меча, если по-вашему.

— И храм?

— Кто храм говорит, кто склеп. Первого Аккорда. Будто там спрятан меч из души. Первая Шеай.

Пальцы сами сжались на кружке.

Под рёбрами ударило. На мгновение вместо очага я увидел ровную землю, строй воинов и клинок, вонзённый перед ними. По воздуху расходились круги. Затем кто-то передвинул полено, посыпались искры, и я снова сидел перед стариком, вцепившись в посуду.

— Дурно? — спросил он.

— Глотнул неудачно.

Я кашлянул и поставил кружку. Левое плечо горело под повязкой.

Старик смотрел внимательнее прежнего. Я не стал задавать ещё один вопрос о мече. В подземелье Нэра привела меня к одной реликвии; здесь ту же историю рассказывали о другом месте. Это могло быть совпадением названий, старой путаницей или частью того, чего я пока не понимал. Отмечать на карте второй меч было рано.

— Как добираются? — спросил я.

— На северо-восток. По сухому руслу Вади-эль-Кхар. Два дня, если животное хорошее и дорогу знаешь. Ущелье Расколотой Наковальни не пропустишь: скала торчит, увидишь издали. За ним уже дюны. Ночью туда не суйся.

Он повторил название русла, заставил меня повторить следом и только тогда кивнул. Сухое русло давало ориентир надёжнее тропы на песке, но не обещало воды. Я вспомнил

карту из архива: на ней подобные линии выглядели удобными дорогами. Теперь между двумя словами старика помещались жара, раненая рука и всё, что придётся везти с собой.

— Человек у конюшни тоже об этом спрашивал?

— Спрашивал. Только слушал плохо. Будто заранее знал.

— Его деньги видели?

— Чёрные? Видел такие у скупщика в Сентинеле. Он называл их монетами На-Тотамбу.

Так именовали старую йокуданскую знать, с которой связывали происхождение традиции Корон. Однако название, произнесённое торговцем древностями, ещё не делало монету подлинной. Скупщик мог продавать историю вместе с металлом. Старик ничего не сказал о весе или надписи, только повторил, что деньги очень старые.

Я поблагодарил его и поднялся. Он удержал меня за край рукава.

— Воды бери с запасом. И не слушай того, кто обещает довезти без остановок.

— Понял.

— Все понимают здесь. Потом воду жалко покупать.

На дворе стало жарче. В тени галереи ещё держалась утренняя прохлада, но открытые камни уже грели сквозь подошвы. Я прошёл мимо кувшинов и повернул к конюшне. Конюх закрывал загон; верёвка плохо попадала в прорезь, и он сердито дёргал её двумя руками.

— Я хотел посмотреть деньги вашего покупателя.

Он перестал дёргать верёвку.

— Зачем?

— Покупаю древности. Иногда. Если монеты настоящие, могу предложить цену.

— Уже убрал.

— Я подожду.

— Не надо ждать.

Он затянул узел, проверил его и повернулся ко мне всем телом. Между нами висела попона, пахнувшая лошадью и сухим потом. С дальней стороны перегородки животное переступало, постукивая копытом по дереву.

— Я не прошу отдать, — сказал я. — Только взглянуть на чеканку.

— А я не продаю.

— Вы же сами говорили, что не знаете, что это.

Как только я произнёс это, он нахмурился сильнее. Теперь я был человеком, который слушает чужие разговоры и приходит за чужими деньгами.

— Тебе какое дело, что я говорил?

— Никакого. Подумал, можем договориться.

— Не можем.

Он шагнул вбок, закрывая поясную сумку. Я успел заметить только затянутый шнур. От конюха пахнуло чем-то неожиданным: сухим старым пергаментом и резкой свежестью, напоминавшей воздух после близкой молнии. Я не знал, шло ли это от сумки или от его рук.

— Эти деньги оставь в покое, — сказал он. — Мне самому от них не по себе.

Он ушёл внутрь и закрыл дверь. Засов лёг с коротким деревянным стуком.

Я постоял перед ней. Можно было продолжать, предложить больше, попытаться зайти с другой стороны. Утренний успех у ворот ещё подталкивал меня к мысли, что достаточно найти правильный тон. Но этот человек уже решил, что я лезу не в своё дело. Каждое следующее слово делало бы меня заметнее.

Я повернулся к жилому крылу.

Через двор несли мешок муки. Хозяйка велела поставить его на сухое место и распорола шов, прежде чем отпустить носильщика. У ворот сменились стражники. Кто-то вытряхивал одеяло с галереи, и в солнечном столбе медленно опускалась пыль.

Мне предстояло купить воду, найти животное и решить, сколько отдыха можно позволить себе перед дорогой. «Расколотый Клык» продолжал жить вокруг меня: кормил, считал, ругался, отправлял людей дальше. Здесь я мог подготовиться. Ответов о мече у него не было.

На лестнице я достал ключ от седьмой комнаты. В ладонь упёрлась деревянная бирка. Я сжал её и поднялся наверх.

Глава 10. Вади-эль-Кхар

В комнате стало теплее. Солнце уже доставало до края кровати, и в светлом прямоугольнике на простыне лежали три песчинки, выпавшие из моей одежды. Я смахнул их ладонью, сел и прислушался к двору. Там всё ещё считали мешки. Женщина, выдавшая мне ключ, спорила с кем-то о весе; человек отвечал устало, без надежды переубедить её.

Я мог выйти прямо сейчас.

Незнакомец уехал. У него была хорошая лошадь, а у меня — только направление, названное стариком, и догадка о том, зачем мне нужен этот человек. Пока я лежу, расстояние между нами растёт. Я встал, подошёл к столу, поправил застёжку сумки и обнаружил, что забыл, за чем потянулся.

На пальцах дрожала пряжка; пришлось положить сумку обратно. В таком состоянии можно было купить негодный бурдюк, пропустить поворот, не заметить человека за собственной спиной. Один короткий сон у башни позволил дойти до жилья. До Поющих Дюн его бы не хватило.

Я закрыл ставню не до конца, оставив щель для воздуха, и лёг поверх покрывала. Кровать оказалась жёсткой. Под лопаткой прощупывался узел набивки; я сдвинулся, устроил левую руку вдоль тела и стал дышать медленнее.

Внизу стукнуло ведро. Я открыл глаза.

Засов был на месте.

Я снова лёг. Перед глазами вставала ладонь конюха, закрывающая сумку. Потом белая трещина на кристалле. Я ловил себя на попытке соединить их: чёрные монеты, древний клинок, человек, знающий о вратах. Никакого ответа из этого не получалось. Только всё сильнее хотелось подняться и что-нибудь сделать.

Самым трудным оказалось разрешить себе уснуть без решения. Я привык отдыхать после законченного дела, когда донесение сдано и до следующего приказа хотя бы несколько часов не нужно ничего выбирать. Здесь незавершённым было всё. Даже за закрытой дверью мне казалось, что кто-то заметит моё бездействие и спросит, почему я лежал, пока след уходил дальше. Отвечать было некому. Это не успокаивало: теперь и решение, и его последствия оставались моими. Я отвернулся от сумки, чтобы не видеть ремень, за который так легко снова потянуться.

Я сосредоточился на дыхании, на тяжести ног, на прохладе, оставшейся под повязкой. Гул Шеай не исчезал, но больше не заставлял прислушиваться к себе каждое мгновение. Он ровно держался где-то на краю сознания. Я мог замечать его и продолжать слышать двор.

Тот человек с мешками наконец замолчал. Женщина велела кому-то подмести под лестницей. Шорох метлы сопровождал меня до самого сна.

Я проснулся на правом боку, с ладонью под щекой. Пальцы затекли, но дрожи не было. За ставней громко ворковал

голубь; он ходил по карнизу, царапая когтями камень. Из кухни пахло хлебом.

Свет ушёл с кровати на противоположную стену.

Я сел и несколько раз согнул левую кисть. Все пальцы слушались. Холод остался, зато тупая боль, не отпускавшая со склепа, почти исчезла. Поднимая локоть, я всё ещё чувствовал натяжение возле раны. Повязку снимать не стал: тело позволяло двигаться, но это не означало, что можно снова испытывать его на прочность.

Я проверил личину. Знакомое усилие далось легко, без ночной дрожи и тошноты. Затем осмотрел скрытый клинок, осторожно вытер его и убрал в наруч. Тёмный флакон остался в отдельном кармане. Я не хотел перепутать его с мазью, когда в следующий раз придётся искать что-нибудь на ощупь.

На столе я разложил деньги. Четырнадцать золотых, серебро. Старик получил свою плату за дорогу, привратник — за гостеприимство. Теперь следовало превратить часть остального в вещи, которые можно есть, пить и надеть на ноги.

Я сложил монеты и вышел.

У лестницы хозяйка стояла над раскрытым сундуком. На крышке лежали три пустых бурдюка, пучок ремешков и деревянная мерка.

— Уезжаете? — спросила она, заметив сумку.

— Собираюсь. Нужны вода, еда и животное.

— Надолго?

— На три дня припасов.

Она подняла глаза.

— А ехать сколько?

— Два, если не собьюсь.

— Тогда три правильно. Воду берите здесь. С животным к молодому, он сейчас у навеса. Старый занят.

Я понял, какого именно старого она имела в виду. Разговаривать с владельцем чёрных монет ещё раз мне не хотелось.

— И плащ нужен, — добавил я.

Хозяйка посмотрела на прорезанный край моего.

— Латать не возьмусь.

— Я и не прошу.

— У купца возле стены спросите. Он с рассвета всё раскладывает, никто не берёт. Может, вам повезёт.

Она подтолкнула ко мне один из бурдюков.

— Осмотрите. Потом не говорите, что шов разошёлся в дороге.

Кожа была мягкой, пахла жиром и дымом. Я провёл пальцами вдоль шва, заглянул в горловину, проверил ременную петлю. Хозяйка ждала без раздражения. Здесь проверка товара не считалась оскорблением; гораздо хуже было получить обратно покупателя с жалобой, которую слышит весь двор.

У резервуара старик взял у неё мерку и начал наливать

воду. Я смотрел, как темнеют бока наполненного бурдюка. Капля повисла на горловине и упала на камень. Мальчик тут же подставил под неё миску.

— Долго лежит? — спросил я.

— Вода? — Старик прищурился. — Пейте, попробуйте.

Я сделал глоток из чашки. Вкус был слабый, каменный, без затхлости. Вода успела нагреться в ковше, но после башенной фляги показалась хорошей.

— Беру три.

— Три и будет.

Он пометил каждую горловину мелом, чтобы не спутать полные с теми, которые только собирались наполнять. Я отнёс их в тень. Вес заставил сразу пересмотреть представление о лёгкой поездке: кроме воды предстояло везти еду, одежду и себя.

Молодой конюх стоял у светлого верблюда, вычёсывая из шерсти свалявшийся песок. Животное повернуло ко мне длинную голову и продолжило жевать. Нижняя губа двигалась с выражением такого спокойного недовольства, что я невольно остановился подальше от зубов.

— Этот продаётся? Мне нужен для дороги по Вади-эль-Кхар. Не самый дорогой — тот, кто дойдёт.

Парень перестал скрести шерсть и посмотрел на мои сапоги. Должно быть, покупатель, который сразу сообщает, что не хочет платить много, был ему знаком лучше, чем человек, готовый отдать любую цену.

— Этот ходил. По камню там тоже придётся, а молодого возьмёте — намучаетесь. Только груз не снимайте, пока не уложите.

— Почему?

— Потому что он встанет и будет ждать. И вам придётся опять его укладывать. Они не сами понимают, когда вы закончили.

Он говорил без почтительности, показывая скребком то на седло, то на повод. Я начал было раздражаться, но удержался: парень обращался ко мне как к человеку, который не знает дела, и в этом был прав.

— Тогда покажи. И проведи по двору, я хочу посмотреть, как он ходит.

— Проведу. Вы только к голове близко не лезьте. За ухо потянете — укусит.

— Я и не собирался.

— Лучше сразу сказать. Потом всё равно виноват буду я.

Парень убрал скребок за пояс. Похоже, эта жалоба относилась не только ко мне: он посмотрел в сторону старшего конюха и взял повод.

Он провёл ладонью по шее верблюда и заставил его немного отойти. Я осмотрел ноги и широкие ступни: у верблюдов вместо лошадиных копыт были мягкие опорные подушечки с двумя пальцами. Песок не должен был раздвигать их так глубоко, как узкое копыто. Меня интересовали трещины, опухоли, нежелание переносить вес. Знатоком жи-

вотных я не был, но хотя бы заметную хромоту рассчитывал увидеть.

Когда парень повёл его по двору, я следил, одинаково ли ложатся шаги. Потом он показал мне зубы животного. Верблюд отвернулся и выдохнул мне в лицо тёплым запахом пережёванного корма.

— Хватит? — спросил конюх.

— Седло покажи.

Под потёртой кожей оказалось целое дерево. Я ощупал ремни, проверил пряжку и попросил сменить одну короткую завязку, у которой расходился край. Парень поворчал, но принёс другую. Всё это происходило перед глазами старшего конюха. Тот вышел из помещения, постоял у дверей и снова скрылся. Сумка с монетами оставалась у него на поясе.

Я не посмотрел на неё второй раз.

Возле наружной стены купец устроил торговлю на расстеленном полотне. От солнца его прикрывал навес, привязанный одним концом к колонне, другим — к оглобле. На ткани лежали сапоги, ремни, свёрнутые плащи и два медных чайника с разными крышками. Купец сидел на корточках и поправлял товар всякий раз, когда мимо проходили люди.

— Длинный, — сказал я, показывая на плащи. — Чтобы ноги закрывал.

Он поднял серо-коричневый свёрток, встряхнул. Посыпалась шерстяная пыль.

— Верблюжья шерсть. Плотный.

— Вижу.

— Ночью спасибо скажете.

— А днём?

— Днём тоже. На голове держать будете, а не на седло бросать.

Он дал примерить. Ткань оказалась тяжёлой и колючей, но ветер не пробирался сквозь неё сразу. Капюшон закрывал шею, подол доставал почти до щиколоток. Я поднял руки, проверяя, не тянет ли в плечах. Купец заметил повязку и придержал край, пока я застёгивал плащ.

Сапоги я примерял сидя на перевёрнутой корзине. Один оказался тесен в подъёме. Купец уверял, что разносится; я снял его и поставил обратно. Вторая пара сидела лучше. Я прошёл до столба и назад, присел, проверил пятку. Старые сапоги оставил при себе, связав шнурками: выбрасывать вещь только потому, что куплена другая, Друз меня не приучил.

Счёт свели у лестницы. Хозяйка прибавляла к стоимости животного воду и еду, купец — одежду. Я слушал, потом попросил назвать всё вместе. Торг пошёл медленно, с возвращением к каждому ремню. Мне напомнили, сколько стоит корм после бури; я указал на седло, которое давно перестало быть новым. Купец попытался забрать плащ, но сделал это недостаточно решительно.

Договорились на двух золотых за всё. Когда монеты легли на стол, хозяйка велела выдать мне мясо и финики. Мо-

лодой конюх принёс седло, купец — сапоги. Каждый хотел убедиться, что его доля не потеряется в общем счёте.

Я получил еду на три дня, небольшой свёрток сушёных трав для обработки ран и три полных бурдюка. От фиников пахло густой сладостью; мясо было сухим, тёмным, с кристалликами соли по краям. Я завернул его отдельно, чтобы крошки не попадали в перевязочный пакет.

Сборы заняли место возле самого навеса. Воду распределили по сторонам, вещи уложили так, чтобы до фляги можно было дотянуться, не развязывая весь груз. Я проверил узлы и попросил конюха показать, как усадить животное.

— Не дёргайте сразу, — сказал он. — Дайте понять, чего хотите.

— Покажи ещё раз.

Он показал. Верблюд опустился с недовольным горловым звуком, сначала согнув передние ноги. Я придержал сумку, которая сползла набок.

— Когда вставать будет, держитесь. Вперёд качнёт, потом назад.

Я сел. Он сказал короткое слово и потянул повод. Земля резко ушла вниз; пришлось крепче сжать седло коленями. Плечо напомнило о себе, но выдержало.

Сверху двор выглядел теснее. Я видел за навесом кувшины, крышку резервуара, женщину, снова склонившуюся над своими бирками. Ещё утром всё это было недоступным укрытием за чужими воротами. Теперь меня выпускали с во-

дой и едой, а на освободившееся место уже вёл животное другой путник.

У арки я спешился и отдал ключ.

— Вернётесь? — спросила хозяйка.

— Не знаю.

Она положила бирку с семёркой к остальным.

— Тогда комнату освобождаю.

Снаружи я отвёл верблюда в тень стены. У ворот земля была истоптана так плотно, что отдельные следы терялись среди продавленных пятен. Здесь разворачивали животных, ставили тюки, разливали воду. Я присел, придерживая повод, и начал искать там, где утоптанная площадка переходила в рыхлый песок.

Нужный след нашёлся дальше, возле камня с отколотым краем.

Лошадь. Подкова оставила ясную дугу, следующий отпечаток лежал на расстоянии спокойного шага. Я прошёл рядом, не наступая на след, и увидел ещё два. Они уходили к северо-востоку, туда, где между дюнами темнела полоса русла. Другие лошади здесь тоже могли пройти, но этот след выходил от ворот в нужном направлении, а ветер ещё не успел сгладить его края.

Я поднял голову и посмотрел вдоль дороги.

Никого.

Незнакомец не гнал лошадь возле сарая. Как он двигался дальше, я не знал. Надежда нагнать его оставалась, но счи-

тать расстояние по рассказам постояльцев было бессмысленно: каждый называл своё время, а я успел поспать и собрать вещи. След говорил надёжнее.

Я сел в седло и повёл верблюда вдоль отпечатков.

За первым поворотом стены караван-сарая скрылись. Дым ещё был виден над песчаным гребнем, потом исчез и он. Вади-эль-Кхар оказалось шире, чем я представлял по словам старика. Сухое русло шло между невысокими берегами; на дне лежали мелкие камни, клочья выцветшего кустарника и полосы плотного песка. Редкая вода оставила здесь изгибы и уступы, которые буря не могла стереть за одну ночь.

Я держался края, где легче было читать след.

Верблюд шёл мерно. Сначала я пытался сидеть неподвижно, удерживая спину, и быстро устал. Потом позволил телу двигаться вместе с седлом. Бурдюки тихо поскрипывали, один ремень постукивал пряжкой о дерево. Я остановился, подтянул его и прислушался. Теперь слышались только шаги и дыхание животного.

По обеим сторонам русла поднимались дюны. Сверху они казались гладкими, но вблизи поверхность была покрыта тонкой рябью. На обращённом к солнцу склоне песок светлел почти до белого, в тени становился бурым. Иногда ветер снимал с гребня лёгкую пелену и переносил дальше. Я наблюдал за ней, прикидывая, как быстро она может скрыть копытные следы.

На каменистом участке они пропали.

Я остановил верблюда, слез и повёл его рядом. Возле одного камня нашёл сдвинутый песок, но уверенности не было. Прошёл до следующего мягкого пятна. Там сохранился край подковы. Я выдохнул, поднял повод и повёл животное дальше, пока цепочка отпечатков не стала ясной.

Пустыня требовала смотреть под ноги дольше, чем на горизонт. Стоило увлечься дальним выступом, и я уже не понимал, по какой стороне обошла его лошадь. В городе человека выдавали дверь, за которой он исчез, продавец, которому он заплатил, лицо в окне. Здесь оставались вмятины, и даже они постепенно исчезали.

Я остановился в короткой тени берега. Выпил воды, съел несколько фиников и проверил, не натёр ли ремень бурдюк. Верблюд потянулся к сухим веткам. Я позволил ему щипать их, пока осматривал груз. Новые сапоги ещё не размягчились, на пятке чувствовалось неприятное тепло; я поправил носок, прежде чем оно стало болью.

Мне хотелось вызвать меч и проверить, не поможет ли он найти чужую лошадь. Гул всё время находился рядом, доступный вниманию. Но на дороге уже лежал след, и я умел хотя бы понимать собственные ошибки при его чтении. Что именно ответит Шеай, я предсказать не мог.

Я закрыл флягу и снова сел в седло.

Русло повернуло. На внешнем берегу показались обнажённые пласты камня, на внутреннем лежал длинный песчаный нанос. Кобыла прошла по нему, оставив глубокие от-

печатки. В одном месте она остановилась: следы теснились, поверх старого лежал новый. Я наклонился, но не увидел ничего, что объяснило бы остановку.

Незнакомец мог пить. Мог поправлять седло. Мог оборачиваться.

Последняя мысль заставила посмотреть на собственный след. Верблюд оставлял широкую цепочку, которую не спутали бы с лошадиной. Я не мог убрать её. Оставалось надеяться, что человеку впереди пока незачем возвращаться.

Солнце опускалось. Тень берега вытянулась через русло, и мы вошли в неё почти целиком. Воздух стал мягче, плащ перестал казаться слишком тяжёлым. Я начал чаще смотреть вперёд, выбирая места, где можно было увидеть дорогу, не поднимаясь на самый гребень.

На одном из таких подъёмов я заметил движение.

Сначала — только тёмную точку над песком. Затем она отделилась от неровного края дюны, и я различил лошадь, всадника, опущенную голову животного. Человек ехал медленно. Плащ лежал за его спиной тёмным пятном.

Я придержал верблюда.

Между нами оставалось достаточно пространства, чтобы лица нельзя было рассмотреть. Зато на открытом склоне мой силуэт был бы виден целиком. Я отвёл животное ниже, под прикрытие берега, и снова посмотрел поверх песка.

Всадник продолжал путь.

Я нашёл его. Теперь нужно было не испортить всё, при-

близившись слишком быстро.

Глава 11. Учёный с чужим лицом

Я дал всаднику отъехать до следующего изгиба русла и только потом тронулся следом. Солнце стояло за моим левым плечом. На песке впереди вытянулась тень верблюжьей головы; она кивала при каждом шаге, задевая тёмный край берега. Я смотрел на неё с раздражением. По этой тени можно было заметить нас раньше, чем мы покажемся сами.

Русло мелело. Берега, до сих пор закрывавшие животное почти по седло, теперь едва достигали его колен. Впереди виднелся песчаный гребень, за которым дорога снова уходила вниз. Незнакомец уже пересёк его. На несколько мгновений я увидел всадника целиком, затем остались голова и плечи, потом исчезли и они.

Справа можно было обойти подъём по склону, и я потянул повод в ту сторону. След кобылы оставался слева, но направление было ясным. Я хотел держать гребень между нами и снова увидеть человека там, где он окажется ниже. На карте такой обход выглядел бы незначительным движением пера. Верблюду он не понравился.

Животное замедлило шаг, повернуло голову и потянуло обратно к твёрдому дну русла. Я удержал повод. Песок съезжал из-под широких ступней, заставляя верблюда переступать чаще. Вместе с ним качался груз. Я придержал ближайший бурдюк коленом и решил, что следовало спешиться.

Решил слишком поздно.

Передняя нога провалилась возле скрытого камня. Верблюд резко опустил голову, вскрикнул и рванул задними ногами. Меня бросило вперёд. Я ударился животом о седло, стиснул его коленями и выпустил часть повода, чтобы не выдернуть животному голову. Левая рука дёрнулась сама, пытаясь удержаться. Плечо прострелило до шеи.

Песок взлетел вокруг нас.

В низком солнечном свете каждая крупинка была видна. Облако поднялось над гребнем и медленно расползлось, пока я пытался усадить себя обратно, поправить ногу и не упасть под животное. Один бурдюк съехал, ремень натянулся. Пряжка ударила о седло так громко, словно мы находились в пустом дворе.

Верблюд выбрался на ровное место и остановился, тяжело дыша. Я наклонился, проверяя, держится ли груз. Пальцы плохо слушались от внезапного испуга. Я успел привязать свободный конец ремня прежде, чем вспомнил о всаднике.

Он стоял.

Теперь между нами ничего не было, кроме пологого склона и длинной полосы открытого песка. Кобыла повернула голову в сторону. Сам всадник некоторое время оставался неподвижен, будто прислушивался. Потом развернулся в седле.

Я не мог рассмотреть его глаз. И всё же почувствовал тот момент, когда он нашёл меня взглядом: под рёбрами резко

дрогнуло, гул Шеай поднялся и тут же стих. Я прижал локоть к боку, словно это могло скрыть ощущение от человека впереди.

Незнакомец поднял руку. Раскрыл ладонь, затем сжал пальцы и поднёс кулак к груди. На приветствие караванщика это не походило. Я не знал, отвечает ли на такой жест поднятая рука или обнажённое оружие.

— Не прячься. Я тебя вижу.

Слова прозвучали так близко, что я обернулся.

Позади были мои следы, оседающая пыль и солнце над дальним гребнем. Ни человека, ни движения. Голос пришёл от всадника, но расстояния для него не существовало. Ветер свистел у уха отдельно, никак не мешая разбирать каждое слово.

— И бретонское лицо можешь убрать. Оно тебе не поможет.

Верблюд переступил. Я удержал его, стараясь не дёрнуть повод снова.

Нэра говорила со мной так же — прямо внутри головы. После неё я особенно плохо переносил эту близость. Человек мог стоять в сотнях шагов, а я всё равно не понимал, куда от него отступить. Я проверил личину: она держалась. Значит, он видел сквозь неё или заметил то, чего она не закрывала.

Я посмотрел в сторону караван-сарая. Отсюда его уже нельзя было увидеть. Поворачивать назад на верблюде, когда у другого человека лошадь и неизвестная магия, было

сомнительной попыткой спастись. Я сам искал эту встречу. Теперь пришлось принять её условия.

Я отпустил заклинание.

Ничего не хрустнуло, кожа не сдвинулась. Просто исчезло небольшое постоянное усилие, к которому я успел привыкнуть. Ветер касался того же лица, но теперь любой человек увидел бы мои настоящие черты. Я поднял правую руку ладонью наружу, затем левую, насколько позволило плечо. Скрытый клинок оставался в наруче.

Всадник опустил руку.

Я повёл верблюда вперёд.

Расстояние сокращалось медленно. Сначала я различил края плаща, затем светлую полоску поводьев и чехол, привязанный к седлу. Незнакомец ждал. Он не держал оружия на виду, но это мало что говорило после услышанного голоса. Кобыла опустила морду к редким стеблям, торчавшим из песка. Он позволил ей сделать несколько шагов, потом остановил лёгким движением кисти.

Я остановился достаточно далеко, чтобы между нами мог свободно проехать воз.

— Я ищу дорогу к Поющим Дюнам, — сказал я вслух. Пришлось говорить громче обычного. — В караван-сарае сказали, что ты направляешься туда.

— Поэтому крался за мной?

Теперь голос донёсся по воздуху. Он оказался ниже, чем тот, который я слышал в голове, и немного хрипел на концах

слов.

— Я видел, как ты разговаривал с конюхом. Не был уверен, что захочешь говорить со мной.

— Но решил ехать следом до ночи.

— Решил сначала посмотреть, куда ты поедешь.

Он помолчал. Под капюшоном не удавалось разглядеть ничего, кроме нижней части лица.

Я позволил себе выдохнуть с раздражением, каким мог бы выдохнуть человек, вынужденный объяснять неудачно устроенное исследование.

— Я маг. Приехал из Империи. Занимаюсь древностями: ищу руины, покупаю вещи, пытаюсь понять надписи. Мне нужна дорога и человек, который знает местные памятники лучше, чем торговцы у ворот.

— Имперский собиратель.

— Да.

— Что собираешь?

— То, что могу увезти и изучить. Камень с тремя стёртыми знаками тоже годится. Не обязательно золотая корона.

Он повернул голову к руслу, затем снова ко мне.

— Здесь многие не различают собирателя и грабителя могил.

— Я не раскапываю семейные захоронения.

— Откуда знаешь, где они?

Я замолчал. Возражение было простым и неприятно точным. В архивах разрушенные поселения лежали на отдель-

ных листах, без людей, которые могли считать их своими. Здесь у каждого камня мог оказаться наследник, смотритель или человек, готовый назвать себя тем и другим за плату.

— Поэтому и ищу того, кто объяснит, — ответил я.

Незнакомец чуть наклонил голову. Я не знал, поверил ли он всему, но разговор перестал быть требованием немедленно оправдаться. Он спрашивал о занятии, о дороге, о вещах. Моя служба оставалась вне его вопросов.

— Слезь, — сказал он.

Я посмотрел на его руки.

Он сам спешился первым, легко, без заметного усилия. Повод остался в левой ладони. Кобыла потянулась за ним, и он отвёл её к камню, торчавшему у края русла.

Я заставил верблюда опуститься. На этот раз дождался, пока животное устроится, и только потом снял ногу с седла. Плечо ныло после рывка. Я поправил плащ, скрывая движение.

Пешими мы оказались ближе к земле и друг к другу. Ветер нёс запах лошадиного пота, кожи, сухой травы. В песке возле сапога незнакомца лежал маленький белый обломок раковины; я заметил его, потому что долго смотрел вниз, не желая встречаться с глазами под капюшоном. Предупреждение стражника всё ещё сидело в памяти.

— Ты был в склепе, — произнёс незнакомец.

Это не было вопросом.

— В руинах, — ответил я.

— Под Сентинелом.

Я не ответил сразу. Низкое солнце грело щёку, но под рубахой стало холоднее.

— Ты знаешь о них?

— Я чувствую, что ты принёс оттуда.

Он поднял руку, не приближаясь. Я едва удержался от движения к наручу. Ладонь остановилась на уровне его груди. Шеай отозвалась слабо, почти привычно; я не позволил себе посмотреть вниз.

— Что именно? — спросил я.

— След запертой Песни. Защита была нарушена. Ты оказался достаточно близко, чтобы это осталось на тебе.

Я запомнил каждое слово. Он знал больше, чем случайный путник. Но «след» ещё не означал «меч», а уверенность голоса не давала ему доступа ко всему, что произошло. У меня оставалось место для объяснения.

— Там была печать, — сказал я. — И стражи. После одного из них рука до сих пор холодная.

— Покажи, что нашёл.

— Почему ты решил, что я что-то вынес?

— Ты сказал, что собираешь древности.

На этот раз я почти усмехнулся. Его вопрос не был чудом. Я сам дал ему основание.

— В кармане футляр. Достану медленно.

Он кивнул.

Я вынул обсидиановый цилиндр. Камень хранил прохла-

ду, хотя плащ нагрелся на солнце. На одной стороне налипла светлая пыль; я стёр её большим пальцем и повернул футляр крышкой к незнакомцу.

Он шагнул ближе.

Впервые за всё время движения утратили прежнюю размеренность. Он даже натянул повод, забыв о кобыле. Та подняла голову, фыркнула. Незнакомец остановился, отпустил ремень свободнее и снова посмотрел на цилиндр.

— Открой.

— Он пустой.

— Открой всё равно.

Я отвинтил крышку. Показал тёмное отверстие, затем перевернул футляр над ладонью. Ничего не выпало.

Незнакомец долго смотрел на пустую руку.

— Что было внутри? Только не начинай издалека. Мне нужно знать, как выглядела сама запись.

— Тонкий металлический лист. Знаки, линии, точки. Я сперва принял их за шифр. Он остался в дверном механизме.

Незнакомец выдохнул через нос. Кобыла потянула повод, и он ответил раздражённым коротким движением, даже не посмотрев на неё.

— Ты вставил его в дверь? Зачем?

— Там было гнездо. По размеру подходило. Мне нужен был проход.

Это прозвучало недостаточно рассудительно для учёного. Я уже хотел добавить что-нибудь о предполагаемом назначе-

нии записи, но остановился: чужое раздражение было настоящим, и лишняя выдумка могла его только усилить. В конце концов, исследователь тоже способен сделать глупость, особенно если потом расплачивается за неё раной.

— Открылась? — спросил он.

— Не сразу. Пришлось заплатить вот этим.

Я поднял перебинтованную ладонь и позволил ему самому решить, сколько в ответе было стыда.

Он посмотрел на повязку, на плечо, на цилиндр. Я не рассказывал о Варене. Футляр оказался у меня после обыска торговца; для незнакомца он должен был остаться находкой из руин. Чем меньше людей и промежуточных действий попадало в рассказ, тем легче было удерживать его в пределах правды, которую я соглашался показать.

— Лист был свёрнут? — спросил он.

— Да.

— После того как развернул, сам тянулся обратно?

— Он был упругим.

— У края три линии. Поперёк остальных. Помнишь?

Я закрыл глаза на мгновение. Зелёный свет Нэриного кристалла, металл между пальцами, густая вязь. Я помнил устройство рисунка лучше отдельных знаков.

— Линии помню. За число не поручусь.

— Хорошо. Не выдумывай.

В его голосе неожиданно прозвучала обычная преподавательская требовательность. Я слышал такой тон над своими

переводами: человек ещё не сердится на ошибку, но уже сердится на попытку скрыть её уверенным ответом.

Незнакомец опустил повод на камень и снял капюшон.

Он выглядел редгардом. Лицо было узким, кожа — тёмной, с сероватым оттенком, который нельзя было объяснить одной пылью. По вискам и скулам шли тонкие светлые линии. Они не походили на шрамы: в углублениях у глаз светились яснее, чем на обращённой к солнцу щеке. На лбу виднелась спираль, пересечённая тремя чертами.

Глаза были белыми.

Я не отвёл взгляда достаточно быстро. В груди сжалось, и мне пришлось напомнить себе, что я пока чувствую только страх. Ни приказа, ни боли, ни чужой мысли вслед за взглядом не пришло.

Он заметил мою заминку.

— В караван-сарае предупредили?

Я не стал отрицать.

— Сказали не смотреть тебе в глаза.

— Тогда смотри на футляр. Мне нужно понять, что ты сделал.

Я повернул цилиндр. Незнакомец указал пальцем на край, не касаясь моей руки.

— Зей'таар. Так называли ключ Кривого Пути. Сам футляр — только часть. Важнее то, что в нём хранилось.

Он произнёс незнакомое слово медленно, словно проверял, узнаю ли я его. Я не узнал.

— Лист называли нотацией Разрыва, — продолжил он. — Записью Песни.

— Песню записывают словами.

— Обычную — ещё и знаками, чтобы другой человек знал, как её исполнить. Здесь записано то, что должно происходить при исполнении. Последовательность. Границы. Места, где действие нужно остановить.

Я посмотрел на пустой футляр с новым раздражением. Мне попалась инструкция, которую я принял за загадку, а затем оставил в замке.

— Дверь прочитала её вместо меня?

— Возможно. Я не видел эту дверь.

Это признание неожиданно повысило моё доверие к остальному. Нэра редко оставляла место для незнания. Этот человек мог ошибаться или обманывать, но хотя бы различал увиденное и предполагаемое.

— Что она должна была удерживать? — спросил я.

— То, что нельзя было оставить свободным. Такие записи применяли и для закрытия, и для открытия. Потому я спрашиваю про порядок знаков.

— Ты называешь это Песнью. Я не слышал там музыки.

— А гул слышал?

Я помолчал.

— Да.

— Для начала достаточно. Не пытайся пока представить певца с лютней.

Он опустился на одно колено и разгладил рукой небольшой участок песка. Нарисовал короткую дугу, рядом другую.

— На листе линии сходились здесь или шли рядом?

Я присел напротив, поставив цилиндр между сапогами. Так было легче смотреть на рисунок, чем на его лицо. Песок сверху оставался тёплым, под тонкой сухой коркой чувствовалась прохлада. Ветер подхватывал края начерченных линий, и незнакомцу приходилось закрывать их ладонью.

Я показал то, что помнил. Он стёр часть рисунка, попросил повторить. Дважды я признался, что не уверен. Один раз он сам остановился, перечеркнул собственную линию и начал иначе. От этого разговор стал почти спокойным. Между нами лежал предмет, о котором можно было говорить, не называя ни службы, ни убийства, ни меча внутри меня.

— Ты действительно занимался надписями, — сказал он наконец.

— Я говорил.

— Ты говорил много. Это я сейчас увидел.

Он поднялся, отряхнул ладонь и вернулся к лошади. Я закрыл футляр. Отдавать его мне не предложили, и я убрал находку под плащ раньше, чем такой вопрос мог возникнуть.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Зель-а-Кур.

Я повторил имя, стараясь не исказить гласную. Он кивнул.

— Тарасиэль.

Собственное имя пришлось произнести сознательно. Ста-

рая торговая легенда уже не годилась, а придуманное на ходу имя добавило бы ещё одну вещь, которую нужно помнить. Зель-а-Кур не изменился в лице. По крайней мере, я не заметил.

— Чем занимаешься, Зель-а-Кур?

— Сохраняю старые Песни. Ищу записи, сравниваю, учу тех, кто способен учиться. Меня называют Хранителем Мёртвых Песен.

Он произнёс название без торжественности, почти устало. Мне стало любопытно, кто именно так его называет, но я удержался. Сначала следовало понять, почему хранитель платит древними монетами и едет к месту, о котором остальные говорят шёпотом.

— Ты поэтому направляешься к дюнам?

— Кто-то пытается исполнить эту запись заново.

Я оглянулся на затёртые рисунки под ногами.

— Такую же?

— Достаточно похожую, чтобы я не мог остаться на месте.

— Кто?

— Человек, которого сейчас зовут Проводником.

Я едва не спросил, почему тогда его самого приняли за того, кто знает, что врата открыты. Но это было моё заключение, не слова конюха. Незнакомец в плаще оказался тем, кто ищет другого человека. Цепочка стала длиннее на одного, а уверенности не прибавилось.

— И что он собирается открыть?

— Проход, который не следует открывать. В Склепе Первого Аккорда есть то, что позволит ему продолжить начатое.

— Я уже слышал историю о склепе и мече. Только место было другое.

— Одним именем называют разные части старого дела. Купцы запоминают название реликвии лучше устройства сооружения.

Он помолчал, глядя туда, где русло уходило в тень.

— Я объясню. Но здесь долго стоять не стоит.

— Тебе нужна моя находка?

— Мне нужно знать, что случилось с печатями. И ты сам можешь пригодиться. Если тебя коснулась Песнь и ты остался жив, с этим можно работать.

Я не ответил.

— Ты не умеешь обращаться с тем, что принёс, — сказал Зель-а-Кур. — Это видно. Я могу помочь тебе разобраться. Ты пойдёшь со мной и расскажешь всё, что помнишь о склепе. Если доберёмся вовремя, остановим Проводника.

Ветер ослаб. Между словами стало слышно, как кобыла жуёт сухой стебель. Я смотрел на её челюсть и думал о том, что ещё недавно Нэра предлагала мне почти то же самое: пройти вместе, помочь открыть или закрыть нечто, довериться тому, кто знает дорогу.

Но Нэры больше не было. Знания, которые могли пригодиться, исчезли вместе с ней. Передо мной стоял другой источник этих знаний, и он пока не требовал ни оружия, ни

присяги.

Он может быть полезен.

Мысль о том, что делать, когда перестанет, пришла следом — ясная и неприятно привычная. Я не отогнал её. Лишь посмотрел на расстояние между нами, на его свободные руки и на лошадь, способную уйти быстрее моего верблюда. Здесь устранить его было бы гораздо труднее, чем Нэру у постамента. А пока это было бы ещё и глупо.

— Я согласен ехать вместе, — сказал я. — Но ты неверно понял одну вещь.

Он ждал.

— Я не принёс из склепа ничего, кроме футляра. То, что ты чувствуешь, осталось после печати.

Зель-а-Кур посмотрел на мою грудь.

Я продолжил прежде, чем он успел спросить:

— Я пытался её открыть. Она сработала. С тех пор холод и этот гул. Если можешь убрать — буду благодарен. Мне это мешает.

Раздражение было настоящим. Холод тоже. Я опирался на них, как на выступы в стене, и следил, чтобы не добавить лишнего. Не говорил, что никогда не видел меча. Не объяснял того, о чём меня не спрашивали. Только называл ощущение и предлагал ему причину, которая могла выглядеть правдоподобной.

— Печать могла оставить метку, — произнёс он медленно.

— На всю жизнь?

— Не знаю. Иногда так отмечали того, кто уже прошёл одну защиту. Другая должна была его узнать.

Я посмотрел на левую руку, сгибая пальцы.

— Это можно проверить без новой раны?

Он впервые чуть улыбнулся. Улыбка исчезла почти сразу, но лицо на мгновение перестало напоминать высеченную маску.

— Можно начать с наблюдения. Не пытайся ничего вызывать, пока я не попрошу.

— Устраивает.

Он протянул руку.

Я вложил в неё перебинтованную ладонь. Его пальцы были сухими и твёрдыми, хватка — осторожнее, чем я ожидал. Он заметил повязку и не стал сжимать сильнее. Это небольшое движение запомнилось мне против воли.

— О происхождении спрашивать не буду, — сказал Зельа-Кур. — Пока оно не мешает делу. Но если почувствуешь перемену в этой метке, сообщи сразу. Особенно рядом с древней защитой.

— Хорошо.

Я не знал, какие ещё выводы он сделал. Он видел эльфа под человеческой личиной, чувствовал необычную магию. Этого было достаточно, чтобы говорить уверенно и заставить меня самому раскрыть остальное. Я не собирался помогать ему больше, чем требовалось. Моя природа и Первая

Шеай оставались при мне.

Зель-а-Кур отпустил руку и подтянул подпругу кобылы. Та повернула к нему морду, и он отвёл её привычным движением, как человек, которому сейчас некогда ласкать животное, но который всё-таки знает, чего от него хотят.

— Воды достаточно? — спросил он.

— Три бурдюка. Еда на три дня.

— Покажи крепления.

Я почувствовал раздражение, однако отвёл его к верблюду. Он осмотрел груз, потянул один ремень и передвинул узел чуть выше.

— Будет тереться о дерево. К утру протрёшь кожу.

— Мне привязывали в сарае.

Сказал — и сам услышал, как жалко это прозвучало: взрослый человек объяснял, кто виноват в его плохо уложенном грузе. Зель не стал улыбаться, только придержал ремень, пока я разбирался с узлом.

— Тебе там продавали. Перевяжи. Смотри, вот здесь уже натёрто.

Он показал место большим пальцем и убрал руку, давая мне исправить самому. Такая помощь раздражала меньше, чем могла бы. После разговора о моей метке я всё ещё ждал проверки, нового вопроса, внезапного прикосновения к повязке. Вместо этого мы возились с кожаным ремнём. Я поймал себя на том, что почти благодарен ему, и затянул узел сильнее, чем требовалось.

Я перевязал. Он не стоял над душой: отошёл к кобыле, проверил собственную сумку. Обычная возня со снаряжением после разговора о древних печатях помогла мне собраться. Я лучше понимал человека, который замечал плохой ремень, чем хранителя, говорящего внутри головы.

Когда я сел в седло, солнце уже касалось дальних дюн. По руслу протянулась прохлада. Красноватый песок в тени стал лиловым, а белые обломки камня ещё держали свет. Зель-а-Кур натянул капюшон, но лицо не скрыл целиком.

— Держись русла, — сказал он. — Когда стемнеет, выберем место между скалами. На открытом песке ночевать не будем.

— Из-за ветра?

— Не только. Здесь рассказывают о Ша'ахт. Песчаных тварях. Если увидишь движение против ветра, не подходи смотреть. Сначала позови меня. Огонь держи наготове.

Я вспомнил купца у очага, рисовавшего круг над кружкой. Его собеседник говорил, что возле навеса всегда крутит. Хотелось узнать, какой из этих двух способов объяснять пустыню чаще сохраняет человеку жизнь.

— Ты сам их видел?

Зель-а-Кур обернулся.

— Об этом поговорим, когда слезем с животных. Сейчас смотри, куда ведёшь своего.

Верблюд как раз потянулся в сторону пологого склона. Я вернул его на твёрдый песок и позволил кобыле выйти впе-

рёд. Её след больше не нужно было искать: копыта оставляли отпечатки прямо передо мной.

Я ехал достаточно близко, чтобы разговаривать, и достаточно далеко, чтобы не задеть его животное, если придётся резко остановиться. Зель-а-Кур смотрел на берега, выбирая дорогу. Я смотрел на него.

Из осторожного собирателя древностей следовало теперь сделать человека, которому простят лишние вопросы. Усталый маг, слишком увлечённый находкой, чтобы заметить чужое раздражение. Я знал, как держится такой человек, как он возвращается к недоговорённому и забывает, что собеседник уже отвернулся.

— Ты сказал, что можешь учить, — начал я. — А с чего начинают, когда запись утрачена и осталось только её действие?

Зель-а-Кур повернул голову вполоборота.

— С того, что выясняют, действительно ли запись утрачена.

— Значит, существуют копии?

Он вздохнул. Я услышал этот вздох вполне обычным слухом и впервые за встречу почувствовал, что сумел выбрать удобную роль.

Мы ехали дальше, пока последние солнечные полосы медленно поднимались по берегу сухого русла.

Глава 12. У огня

Солнце скрылось, прежде чем Зель-а-Кур ответил на вопрос о копиях.

Он вёл кобылу по правому краю русла, где из песка выступали плоские камни. Я держался следом. В сумерках белые прожилки в породе ещё помогали различать дорогу; тёмные провалы между ними уже приходилось угадывать. Верблюд ступал осторожнее, время от времени вытягивая шею. Я позволял ему выбирать место для ноги, но следил, чтобы он не уходил на склон.

— Записи переписывают, — произнёс наконец Зель. — Иногда целиком. Иногда только ту часть, которую смогли понять. Потом кто-нибудь находит обрывок и решает, что перед ним законченная работа.

— А тот лист, который был у меня?

— Я видел футляр. Не лист.

— Ты всё-таки узнал его.

— Узнал назначение. Это не значит, что могу восстановить каждую строку.

В его голосе появилось раздражение, ещё сдержанное. Я слишком быстро вернулся к потерянному листу, словно он уже обещал мне другой и теперь уклонялся. Пришлось помолчать. Впереди покачивалась спина кобылы; я видел, как Зель поворачивает голову, выбирая место между камнями,

и понимал, что моим вопросам он уделяет только часть внимания. Мне же хотелось получить ответ немедленно. Всё, о чём он рассказывал, могло объяснить, что теперь находилось во мне, а спросить об этом прямо я не смел.

— Я не прошу восстановить, — сказал я, когда мы миновали камни. — Хочу понять, можно ли было прочесть её неправильно. Так, чтобы она всё-таки сработала.

Он оглянулся. Я выдержал взгляд, стараясь не торопиться со следующим вопросом.

Я придержал верблюда, давая ему обойти торчавший камень. После неудачи на склоне животное вызывало во мне уважение, которого не заслуживали мои собственные навыки верховой езды. Зель обернулся, убедился, что я не отстал, и продолжил:

— Ты учился читать такие записи по переводам?

— В основном. Были прорисовки. Несколько предметов, которые разрешали осматривать.

— Разрешали?

— Владельцы не любят, когда трогают дорогие вещи.

Он хмыкнул. Я решил, что ответ его устроил.

Ветер теперь шёл навстречу, и слова приходилось ловить между его порывами. Я придвинулся чуть ближе. Белые линии на лице Зеля слабо выделялись под капюшоном; смотреть на них было легче, чем на дорогу. Приходилось напоминать себе, что я могу наблюдать за ним и всё-таки провалиться вместе с верблюдом в какую-нибудь промоину.

— В одном разборе Шеай описывали как сгущённую магическую силу, — сказал я. — Воин придаёт ей форму клинка. Звучит понятно, но тогда непонятно, зачем ему петь.

— Кто написал разбор?

— Не помню. Могу вспомнить страницу.

— Страница мне не поможет.

— Внизу было примечание о переводе с та'агра.

Он повернул голову. Та'агра была языком каджитов; пользоваться им как промежуточным языком при изучении йокуданских текстов можно было, но каждый новый перевод отдалял читателя от того, что хотел сказать первый автор.

— Ты читал чужое объяснение чужого объяснения, — сказал Зель. — Не удивляйся, что получилось заклинание в форме сабли.

— А разве не оно?

— Нет. По крайней мере, я так не считаю. Ансей создавал Шеай из себя. Из воли, из того, что привык считать собственной душой. Слово можно выбрать разное. От выбора слова умения не прибавится.

— Но ведь платил за это чем-то? После сильного заклинания магу нужен отдых. После удара таким мечом — тоже?

Вопрос был нужен мне гораздо больше, чем я показывал. Я помнил глыбу над головой и холод в пальцах после одного взмаха. Теперь слушал, стараясь выглядеть человеком, который лишь уточняет несогласованность в прочитанном.

Зель не ответил сразу. Кобыла переступила через узкую

трещину. Он дождался, пока её минует мой верблюд.

— Устаёт и рука с обычным мечом. Но ты спрашиваешь о другом. Что оставалось от человека, который слишком долго делал свою душу оружием?

— Да.

— В старых рассказах есть мастера, которые под конец почти переставали жить среди людей. Не нуждались в прежних вещах. Не узнавали того, чем дорожили раньше. Я думаю, Песнь меняла их. Они не просто расходовали силу. Они привыкали быть мечом.

Я поправил повод, чтобы скрыть движение пальцев.

— И все кончали так?

— Не знаю. О человеке, который состарился дома, рассказывают меньше, чем о том, кто исчез в сиянии. Не считай каждую историю правилом.

Я посмотрел на светлую линию у его скулы и удержался от следующего вопроса. Он мог бы заметить, куда я смотрю. Пока мне было выгоднее позволить ему учить, чем заставить защищаться.

Небо темнело медленно. На западе ещё держалась бледная полоса; над противоположным берегом появились первые звёзды. Песок утратил цвет, но запах нагретого камня оставался. Иногда к нему примешивалась горечь раздавленного кустарника. Зель выбирал дорогу без остановок, словно узнавал её не по отдельным приметам, а по тому, как один изгиб переходил в другой.

— Ты давно здесь ездишь? — спросил я.

— Достаточно.

— С учениками?

Он чуть натянул повод. Кобыла подняла голову.

— Бывало.

— Проводник тоже учился у тебя?

Я задал вопрос тем же тоном, каким спрашивал о переводах. Это было предположение, но он слишком хорошо знал намерения человека впереди, чтобы оставаться только хранителем случайно найденной записи.

Зель посмотрел на меня.

— Почему ты решил?

— Ты говоришь, что он пытается исполнить нотацию. Не просто ищет её. Значит, знаешь, на что он способен.

Он повернулся обратно к дороге.

— Его зовут Малик. Малик аль-Фасад. Да, он был моим учеником.

Я повторил имя про себя. Наконец у опасности появилось имя, которое можно записать в донесении, разыскать в чужих рассказах, связать с поступками. «Проводник» мог означать слишком многое.

— Давно ушёл?

— Не это важно.

— Для тебя — возможно. Для меня важно понять, он умеет то же, что ты, или только надеется.

— Умеет достаточно, чтобы я ехал за ним.

В голосе появилась резкость. Я замолчал и дал ему немного пространства. Кобыла шла впереди, а я смотрел, как мерно качается застёжка на его сумке. Зель сам заговорил после того, как мы обогнули широкий каменный выступ.

— Он хорошо учился. Быстрее многих. Задавал вопросы до тех пор, пока не понимал ответ. Мне это нравилось.

Я не стал улыбаться совпадению.

— Что изменилось?

— Война. То, что осталось после неё. Он не смог принять, что всё может повториться.

Хаммерфелл пережил войну с Доминионом и продолжал сражаться после того, как Империя заключила мир. Для меня это были даты, условия договора, сведения о гарнизонах. Для человека, выросшего здесь, за теми же словами стояли дороги, по которым больше некому было вернуться домой. Я уже слышал достаточно разговоров, чтобы не напоминать Зелю о состоянии имперских легионов и причинах уступок.

— Он потерял близких?

— Да.

Зель ответил коротко. Я не стал спрашивать, кого именно.

— Сначала он хотел научиться защищать людей, — продолжил Хранитель. — Потом стал спрашивать, почему вообще нужно ждать следующего нападения. Почему другие всегда могут прийти. Морем, через горы, под любым знаменем.

— И решил закрыть дороги?

— Отделить всю страну.

Я решил, что неверно расслышал.

— От чего?

— От Тамриэля. Он называет это Великим Отсечением.

Мы ехали ещё несколько шагов, прежде чем я нашёл следующий вопрос. В темноте скрипнуло седло. Я вдруг слишком отчётливо почувствовал, как бурдюк касается колена.

— Ты говоришь о границе? О защите, которую нельзя перейти?

— Я говорю о том, чтобы Хаммерфелл перестал находиться там, где находится. Вместе с городами, людьми, дорогами. Чтобы до него нельзя было добраться ни армии, ни кораблю.

— Так не бывает.

Я сказал это раньше, чем вспомнил, что держал в руке под Сентинелом.

Зель не стал спорить.

— Я тоже говорил ему, что он не понимает размера того, за что берётся. Малик считал это страхом. У него были записи, расчёты, примеры старых разрывов. Он собирал всё, что подтверждало его надежду, и отбрасывал остальное.

— Ты проверял расчёты? Или он уже не давал их смотреть?

— Часть успел проверить. Потом мы перестали разговаривать так, как разговаривают учитель с учеником.

Последние слова дались Зелю не сразу. Он переставил повод в другую руку и некоторое время следил за дорогой. Я не торопил: вопрос наконец задел то, о чём он говорил не

как знаток древностей. Теперь он вспоминал человека, с которым у него что-то не получилось.

— Я надеялся найти ошибку, — продолжил он. — Показать ему место, на котором всё развалится. Он потребовал бы проверить ещё раз, мы бы спорили. Но хотя бы об этом. О том, что можно посчитать и исправить.

— И не нашёл?

— Нашёл достаточно причин бояться, что он сумеет начать. Именно поэтому я здесь.

Это было хуже уверения, что ученик безумен. С безумным можно было столкнуться и обнаружить, что кроме намерения у него ничего нет. Зель боялся способности, которую успел оценить.

Я взглянул на свои руки. Они лежали на поводе. Клинка не было видно, и всё-таки я ощущал его так же ясно, как скрытый наруч под рукавом.

— Ему нужна та запись?

— Запись. Лезвие. И Наковальня.

Я заставил себя не задавать вопрос о лезвии первым.

— Наковальня — это место?

— Устройство внутри Склепа Первого Аккорда. Так его называют. Не представляй кузницу.

Он указал на склон, где широкий каменный пласт выступал над песком.

— Чтобы сдвинуть этот пласт рычагом, нужен упор. Одной длинной жерди мало. Наковальня даёт подобный упор

для Песни. Позволяет направить действие за пределы того, чего касается клинок. Насколько далеко — зависит от записи и от того, кто её исполнит.

Объяснение было простым. От этого легче не стало. Я представил чёрную линию, пересёкшую плиту рядом с моей ладонью, а затем попытался продолжить её через город. Воображение остановилось на первом доме. Дальше были колодцы, подвалы, люди, которые спят, не зная, что под ними проводят черту.

— И лезвие — Первая Шеай?

— Да.

Я опустил голову, будто обдумывал термин.

— Ты считаешь, он уже нашёл её?

— Не знаю.

Ответ был немедленным. Я чуть свободнее вдохнул.

— Без неё у него ничего не выйдет?

— Не рассчитывай на это. Он может попытаться заменить недостающее. Или решить, что сумеет призвать нужное через Наковальню. Неудача такого человека тоже опасна.

Я вспомнил, как в таверне хотел всего лишь отбросить троих от стола. Собственное незнание уже однажды сделало больше, чем намерение. Мне не хотелось снова служить доказательством правоты Зеля.

Он остановил кобылу у развилки русла. Впереди темнели скалы, почти сливавшиеся с небом. Между ними ветер звучал ниже, чем на открытом песке. Зель прислушался, затем

повёл лошадь к узкому проходу справа.

— Здесь переночуем.

Скалы оказались красными. Я увидел это, когда Зель высек небольшой огонь и поднёс сухую ветку к пламени. При дневном свете цвет, наверное, был бы ярче; теперь он проступал отдельными пятнами, там, где огонь доставал до стены.

Расщелина расширялась в глубине. На земле лежал мелкий щебень, у одного края накопился песок. Здесь пахло сухой пылью и старым навозом: укрытием пользовались до нас. Ветер проходил над головой и лишь изредка протягивал внутрь холодный порыв. Я снял груз с верблюда и некоторое время стоял, держась за седло. После дороги колени плохо разгибались.

Зель собирал сухой колючник у входа. Я присоединился, выбирая ветки, которые ломались легко, без влажного хруста. Колючки цепляли рукава; одна вошла возле ногтя. Я вытащил её зубами и посмотрел на маленькую каплю крови.

— Сюда клади, — сказал он. — Не всё сразу.

Костёр был невелик. Зель оставлял между ветками промежутки, давал огню подняться, потом подкладывал следующую. Дыма почти не было. Пламя освещало только середину стоянки; животные оставались дальше, у стены, где им отвели место без острых обломков.

Я напоил верблюда, следя за тем, сколько уходит из запаса. Зель занимался кобылой. Сняв седло, он провёл ладонью

по её спине и долго расправлял шерсть там, где лежала подпруга. За весь разговор о Малике он ни разу не коснулся своего лица. Здесь, возле животного, движения стали мягче.

— Она обошлась тебе в старые монеты, — сказал я.

Он не обернулся.

— Конюх жаловался?

— Все заметили. И все уверены, что ты заплатил чем-то опасным.

— Тогда могли не брать.

Я присел возле бурдюков и проверил узел, который он заставил меня переделать. Кожа под ремнём была цела.

— Купец назвал их динарами На-Тотамбу.

— Так их продают.

— А как называешь ты?

Зель закончил с лошадью, отнёс седло к стене и сел у огня.

— Знаками допуска. Они были деньгами, но в некоторых местах их узнавали ещё и как подтверждение права пройти. Чеканка, металл, то, что вложено в знак. Для человека — монета. Для старой защиты — ответ на вопрос.

Я сел напротив. Между нами тихо потрескивала ветка.

— Для духов тоже?

— Для некоторых хранителей. Малик пользовался такими знаками, чтобы его принимали за своего. Это не значит, что любая древняя монета откроет любую дверь.

— А ты оставил их человеку, который даже не понимает, что держит.

— Мне нужна была лошадь. Других денег он хотел больше, чем у меня было.

Зель снял с рукава колючку и бросил в огонь. Я ждал более важного объяснения, но он уже доставал еду.

— Значит, они всё ещё работают?

— Иногда. Поэтому я не стал бы обещать конюху, что они бесполезны.

— Ты ему это сказал?

— Он спрашивал, возьмёт ли их скупщик в Сентинеле.

Я вспомнил закрытую дверь конюшни. У человека были причины не показывать мне деньги, и не все сводились к грубости или страху. Он мог подозревать, что продал лошадь за вещь, цена которой ему неизвестна. Моя предложенная помощь только усилила подозрение.

Зель протянул мне небольшой кусок лепёшки. Я отказался не сразу, потом достал собственные финики и положил несколько на ткань между нами. Он взял один, очистил от приставшей песчинки, проверил зубами и съел. Обычное движение человека, который опасается сломать зуб, оказалось почему-то важнее его рассказа о древних хранителях.

Я отрезал мясо. Сухие волокна пришлось долго жевать; губы щипало от соли. Когда я поднял флягу, Зель посмотрел на повязку, но ничего не спросил. Я был благодарен ему за это молчание и сразу насторожился от собственной благодарности.

Мне нужно было узнать, что он сделает, если обнаружит

меч.

— Ты собираешься поговорить с Маликом? — спросил я.

— Сначала остановить то, что он делает.

— Это не одно и то же?

— Нет.

— А после?

Зель смотрел в костёр. Белые линии на его лице не двигались вместе с тенями.

— После будет видно, сколько ещё осталось от человека, которого я учил.

Я провёл пальцем по краю фляги. Ответ оставлял слишком много возможностей, но требовать более точного было бы странно для собирателя древностей. Я позволил разговору осесть и подбросил тонкую ветку.

— Ты говорил, что он не смог принять новые войны. Почему отделить землю должно помочь? Корабли останутся. Люди внутри тоже могут воевать друг с другом.

— Он не собирается делать остров.

Зель поднял глаза. Я почувствовал, что мы наконец дошли до той части, которую он не хотел обсуждать верхом, между камнями и порывами ветра.

— Тогда куда он хочет её деть?

Хранитель отвёл взгляд к тёмному входу в расщелину.

— Дай мне немного времени. Я должен проверить, как отзывается Песнь здесь.

Он убрал еду, сел ровнее и закрыл глаза. Губы начали дви-

гаться. Я слышал лишь отдельные выдохи, мягкий звук в горле и почти неслышное повторение одной связки слогов. Это не походило на привычную молитву, произносимую для того, чтобы её услышали другие.

Я остался у огня. Снаружи шуршал песок. Верблюд опустился, устраивая под собой ноги; кобыла коротко фыркнула. Над узкой полосой неба между скалами появились луны — большой Массер и меньшая Секунда. Их свет не доставал до нас прямо, но делал выход из укрытия различимым.

Я думал о том, что Зель уже сказал. Не остров. Земля вместе с людьми. Убежище, до которого не доберутся армии. В записях о редгардской вере существовало место, которое подходило под такую надежду слишком хорошо.

Дальние Берега.

Загробный мир, куда, по их верованиям, души находили дорогу с помощью Ту'вакки, бога душ. О нём я читал перед поездкой. Для переводчика это было название, которому требовалось пояснение; для людей здесь — надежда на встречу с умершими и на покой, которого не давала земная жизнь. Малик потерял близких. Я вспомнил, как коротко Зель ответил на этот вопрос.

— Он хочет соединить Хаммерфелл с Дальними Берегами?

Губы Хранителя остановились.

Я не торопился продолжать. Он открыл глаза и посмотрел на меня через костёр. На этот раз я выдержал взгляд.

— Почему ты спросил?

— Потому что ты сказал: не остров. Не просто новое место на карте. И потому что там, где он хочет спрятать людей, по его расчёту, никто не должен их убить.

Зель молчал.

— Но если живые попадут туда вместе с землёй… Что будет с мёртвыми? Куда станут уходить души? Это ведь не просто граница между странами.

Хранитель медленно провёл ладонью по лицу. Когда он заговорил, прежняя сухость исчезла. Голос стал тише, и мне пришлось наклониться ближе.

— Да. Малик хочет закрепить нашу землю там. Он думает, что сумеет сохранить её такой, какой знает. Только без возможности снова отнять у него людей.

— И ты считаешь, это получится?

— Я считаю, он способен нарушить границу. Что именно получится после — не знает никто. В том числе он.

— Но ты говорил о расчётах.

— В них нет людей. Там связи, направления, сила, которую нужно приложить. Он всё аккуратно обозначил. А как будет дышать ребёнок в мире, который предназначен для умерших, не написал.

Ветка провалилась между углями. Пламя поднялось, и мы оба на мгновение замолчали.

Я представил хозяйку караван-сарая, наклонившуюся над мешком муки. Мальчика с миской, собирающего капли воз-

ле резервуара. Они не выбирали никакого перехода. Не знали Малика, не просили его избавить их от смертности. Один человек решил, что понимает их спасение лучше них самих.

— Возможно, души перестанут уходить, — продолжил Зель. — Возможно, живые окажутся привязаны к телам, которые уже не смогут жить. Смешение двух состояний вместо перехода между ними. Я не могу назвать тебе точный исход. Могу сказать, почему нельзя проверять его на целой стране.

— А Ту'вакка? Другие боги?

— Если ты предлагаешь подождать, пока они остановят моего ученика, я не стану ждать.

— Я пытаюсь понять пределы.

— Я тоже, Тарасиэль. Но для некоторых пределов достаточно знать, что за ними могут погибнуть люди.

Он протянул руки к огню. Я заметил мелкую дрожь одного пальца. Она исчезла, когда он сцепил кисти.

— Малик называл это милосердием, — сказал он. — Объяснял, что больше никому не придётся хоронить детей, уходить из дома, ждать чужой армии. Когда я спрашивал, что будет с теми, кто не захочет, он отвечал, что потом они поймут.

Я опустил взгляд.

В имперских донесениях тоже часто писали о пользе, которую люди поймут потом. Я не собирался уравнивать службу с тем, что описывал Зель. Но удобство этой формулы узнал сразу: решение уже принято, а чужое согласие обеща-

но заочно.

— Ты пытался забрать у него записи?

— Мы пытались остановить друг друга. Он ушёл. Больше я не хочу оставлять ему время.

Это было всё, что Хранитель согласился сказать о разрыве с учеником. Я слышал границу в его голосе и не стал переступать её сейчас.

Мне хватало услышанного.

Лезвие, запись, Наковальня. Запись осталась в двери, но могли существовать другие. Наковальня находилась там, куда мы ехали. Лезвие было во мне. Я сидел напротив человека, который искал способ остановить катастрофу, и скрывал от него часть необходимого для неё орудия.

Если Зель прав, я мог облегчить задачу Малику одним своим появлением.

Следовало бы рассказать. Хотя бы о мече, не о Нэре и службе. Посмотреть, как изменится лицо Хранителя, чего он потребует, куда направит меня после этого. Я даже почувствовал, как язык касается зубов перед первым словом.

Потом представил его ладонь, протянутую уже не для приветствия.

Нет. Пока я не знал, можно ли извлечь Шеай, не убив носителя. Не знал, что Хранитель сочтёт допустимой ценой за безопасность Хаммерфелла. Его осторожность в разговоре не обещала осторожности со мной. Я закрыл рот и взял флягу.

Зель посмотрел на меня.

— Метка беспокоит?

— Немного.

— Сильнее, чем на дороге?

— Нет.

Это была ложь не о силе боли, а о причине моего молчания. Хранитель кивнул и отодвинул свою сумку, освобождая сухое место у стены.

— Ложись здесь. До рассвета есть время. Завтра на камнях устанешь больше.

— А ты?

— Посижу ещё.

Мне хотелось предложить сменить его, когда отдохну, но я не знал, доверяет ли он мне настолько, чтобы заснуть первым. И сам не был уверен, что разбудил бы его при каждой опасности. Эта мысль испортила простое предложение прежде, чем я успел его произнести. Зель уже смотрел на огонь. После рассказа о Малике его молчание ощущалось иначе: я представлял, как он когда-то сидел с тем учеником, объяснял, поправлял, сердился на торопливые вопросы. Возможно, сейчас он об этом и думал. Спросить было бы нетрудно. Но тогда пришлось бы выслушать ответ без пользы для моей легенды, и я оставил его в покое.

Я расстелил плащ. Под ним оказался острый камешек; пришлось подняться, найти его и выбросить в сторону. Такие мелочи возвращали ощущение настоящего тела лучше

размышлений. У меня были уставшие ноги, натёртая пятка, повязка на ладони. Пока я мог убрать камень из-под ребра, часть мира оставалась понятной.

Зель подложил в огонь последнюю ветку и снова закрыл глаза. Я лёг лицом к выходу из расщелины. Отсюда были видны ноги животных и узкая светлая полоска песка за пределами укрытия. Правая рука свободно лежала возле левого запястья. Я заметил это и убрал её под голову.

Гул усилился, когда я закрыл глаза. После разговора он казался почти ответом на услышанное. Я не мог знать, нравился ли мечу замысел Малика, но собственное воображение охотно придавало этому звуку согласие. Пришлось вспомнить, что подобное уже происходило: я слышал гул и пытался угадать в нём намерение.

Я начал считать выдохи. Сбился, начал снова. Ветер проходил над скалами; внизу догорал колючник. Где-то рядом Зель тихо повторял незнакомые слова.

Последним, что я увидел перед сном, была его рука над углями. Он держал её слишком близко к жару, потом всё-таки отдёрнул и потёр пальцы.

Глава 13. Расколотая Наковальня

Утром я долго не мог понять, почему пахнет хлебом.

Запах был слабым, с горчинкой: так пахла корка, забытая возле углей. Я лежал на боку, не открывая глаз, и какое-то время позволял себе не вспоминать, где нахожусь. Под щекой была грубая ткань. За спиной тянуло холодом. Кто-то рядом возился с посудой, и мне хотелось, чтобы этот человек закончил своё дело тихо и ушёл, оставив меня досыпать.

Потом верблюд потянул край плаща.

Ткань поползла из-под локтя, плечо дёрнуло, и я проснулся окончательно. Надо мной висела длинная морда с мокрым подбородком. Животное жевало, глядя куда-то мимо меня. Я прижал плащ ладонью к земле.

— Отдай.

Верблюд потянул ещё раз.

— За шею его отведи, — сказал Зель. — Только сначала встань. Лёжа ты ему не объяснишь.

Он сидел возле остатков костра, держа над углями кусок лепёшки. Из расщелины уже было видно небо — бледное, почти бесцветное над тёмными краями скал. Огонь не горел, но под золой оставалось достаточно жара, чтобы хлеб подрумянился. Рядом стояла открытая сумка, лежал свёрток с сухим кормом. Кобыла хрустела чем-то за его спиной.

Пришлось подняться. Ноги затекли; я некоторое время

стоял, опираясь на скалу, прежде чем отвести верблюда от постели. Он уступил с такой лёгкостью, что я почувствовал себя глупо. На плаще остались тёмные пятна слюны.

— Он всю ночь был здесь?

— Где ты его привязал, там и был. Ты сам лёг близко.

Зель перевернул лепёшку. Я хотел ответить что-нибудь о заботливых хозяевах караван-сарая, продавших мне животное вместе с дурными привычками, но рот пересох так, что даже говорить было неприятно. Пришлось сначала найти флягу. После первых глотков вода показалась почти сладкой; я остановился, только заметив, как внимательно смотрю на её убывающий уровень.

— Ты спал? — спросил я.

— Немного. Ешь, пока не остыло.

Он разломил хлеб и положил половину на чистую сторону ткани. Не протянул мне в руку, не стал уговаривать. Просто подвинул, освобождая себе место возле углей. От этого было легче взять. Ночью я думал, что после нашего разговора не смогу спокойно есть напротив него, но сейчас голод оказался сильнее неловкости.

Корка крошилась, середина была плотной и чуть влажной от тепла. Я достал финики, высыпал несколько между нами. Зель взял один, отделил косточку большим пальцем и долго разглядывал, прежде чем бросить в золу. Пальцы у него сегодня не дрожали. По крайней мере, я этого не заметил.

— Ты говорил, на камнях будет хуже, — напомнил я. —

Нам придётся оставить животных?

— У раскола. Дальше они не пройдут. До него доведём.

— Дорогу отсюда видно?

— Русло держится до подъёма. Потом пойдём к чёрной скале. Сначала увидишь верх, сам поймёшь, куда идти.

Он говорил, не глядя на меня, и я тоже смотрел на хлеб. Утром между нами оказалось больше осторожности, чем вчера у костра. Возможно, я просто лучше помнил всё, что скрыл. Ночью признание представлялось трудным разговором; теперь надо было признать ещё и то, что я спокойно выспался, оставив его сторожить человека с нужным Малику оружием внутри.

— Если он уже там, — начал я, — ты собираешься сразу…

Зель поднял голову.

Я не закончил. Слово «убить» прозвучало бы слишком определённо для учёного, которого должен был больше занимать способ остановить обряд.

— Сначала посмотрю, что он успел сделать, — ответил Хранитель. — Потом решу, как подойти.

— А если заговорит с тобой?

— Значит, услышу, что скажет.

— Я спрашиваю не из любопытства. Мне нужно понимать, где стоять, когда вы встретитесь.

Это была правда, и она помогла произнести остальное без усилия. Я действительно не хотел оказаться между двумя людьми, каждый из которых умеет делать с пространством

вещи, плохо совместимые с живым телом.

Зель помолчал, растирая хлебную крошку между пальцами.

— Позади меня. И не пытайся помочь прежде, чем поймёшь, что происходит. Особенно заклинанием. Если скажу отойти — отойдёшь.

— Даже если ты останешься?

— Особенно тогда.

Он сказал это устало, без торжественности, и мне стало ясно, что похожие разговоры ему уже приходилось вести. Я не спросил с кем. Взял ещё один финик и принялся осторожно жевать: во рту саднило там, где вчера прикусил щёку.

За краем расщелины светлело. На песке лежали длинные тени животных, и ветер пока не доносил дневного жара. Зель начал собирать вещи. Я доел, проверил повязку на правой ладони и подтянул съехавший край. Ткань присохла к порезу; полностью снимать её здесь не хотелось. Левой рукой я уже мог удерживать свёрток, но стоило поднять локоть, как под ключицей начинало тянуть. Удобнее всего было держать руку возле живота. Я заметил, что Зель смотрит, и заставил себя не прятать боль: исследователю после неудачи в руинах позволялось быть раненым.

Скрытый клинок оставался под рукавом. Его я проверил, повернувшись к сумке, пока Хранитель занимался кобылой.

На месте нашего ночлега обнаружилось удивительно мало следов. Примятая зола, две вмятины от тел, крошки у скалы.

Мне было неприятно оставлять эту расщелину. За одну ночь она успела стать местом, где нас никто не нашёл, где можно было снять груз и закрыть глаза. Впереди такой уверенности не было.

Зель разгрёб угли и засыпал их песком. Я поднял плащ, вытряхнул его подальше от кострища и принялся укладывать поклажу. На этот раз ремень бурдюка лёг поверх ткани, не касаясь дерева седла. Хранитель заметил, но ничего не сказал. Я почему-то был ему за это благодарен.

В русле ещё лежала тень, когда мы выбрались из камней. Вчера я видел эту дорогу сверху, из седла и через усталость; утром в ней обнаружились подробности, по которым можно было различать отдельные места. Полоса мелкого гравия шла вдоль левого берега. Дальше виднелись высохшие корни, торчавшие из обрыва на высоте моего плеча. Под ними песок был темнее и плотнее, испещрённый мелкими следами, которых я не умел читать.

Кобыла Зеля оставляла аккуратные углубления в этой полосе. Мой верблюд предпочитал середину, где было мягче. Я больше не пытался исправлять каждый его шаг и постепенно начал различать, когда он просто выбирает удобное место, а когда собирается уйти в сторону. Эта маленькая разница требовала внимания. Стоило задуматься, как повод натягивался, и приходилось возвращаться к животному, седлу, собственным коленям.

Зель ехал впереди. На солнце его плащ оказался выцвет-

шим неравномерно: складки оставались тёмными, плечи посерели. Возле правого локтя ткань была зашита частыми неровными стежками. Я смотрел на этот шов дольше, чем следовало. Вчера белые глаза и линии на лице мешали замечать, что его одежду тоже нужно чинить.

— Ты бывал в этом склепе? — спросил я, когда мы поравнялись у широкого изгиба.

— У входа. Дальше мне прежде незачем было идти.

— Но знаешь, что находится внутри.

— Знаю, что об этом оставили другие. И кое-что умею распознавать сам. Это разные вещи.

— Я не пытаюсь поймать тебя на неточности.

Он посмотрел на меня, и я понял, что именно так вопрос и прозвучал. Пришлось продолжить:

— В записях проход обычно остаётся там, где его описали. На месте иногда оказывается, что часть стены рухнула или дверь давно заложена. Хочется знать, чему верить.

— Сначала глазам. Потом ноге, прежде чем перенесёшь на неё вес. А записью будем пользоваться, если она поможет.

Я кивнул. Ответ был разумным и совершенно недостаточным для того, что ждало впереди. Но Зель не обещал провести меня с закрытыми глазами, и это внушало больше доверия, чем мне хотелось ему отдавать.

Мы вошли в сужение между глинистым обрывом и россыпью камней. Здесь пришлось ехать друг за другом. На одном выступе белел высохший птичий помёт; под другим лежала

тонкая полоска сброшенной кожи. Ветер шевелил её свободный конец. Я сначала принял движение за живое существо и придержал повод, потом рассердился на собственную настороженность.

Зель заметил остановку.

— Что там?

— Ничего. Кожа.

Он обернулся ещё раз, проверяя сам, и поехал дальше. Я не стал объяснять, почему задержался. После рассказа о песчаных тварях любое движение возле дороги хотелось разглядеть прежде, чем приблизиться. Хранитель не высмеял меня, и следующий вопрос я задал уже без приготовленной защиты.

— Ты вчера упоминал Ша'ахт. Здесь их тоже боятся?

— Здесь боятся остаться без воды. И пустить животное по склону, который не выдержит. Смотри лучше на дорогу.

— Ты уходишь от ответа.

— Потому что сейчас ты смотришь на каждую тень, а под левым бурдюком у тебя развязался конец ремня.

Я посмотрел вниз. Короткая завязка болталась свободно; сам груз пока держался. Пришлось остановиться и закрепить её. Зель подождал, не добавляя ничего к сказанному. Солнце уже добралось до дна русла, и, наклонившись, я почувствовал, как под плащом становится душно.

Мне хотелось спросить снова, из упрямства. Вместо этого я проверил вторую сторону седла. Утренний разговор вне-

запно напомнил архив, карту, чашку воды перед инструктором. Сходство было неприятным, но теперь я хотя бы понимал, почему его так раздражала моя уверенность, что мелочами займётся кто-то другой.

Подъём начался возле каменной гряды, пересекавшей русло. Вода когда-то обходила её справа: там сохранилась узкая промоина с округлым, вытертым дном. По ней можно было вести животных, но проехать рядом уже не получалось. Зель спешился и подождал, пока я заставлю верблюда опуститься.

Вставать из седла оказалось труднее, чем садиться. Ноги помнили его ширину и не сразу соглашались стоять близко друг к другу. Я сделал несколько шагов, стараясь не хромать, потом решил, что скрывать это бессмысленно.

— Можно остановиться у камней? Мне надо поправить сапог.

— В тени. Здесь животным жарко.

Тень оказалась узкой, прижатой к подножию гряды. Я усадил верблюда и устроился рядом на плоском выступе. Сапог снимался неохотно. Под пяткой сбилась ткань, оставив на коже красную складку; пока я разглаживал её, в пальцы набилась мелкая пыль. От нагретого камня пахло сухо и горько. Где-то возле головы звенела муха, упрямо возвращавшаяся после каждого взмаха руки.

Зель дал кобыле воды. Я занялся своим животным, стараясь повторить его спокойную деловитость. В караван-са-

рае можно было смотреть, как это делают другие. Здесь каждый неловкий поворот тяжёлого бурдюка отдавался в плече, и вода, пролитая мимо, расстраивала сильнее потраченного золота.

— Держи ниже, — сказал Хранитель. — Не нужно поднимать весь вес. Пусть течёт понемногу.

Он помог придержать горловину. На мгновение наши руки оказались рядом, и я увидел светлую линию у него под ногтем, похожую на старую трещину. Зель отпустил бурдюк, когда я устроил его удобнее, и отошёл к своей сумке.

Мы ели без огня. Сухое мясо приходилось долго размягчать во рту; соль щипала губы. На другом краю тени Хранитель сидел, вытянув ноги, и смотрел на подъём. Впервые с утра никто из нас не торопился заговорить. Я слышал, как верблюд перетирает корм, как кобыла скребёт копытом каменную крошку, как ветер цепляет свободный край плаща. Все эти звуки делали молчание удобным. Мне не требовалось немедленно заполнить его очередным вопросом.

— Вчера ты сказал, что Малик перестал слушать, — произнёс я наконец. — А раньше слушал?

Зель повернул голову.

— Иногда слишком внимательно. Запоминал то, что я сам говорил не подумав. Потом возвращался и требовал объяснить.

Он произнёс это с досадой, в которой на короткое мгновение было что-то почти тёплое. Я ждал продолжения, не под-

сказывая.

— Я привык, что он спрашивает, — добавил Хранитель. — Когда перестал, решил, что научился разбираться без меня. Обрадовался даже. Не сразу понял, что он просто больше не хочет показывать работу.

— Ты мог и не понять.

— Мог. Только сейчас от этого мало пользы.

Он отвернулся, но не замкнулся совсем: вытащил из-под ноги застрявший край плаща, отряхнул и снова посмотрел на меня.

— Ты зачем спрашиваешь?

Мне пришлось ответить не сразу. Сказать, что пытаюсь понять противника, было бы слишком откровенно. Сослаться на любопытство — слишком легко после вчерашних разговоров.

— Хочу знать, услышит ли он хоть что-нибудь, если с ним заговорить. Или для него всякий, кто мешает, уже враг.

— Услышит. В этом и беда. Он понимает возражения. Просто считает, что цена бездействия больше.

Я провёл языком по зубам, пытаясь убрать застрявшее волокно мяса. Мне хотелось увидеть Малика заранее, до того, как придётся решать, куда направить оружие. По словам Зеля складывался человек, с которым можно спорить, и это было опаснее удобного безумца. У такого могли найтись доводы. Могла найтись минута, когда Хранитель захочет выслушать его ещё раз.

— Если ты знаешь, чего он хочет, — сказал я, — он, наверное, тоже знает, чем ты попытаешься его остановить.

Зель перестал смотреть на подъём.

— Знает. Поэтому держись там, где я смогу тебя видеть. Не заставляй меня следить ещё и за тобой.

Я согласился. Учёному следовало бы услышать в этом заботу о собственной безопасности. Я услышал ещё и то, насколько трудно Хранителю будет драться с человеком, которого он обучил сам.

Когда мы поднялись, тень почти ушла из-под наших ног. Я затянул сапог, проверил, не морщится ли ткань под пяткой, и взял повод. Наверху уже светился песчаный гребень; воздух над ним дрожал, скрывая то, что лежало дальше.

Чёрная скала показалась не сразу. Сначала над гребнем возник неровный выступ, который я принял за далёкую вершину. По мере подъёма он становился шире, но ни одной привычной подробности не прибавлялось: ни россыпи у основания, ни уступов, на которых задерживалась бы пыль. Только тёмная поверхность, местами вспыхивавшая под солнцем.

На последних шагах песок начал съезжать под подошвами. Я остановился, давая верблюду выйти на ровное место, и поднял голову.

Монолит стоял по ту сторону пологой впадины. Обсидиан — вулканическое стекло; я узнавал его блеск по футляру под одеждой и по кинжалу Нэры. Но здесь чёрной поро-

ды было столько, что привычное сравнение с вещью в руке только мешало понять размер. Верх уходил высоко в белёсое небо. Две половины скалы расходились над узкой щелью, а их внутренние края оставались прямыми, словно кто-то разнял огромный камень одним движением.

Впадина между нами была залита солнцем. Оттуда тянуло холодом.

Я почувствовал его на влажной шее и машинально поправил ворот. Такое уже было перед вратами под Сентинелом. Вспомнились зависшая пыль и чужой голос, требующий встать. На этот раз я не спешил ни приближаться, ни проверять впечатление рукой.

Зель стоял рядом, держа кобылу под уздцы.

— Расколотая Наковальня, — сказал он. — Вход в склеп внутри.

— Скала и устройство называются одинаково?

— Ущелье называют по тому, что под ним. Не знаю, кто назвал первым.

Он смотрел на песок у подножия. Я проследил за его взглядом и наконец заметил, что с ним не так. Ветер шёл со стороны скалы, шевелил гриву кобылы, гнал пыль возле наших ног. А ниже песок лежал ровными гребнями, слишком одинаковыми, с острыми краями. Ни один не осыпался. В нескольких местах линии сходились углами, повторяя друг друга так точно, как не получилось бы провести шнуром на неровной земле.

— Это тоже остановка? Как у двери?

Зель покачал головой.

— Не знаю, что именно удерживает его теперь. Не сходи с моего следа.

Он пошёл вниз. Мне хотелось задержаться и посмотреть, отступает ли хотя бы край узора под ветром, но кобыла уже закрыла часть склона, а оставаться одному на гребне было глупо. Я повёл верблюда следом, считая расстояние между шагами. Под ногами пока был обычный песок: он скрипел, ссыпался в следы, забивался между подошвой и кожей сапога.

Возле подножия Зель остановился так резко, что кобыла едва не ткнулась мордой ему в плечо.

— Смотри сюда.

Он указал на полосу между неподвижными гребнями. Через неё шли отпечатки босых ног. Я различил пятку, переднюю часть стопы, отдельные пальцы. Следы не были вдавлены: их края темнели и блестели, будто песок здесь успел расплавиться и снова застыть. Между двумя отпечатками тянулась тонкая чёрная нить, оборванная на середине шага.

Я присел, не касаясь поверхности. Над одним следом чуть дрожал воздух.

— Один человек?

— Малик.

Зель произнёс имя тихо и без вопроса. Я посмотрел на него. Губы были плотно сжаты; свободная рука лежала на

ремне седельной сумки.

— Ты узнаёшь действие или сам след?

— Я видел, что происходит, когда он перестаёт удерживать силу. Здесь он даже не пытался. Пойдём. Он уже внутри.

Теперь во всём, что делал Хранитель, появилась торопливость. Он отвёл кобылу к каменному выступу сбоку от раскола, где сохранялась тень и лежал обычный рыхлый песок. Я поставил рядом верблюда. Места хватало, чтобы животные не мешали друг другу, но близость чёрной стены мне не нравилась. Кобыла переступала и поводила ушами. Зель провёл ладонью по её шее, задержал руку, пока та не успокоилась, и только потом закрепил повод.

Я снял нужную сумку, проверил флягу. Сверху всё ещё было жарко; из щели тянуло так, что мокрая рубаха холодила спину. Запах тоже изменился. Пыль возле животных пахла навозом и нагретой кожей, а от входа доносилась резкая грозовая свежесть, под которой чувствовался сухой, давно закрытый камень.

Из седельной сумки Зель достал два белых кинжала.

Кость была гладкой на рукоятях и испещрённой мелкими знаками у основания лезвий. Он проверил каждый большим пальцем, но не провёл им по краю. Держал осторожно, с той привычностью, которая появляется от долгого пользования вещью. Мне невольно захотелось узнать, почему кость. Я удержал вопрос: лицо Хранителя сейчас не располагало к разговору о ремесле.

— Он начал, — сказал Зель.

— Ты видишь это по следам?

— По ним и по тому, что делается вокруг. Внутри может быть хуже. Держись рядом, но не вплотную. Если остановлюсь, остановись тоже. На тёмные полосы не наступай.

Я посмотрел в раскол. Там всё было тёмным.

— Как отличить полосу от тени?

— Пока не можешь — считай опасной. Я покажу, куда ставить ноги. Здесь бывают разрезы, у которых не видно края.

Он сказал это и посмотрел на моё плечо, словно решал, не велеть ли мне остаться снаружи. Я не стал ждать.

— Пойду за тобой. Если начну отставать, скажу.

Исследователю это решение подходило. Мне — тем более. Хранитель знал о защите больше, пусть первым и выясняет, что из записанного сохранилось. Я уже однажды позволил любопытству завести меня к двери, от которой следовало отойти. Теперь у меня были раненая рука, спрятанный меч и спутник, способный открыть путь. Терять хотя бы одно из этих преимуществ я не собирался.

Внутренняя поверхность раскола отражала свет не так, как наружная. Снаружи обсидиан блестел пятнами; здесь вдоль стены тянулась ровная тусклая полоса, в которой угадывались наши фигуры. Собственное лицо показалось мне непривычно узким. За день без бретонской личины я успел забыть о ней, но отражение снова заставило вспомнить, сколько людей в Хаммерфелле видели меня человеком.

Зель уже сделал несколько шагов в темноту. На белой кости его кинжалов ещё держался дневной свет. Мне хотелось обернуться к животным, проверить крепления, потратить ещё минуту на понятное дело. Вместо этого я приблизился к стене и поднял свободную руку, оставляя между пальцами и камнем достаточно воздуха.

— Здесь нет сколотого края, — сказал я. — Даже возле входа. Если ударом рассечь стекло, поверхность другой получается.

— Руку убери.

— Я не касаюсь. Просто пытаюсь понять: они сразу разделили всю толщу или проходили постепенно? В записи это было бы видно?

Вопрос звучал достаточно увлечённо. Я и сам хотел знать ответ, хотя причины интереса пришлось бы объяснять совсем иначе. Холод под рёбрами не усилился настолько, чтобы я мог уверенно связать его с местом. Но я помнил, как свободная Шеай разрезала плиту возле моей ладони. Здесь передо мной стоял результат несравнимо большего усилия — или того же усилия, которому позволили продолжаться.

Зель обернулся, явно собираясь велеть мне замолчать.

Из тёмной полосы у его ноги вышло остриё.

Я успел увидеть только чёрный блеск, направленный к моему животу. Белый кинжал ударил поперёк. Щелчок отдался в ушах, остриё изогнулось и пропало, а Хранитель уже выставил вторую руку, закрывая проход.

Я отступил, но не перенёс вес на заднюю ногу. Вспомнил предупреждение раньше, чем успел испугаться по-настоящему.

— Стой, — сказал Зель. — Теперь сюда. На светлое пятно.

Он дождался, пока я переставлю сапог, и опустил оружие. На кости не осталось заметной царапины. У меня же ладонь так сильно стиснула ремень сумки, что порез под повязкой снова заныл.

— Это из-за меня?

— Защита сработала на тебя. Я просил не приближаться к стенам.

— Ты просил убрать руку.

Он посмотрел мне в лицо. Я услышал собственную придирку и понял, насколько нелепо она прозвучала после того, что он только что сделал.

— Убрал, — добавил я уже тише. — Больше не буду.

Зель ещё немного подержал взгляд, затем повернулся к темноте.

— Вопросы потом. Сначала пройдём.

Я кивнул, хотя он уже не смотрел. Дыхание возвращалось неровно, и мне пришлось дождаться, пока из горла уйдёт желание кашлять. Хранитель выставил кинжал перед собой, проверяя следующую полосу пола. Я следил за его ногами, за тем, как он переносит вес, где задерживает лезвие, какой участок обходит, не пробуя. Всё это следовало запомнить.

Если возвращаться придётся одному, белых кинжалов впереди уже не будет.

За спиной ещё оставался узкий кусок солнечного песка. На нём были видны наши следы и тень верблюжьей головы. Я посмотрел последний раз, чтобы удержать в памяти дорогу до выхода, и поставил ногу туда, где только что стоял Зель.

Глава 14. Зал Эха

Свет за спиной ещё держался на стенах, когда я впервые услышал наши шаги впереди.

Зель остановился, и звук оборвался не сразу. Ещё дважды скрипнула подошва, звякнула пряжка; потом наступила тишина, в которой было слышно, как я втягиваю воздух через нос. Хранитель не обернулся. Он стоял, опустив один кинжал остриём к полу, и ждал, пока я сам подойду ближе.

— Здесь полость? — спросил я шёпотом.

Моё последнее слово вернулось справа. Тихое, с неясным окончанием, будто его повторил человек, который не расслышал вопроса.

— Зал Эха, — ответил Зель. — Название запомни. Проверять его не нужно.

В его голосе оставалось раздражение после иглы. Я понимал причину, но от этого не становилось легче идти за чужой спиной, не зная, что именно считать опасным. Ещё у входа он сказал не наступать на тёмные полосы. Теперь под ногами чернело почти всё, а светлая кость в его руках едва помогала различать путь.

— Мне всё равно придётся спрашивать, — сказал я. — Если остановлюсь не там, хуже будет нам обоим.

Он повернулся боком. В таком свете лицо почти исчезло под капюшоном; различались только глаза и узкие свет-

лые линии возле виска. На мгновение я снова увидел в нём незнакомца, рядом с которым опасался остановить верблюда. Завтрак, хлеб, поправленный ремень остались снаружи, слишком далеко для нескольких десятков шагов.

— Спрашивай о том, что нужно сейчас, — сказал он. — Остальное удержи до выхода. Я не могу одновременно следить за печатями и объяснять тебе устройство всего склепа.

— Хорошо. Мне нужен свет. Можно зажечь огонь?

— Не надо. Подожди немного.

Он развёл руки. По вырезанным на кости знакам прошла бледная полоса; я сначала решил, что сзади отразилось солнце. Потом стал виден край его рукава, пыль на пальцах, участок пола возле сапог. Свет не расходился далеко, зато перестал двигаться вместе с отражениями на стене. Вокруг нас появилось небольшое пространство, которое можно было рассмотреть.

— Так лучше?

Я кивнул, затем ответил вслух. Зель уже смотрел под ноги и не мог видеть кивка.

Участок, на котором мы стояли, не был ступенью, хотя издали казался ею. В чёрной поверхности проходила тонкая светлая жила, а перед ней лежала пыль, вытянутая ровным краем. За этой чертой пол уходил вниз, но определить наклон мешало отражение стены. Я попробовал смотреть на сапоги Хранителя. Там, где стоял он, поверхность хотя бы выдерживала человека.

Дальше он пошёл медленнее. Не ставил ногу, пока не проведёт перед собой остриём, иногда задерживался над местом, которое ничем не отличалось от соседнего. Я запоминал остановки, соотнося их с немногими признаками: белёсым пятном в камне, обломком у края прохода, трещиной, похожей на согнутый палец. Сначала это было нетрудно. Потом я заметил второе белёсое пятно и понял, что в темноте способен перепутать их.

— Ты оставляешь защиту открытой? — спросил я. — Или она закрывается сразу за нами?

Зель не ответил, пока не миновал узкую поперечную полосу. Там воздух возле его кинжала дрогнул, как над углями. Только жара я не почувствовал; наоборот, на лбу стало холодно, будто кто-то приложил мокрую ткань.

— Некоторые печати успокаиваются. Другие просто пропускают. Рассчитывать на обратную дорогу по памяти не советую.

— На что тогда рассчитывать?

— Что я вернусь с тобой.

Он сказал это без намерения утешить. Я промолчал. Надеяться, что он выживет, было разумно; строить на этом всё остальное — нет. На следующей остановке я всё-таки запомнил выступ, обойдённый им слева, и то, как далеко он отвёл от стены правую руку.

Снизу тянуло пылью. У неё был сухой, почти мучной запах; казалось, стоит кашлянуть, и она поднимется плотным

облаком. Но под подошвами ничего не взлетало. В узких углублениях лежал ровный серый налёт, а посреди прохода камень блестел так, словно его недавно протёрли. Ни мусора, ни обрывка ткани, ни старой кости. Я не мог понять, здесь всегда было настолько пусто или мы шли по месту, где ничто не задерживается.

Ответ хотелось получить немедленно. Пришлось придержать язык.

У первого поворота Зель попросил меня остановиться и поправил собственную сумку. Она мешала ему возле локтя; ремень пришлось провести поперёк груди, чтобы обе руки оставались свободными. Я воспользовался паузой и прижал пальцы к повязке на правой ладони. Ткань была сухой. Боль от сильного хвата уже прошла, оставив неприятное чувство стянутости.

За поворотом виднелась узкая площадка. Её дальний край казался поднятым выше ближнего. Я приготовился идти вверх и потому не сразу понял, почему у меня потянуло живот.

Зель ступил на площадку. Край его плаща отклонился к стене.

Не на ветру: ткань просто легла иначе. Сумка сдвинулась у бедра, кисти изменили положение, будто он стоял на крутом склоне. При этом сапоги оставались на той же поверхности, которая минуту назад выглядела ровной. Я замер с поднятой ногой, глядя на его пятку.

— Поставь, — сказал он. — Здесь можно. Только не пытайся сразу выпрямиться.

Подошва коснулась камня. В правом колене возникло усилие, которого я не ожидал, и тело подалось вбок. Мне захотелось схватиться за стену. Рука уже двинулась, прежде чем я успел вспомнить про иглу.

Зель подставил предплечье.

— За рукав. Выше кисти.

Я вцепился в ткань. Хранитель держал локоть близко к телу; костяное лезвие было направлено от меня. Он не тянул, только дал опору, пока я переносил вес. От собственного дыхания стало слишком шумно. Во рту появилась слюна, и я несколько раз сглотнул, боясь, что меня вывернет прямо здесь.

— Смотри на мои ноги, — сказал Зель. — Не на стены.

Это помогло лишь отчасти. Я видел две пары сапог, видел, что мы стоим рядом, но краем глаза замечал прежний пол справа. Он уходил от нас отвесной чёрной полосой. Я не падал на него. Сумка висела вдоль моего бедра, фляга давила туда, где обычно находился бок, а разум упрямо требовал повернуться и поставить ноги на поверхность, которая совсем недавно была внизу.

— Мы идём по стене?

— Да. Здесь тянет к ней. Не сопротивляйся всем телом, только устанешь.

Я заставил себя отпустить его рукав. Пальцы оставили на

ткани складку. Отступать теперь казалось труднее, чем двигаться за ним: пришлось бы пройти тот же участок в обратную сторону, снова позволяя тяжести перевернуть представление о собственном теле.

— Это сделали нарочно? — спросил я. — Чтобы не могли пройти?

— Возможно. Или это действие того, что внизу. Сейчас разницы для нас нет.

— Для тех, кто строил, была.

Зель посмотрел на меня с короткой досадой, но не стал спорить.

— Если найдёшь их объяснение, прочтёшь мне потом. Сначала дойди.

Я попробовал сделать ещё шаг. Сапог не скользнул. Следующий дался легче, хотя смотреть направо по-прежнему было невозможно. Там отражался слабый свет кинжалов; казалось, рядом идёт ещё одна пара людей, положенных на бок. Я держал взгляд на спине Хранителя и думал о верблюде, оставленном наверху. Никогда прежде обычная неловкость в седле не казалась мне настолько терпимой.

В новом положении проход выглядел иначе. По поверхности, служившей нам теперь полом, тянулись неглубокие борозды. Они шли поперёк движения и местами стирались, будто по ним много ходили. Я не решился принять это за доказательство. Здесь вполне мог оказаться рисунок, а потёртость — всего лишь свет. Но от возможности, что кто-то уже

ставил ноги именно сюда, стало немного спокойнее.

Зель тоже заметил борозды. Перед одной он задержал оба кинжала, развёл их и провёл правым вдоль края. Между лезвиями возник тонкий бледный отсвет. Я почувствовал давление на уши, как при слишком быстром спуске с высоты, и непроизвольно открыл рот.

— Теперь, — сказал Хранитель.

Я переступил черту. Ничего не ударило, не потянулось следом. Зель прошёл за мной и снова занял место впереди. Он дышал через рот; над верхней губой выступили мелкие капли пота, хотя воздух оставался холодным.

Мне захотелось спросить, много ли осталось таких мест. Вопрос не дал бы ничего, кроме ещё одного обещания, в котором мы оба сомневались. Вместо этого я подтянул сумку повыше, чтобы она не мешала шагать, и подождал, пока он начнёт движение.

Остановиться удалось там, где проход расширялся возле низкого выступа. Зель проверил место и сел первым. В этой части склепа уже нельзя было понять, вернулись ли мы к прежнему направлению тяжести: стены сходились под такими углами, что глазу не за что было зацепиться. Я сел рядом, оставляя между нами пространство для оружия, и обнаружил, что спина под рубахой мокрая.

Хранитель положил кинжалы на колени. Свет на них стал тусклее. В нём были видны пыль на носках сапог, вытертый шов его сумки и влажный след, оставшийся на камне под

моей ладонью. Из глубины доносился гул. Он возникал не ровно: один низкий звук держался, пока я не начинал к нему привыкать, потом внутри появлялась дрожь, от которой хотелось стиснуть зубы.

Я достал флягу и предложил Зелю.

— У меня есть, — сказал он.

— Знаю. Но моя уже в руке.

Он принял её. Сделал два небольших глотка, вытер горлышко краем рукава и вернул. Я выпил следом. Вода нагрелась наверху и теперь казалась удивительно тёплой. От неё стало легче дышать; только тогда я заметил, как долго старался делать каждый вдох неслышным.

— Кость не ломается от таких ударов? — спросил я, кивнув на его колени.

Зель провёл пальцем по рукояти.

— Ломается. Поэтому я стараюсь не ставить её под удар без нужды.

— У входа ты поставил.

— У входа было нужно.

Мне нечего было ответить. Он спас меня, и до сих пор я успел только поспорить, о чём именно меня предупреждали. Сказать «спасибо» теперь было труднее, чем сразу после случившегося: пауза делала простое слово слишком заметным.

— Я видел. Спасибо.

Зель поднял глаза, потом кивнул. Он не стал ни отмахиваться, ни превращать благодарность в повод снова упрек-

нуть меня. Просто положил большой палец вдоль белой рукояти, выбирая удобный хват, и от этого напряжение немного отпустило.

— Знаки направляют силу? — спросил я. — Или сама кость для чего-то нужна?

— Это работа целиком. Материал, резьба, то, что в неё вложили. По одному признаку не поймёшь.

Он повернул ближайший кинжал так, чтобы я видел узор. Несколько коротких линий сходились у основания лезвия и пропадали под его пальцами. Рассмотреть весь рисунок он не предложил.

— Ты привык искать устройство, — продолжил Зель. — Это полезно. Только здесь сначала посмотри, что вещь делает. Когда она уже действует, выяснять её происхождение поздно.

— Ты всё время говоришь со мной так, будто я сейчас что-нибудь трону.

— Потому что у входа ты почти это сделал.

Я хотел возразить и вдруг заметил, что он едва сдерживает улыбку. Не насмешливую, не дружескую даже — усталую реакцию на спор, который ему явно был знаком. Возможно, так он разговаривал с Маликом. Возможно, со всеми, кого приходилось вести туда, где нельзя исправить ошибку выговором.

Мне следовало обрадоваться. Чем привычнее я ему казался, тем меньше он искал за вопросами другую работу. Но те-

перь, когда он сидел рядом и делился водой, пользоваться этим стало чуть неприятнее. Я не собирался из-за этого отказываться от преимущества. Просто прежде не ожидал, что оно потребует усилия.

— Больше не буду, — сказал я. — Сначала спрошу.

— Вот это устроит.

Гул изменился. Дрожь внутри него стала отчётливее, и Зель сразу перестал улыбаться. Он поднял голову, прислушиваясь, затем взял кинжалы. Я убрал флягу прежде, чем он попросил вставать.

Приходилось признать, что сидеть дальше мне и самому не хотелось. Пока мы двигались, опасность занимала определённое место: черта у сапога, поворот, участок возле стены. На остановке я начинал слушать то, что было во мне. Холод под рёбрами ощущался яснее, чем на дороге, но я не знал, отозвался ли меч на Наковальню или я просто перестал отвлекаться.

Зель заметил, как я придержал бок.

— Метка?

— Пока терпимо.

Он посмотрел внимательно, и мне пришлось выдержать взгляд. Сказать, что всё прошло, было бы нелепо. Просить помощи — ещё хуже. Я выбрал достаточно правды, чтобы не понадобилось её изображать: ладонь действительно болела, плечо ныло, внутри стоял холод, о причине которого он ошибался.

— Если станет хуже, говори сразу, — сказал он.

Я обещал. Это обещание далось легче благодарности.

У следующего изгиба впереди появился свет, не похожий на сияние кинжалов. Сначала он обозначил один край стены, потом прошёл по полу, захватив узкий выступ. Камень в нём казался серым. Я увидел собственную тень и на мгновение остановился: после множества отражений одна обычная тень выглядела почти неправдоподобно.

Зель поднял ладонь, не выпуская оружия. Я приблизился настолько, чтобы слышать дыхание, и замер за его плечом.

Теперь гул различался лучше. Он шёл из большого пространства, которого ещё не было видно, и под ним держался второй звук — человеческий голос. Я не сразу признал его пением. Слишком низко, слишком ровно, без тех пауз, в которых певец обычно добирает воздух. Иногда звук словно спотыкался, затем снова выравнивался. От этого становилось хуже, чем от непрерывного гула: внутри всего происходящего оставался живой человек, который старался и мог ошибиться.

Хранитель повернул голову. На этот раз слова прозвучали прямо у меня в сознании.

«Дальше не говори вслух».

Я кивнул. После Нэры такое обращение всё ещё заставляло напрягаться, но боли не было. Чужой голос не толкал, не перебивал мои мысли; просто становился слышен без помощи воздуха. Я не мог ответить ему тем же и показал, что по-

нял, коротким движением руки.

Проход открылся на широкий уступ. Зель вышел первым, остановился у каменного выступа и пропустил меня к месту, откуда можно было смотреть, не показываясь целиком. Я опустился возле него на корточки. Левое плечо потянуло; пришлось повернуть корпус, чтобы сумка не давила на рану.

Внизу не было пола, который я мог бы разглядеть.

Края полости уходили далеко в стороны. Свет выхватывал гладкие участки, пропадал в трещинах, возвращался на выступах, расстояние до которых было трудно определить. От уступа вниз тянулся каменный спуск; дальше он примыкал к площадке, выдававшейся над темнотой. Над её краем висела сфера.

Я долго смотрел, прежде чем понял, что её поверхность движется. Отдельные светлые точки оставались на месте, а между ними медленно менялось сияние, словно сквозь толщу мутного стекла проходили облака. В центре свет был настолько плотным, что начинали слезиться глаза. Стоило отвести взгляд, на соседнем камне появлялось круглое тёмное пятно.

Четыре светящиеся связи удерживали сферу с разных сторон. Цепями их можно было назвать лишь потому, что ничего более подходящего не приходило в голову. Ни колец, ни металла: углы, короткие прямые, замкнутые фигуры, сцепленные между собой. Одни участки светились неподвижно, на других линии перестраивались так быстро, что я не успе-

вал удержать рисунок. Воздух вокруг дрожал, и прямой край площадки казался то вогнутым, то выпуклым.

Наковальня.

Вчера Зель объяснял её как опору, позволяющую распространить действие Песни далеко за пределы клинка. Тогда я представил тяжёлый предмет, вкопанный в землю, что-то, на что можно перенести усилие. Здесь не было даже видимой опоры под самой сферой. Я попытался совместить объяснение с тем, что видел, и почувствовал себя человеком, которому рассказали устройство мельницы, а потом подвели к реке, текущей вверх.

У края площадки стоял Малик.

Он оказался худее, чем я почему-то ожидал. Плащ висел свободно, открывая голени и босые ступни. Возле одной ноги поднималась тонкая струйка дыма. Когда он переступил, на чёрной поверхности осталось светящееся пятно, которое медленно темнело. Такие же отпечатки мы видели наверху в песке.

Его руки были разведены. На коже проступали светлые трещины, похожие на линии у висков Зеля, но здесь они тянулись дальше: по шее, к открытой груди, к запястьям. Голова была чуть запрокинута, рот двигался. Из него выходили тонкие чёрные нити.

Мне пришлось моргнуть несколько раз. Нити оставались. Они тянулись вверх, расходились, касались светящихся связей вокруг сферы. В местах соприкосновения сияние ста-

новилось неровным. Один угол расплылся, восстановился и снова дрогнул под новым звуком.

Это происходило без спешки. Малик не метался, не поднимал руки в торжественном жесте. Он работал, удерживая положение тела, как человек, которому нельзя позволить тяжести соскользнуть. Я видел, как напряжены сухожилия на шее, как временами подрагивает одна кисть. От этого рассказ о намерении отрезать целую страну переставал быть разговором у костра. Кто-то уже делал необходимое, движение за движением.

«Он пытается разорвать крепления».

Голос Зеля прозвучал так близко, что я невольно повернулся к нему. Хранитель смотрел только на ученика. На костяных лезвиях свет усилился, побелели пальцы, сжимавшие рукояти.

«Если оборвёт последнюю связь, действие уйдёт дальше зала. Насколько далеко — не стану проверять. Мне нужно перехватить Песнь».

Я показал на него, затем на спуск: идти следом?

Он покачал головой.

«Оставайся здесь. Пока я буду держать его, мне трудно будет защищаться от удара. Если начнётся что-то, чего не понимаешь, не подходи».

Он собирался спорить с Маликом самой магией. Я знал достаточно, чтобы понять опасность сосредоточения: когда удерживаешь сложное заклинание, собственная рука может

оказаться медленнее чужого ножа. Но я не видел, как здесь различить нападение и защиту. Чёрные нити всё ещё касались сияния, гул продолжался, а босой человек внизу пока даже не смотрел в нашу сторону.

Зель положил ладонь мне на предплечье. Коротко, без нажима. Я решил, что он хочет проверить, понял ли я, и кивнул. Хранитель убрал руку и поднялся.

Мне захотелось остановить его, спросить ещё что-нибудь, заставить провести рядом несколько мгновений, пока я осмотрю путь. Но это было бы то же самое, что потребовать подождать у открытого огня, потому что я ещё не придумал, куда бежать. Я отполз к широкой опоре, выступавшей из стены, и освободил правую руку от ремня сумки.

С этой стороны было видно больше площадки. Спуск не обрывался; он уходил вдоль края, позволяя добраться до уровня Малика. Между ним и местом, куда выходил Зель, оставалось несколько шагов. Оттуда никто не мог быстро достать меня рукой. Заклинанием — другое дело. Я прижал левый локоть к боку и проверил, не зацепилась ли манжета за скрытый клинок.

Лезвие Шеай оставалось внутри. О нём хотелось думать как о последнем средстве, но я уже видел, чем заканчивается попытка воспользоваться силой, которую не понимаешь. Здесь находилась вещь, способная унести действие далеко за пределы зала. Доставать возле неё меч только потому, что стало страшно, я не собирался.

Зель вышел из-за выступа.

Пение Малика изменилось. Один звук оборвался раньше остальных, нити провисли и снова натянулись. Он повернул голову, не опуская рук. Теперь мне были видны глаза — совершенно чёрные, без отражения света, бившего сверху.

Я ожидал, что Хранитель окликнет его, потребует остановиться. Зель молчал. По белой кости пробежало холодное пламя.

Малик смотрел на него, и я впервые заметил сходство, которого не было ни в лице, ни в одежде: оба держали голову чуть набок, прислушиваясь прежде, чем что-то сделать. Так мог стоять учитель, поправляющий чужой звук. Так мог стоять ученик, уверенный, что поправка больше не нужна.

— Учитель, — произнёс Малик.

Одного слова хватило, чтобы я понял: он ждал Зеля. Возможно, не сегодня, не здесь, не в эту минуту. Но к самому появлению был готов.

Хранитель сделал ещё шаг. Я остался за опорой и постарался дышать тише.

Глава 15. Возражение

Зель остановился у начала спуска, и я увидел, как он переменил хват правого кинжала. До этого рукоять лежала свободно, позволяя поворачивать лезвие одним движением пальцев. Теперь пальцы сомкнулись плотно. Он всё ещё смотрел на Малика, но уже не так, как смотрят на человека, с которым можно начать разговор заново.

— Опусти руки, — сказал он.

Голос не был громким. В большом зале каждое слово оставалось различимым, хотя гул Наковальни никуда не исчез. Свет от сферы лежал на плечах Хранителя; из моего укрытия было видно, как на ткани блестят мелкие крупинки пыли. Я чувствовал под коленом холодный камень, возле лица — слабое движение воздуха. От площадки внизу тянуло жжёной кожей. Только теперь я понял, что этот запах шёл от босых ступней Малика.

— Ты сначала посмотри, — ответил тот. — Ты ещё даже не посмотрел.

Руки он не опустил. Между словами его губы продолжали двигаться; низкий звук то слабел, то возвращался, а чёрные нити дрожали возле груди. Часть их оставалась натянутой, даже когда он говорил. Видимо, обряд уже не требовал непрерывного пения — или я просто не слышал всего, что происходило.

— Я вижу, что ты делаешь. Прекрати, пока крепления держат.

— Они для того и держат. Ты учил меня сначала создавать опору. Теперь она есть. Посмотри на верхнюю связь.

Он чуть повернул кисть. Одна из светящихся цепей отозвалась: геометрические фигуры вдоль неё вытянулись, между двумя углами возник тёмный промежуток. По залу прошёл звук, от которого я почувствовал собственные зубы. Зель подался вперёд, но остался на месте.

— Не трогай её.

— Боишься, что у меня получится?

— Боюсь, что ты уже не сможешь остановить то, что начал.

На лице Малика появилось выражение, знакомое мне лучше его магии. Так смотрят на человека, который снова, почти теми же словами, повторяет старое возражение. Он ждал от учителя другого ответа и сердился на то, что всё идёт по-прежнему. В этом раздражении было больше жизни, чем в его чёрных глазах и дымящихся следах.

Я осторожно переместил колено. Край опоры закрывал меня от площадки, но мешал видеть нижнюю часть нитей. Пришлось наклониться, стараясь не задеть сумкой камень. Зель мог заметить движение боковым зрением. Малик смотрел на него.

— Ты привёл с собой имперскую крысу, — сказал он. — Думаешь, я не слышал второго голоса? Она умрёт первой.

У меня стянуло живот. Он не повернулся к укрытию, не указал рукой, и я удержался от желания немедленно отодвинуться глубже. Возможно, голос действительно дошёл из прохода. Возможно, он проверял догадку. Ни то ни другое не означало, что он знает, где я стою и что умею.

— Ты не его остановить пришёл, — сказал Зель. — Смотри на меня.

Малик усмехнулся. На нижней губе у него темнела сухая трещина.

— Теперь и это мне укажешь?

— Если придётся.

Я почти ожидал удара. Вместо него ученик снова запел — негромко, сквозь стиснутые зубы. Нити поднялись выше. На груди, там, где расходился ворот плаща, что-то блеснуло и сразу потемнело. Я задержал взгляд.

Чёрный амулет. Неровный круг, загнутый внутрь, с разрывом сбоку.

Такую спираль конюх описывал на монетах. Тогда я услышал рассказ и принял его за след, по которому можно найти человека. Теперь тот же знак висел на груди другого, и к нему сходилось то, что я сперва счёл отдельными нитями от рта. Они проходили перед горлом, собирались возле амулета, а уже от него тянулись к Наковальне. Некоторые были настолько тонкими, что пропадали в сиянии сферы.

Я посмотрел на руки Малика. Одна кисть дрожала; нити от этого не меняли направления. Он вдохнул — ближайшая

к лицу линия ослабла, но узел на груди удержал остальные. Значит, дело было не только в голосе.

Зель тоже смотрел на амулет. Однако говорить об этом не стал.

— Малик, убери хотя бы правую руку. Дай креплению вернуться. Остальное разберём после.

— Чтобы ты успел встать на моё место?

— Чтобы здесь ещё было место, на котором можно стоять.

Хранитель сделал шаг вниз. Я увидел, как Малик напряг плечи, и понял, что дальше Зелю пока идти нельзя. Между ними оставалось достаточно камня для разговора, но уже не для случайного движения. Ученик следил за кинжалами. Учитель — за его кистями и верхней связью.

— Ты мог прийти раньше, — произнёс Малик. — Когда я ещё просил тебя проверить запись.

— Я проверял.

— Ты искал, почему нельзя.

Зель опустил подбородок. На мгновение мне показалось, что он отвернётся, как вчера у костра, когда разговор зашёл о разрыве с учеником. Но здесь отвернуться было некуда.

— Да, — сказал он. — Потому что ты собирался решать за всех. Я искал причину, которую ты согласишься услышать. Того, что люди могут погибнуть, тебе уже было мало.

Малик ответил не сразу. Низкий звук продолжался, хотя губы его замерли. У груди снова блеснул чёрный край амулета.

— Они и так погибали.

— Знаю.

— Нет. Ты знаешь, как это объяснять.

Малик потянул воздух через рот. По нижней светящейся связи прошла рябь, и он отвёл кисть, выравнивая нить. Даже сейчас ему приходилось продолжать работу; гнев мешал, и он, кажется, сердился ещё и на это.

— Мы останемся здесь, — продолжил он. — Ты заберёшь записи, спрячешь их так, чтобы никто не нашёл. Потом снова придут с кораблей. С оружием, с договором — какая разница? Ты ведь не собираешься остановить их у берега.

— Сегодня у меня перед глазами ты. И твоя рука на креплении.

— Вот именно. Со мной ты можешь говорить. Поэтому пришёл ко мне.

Зель выпрямился. Я видел, как натянулась ткань между лопатками. Ученик знал, чем задеть его, и пользовался этим без стеснения. Но для меня в словах Малика было другое: он говорил о людях, которых собирался спасти, так, будто уже имел право распорядиться их будущим. Возможно, с этого удобнее всего и было начинать такую работу.

— Ты спрашивал кого-нибудь, хочет ли он уйти вместе с тобой? — произнёс Хранитель. — Человека с домом, с семьёй. Не меня.

— Их спросили, когда пришла война?

— Я спрашиваю о тебе.

— Если останемся, всё повторится.

Последнее Малик сказал почти просительно. На мгновение голос стал моложе; мне показалось, что сейчас он снова потребует проверить расчёт, только уже без злости, как ученик, которому очень нужен ответ. Зель тоже услышал перемену. Чуть опустил правую руку — и тут же поднял, когда верхнее крепление дрогнуло.

— Может повториться, — сказал он. — Это не делает твою работу безопасной.

— Безопасной. — Малик повторил слово, будто попробовал его на вкус. — Ты до сих пор думаешь, что я ищу безопасный способ.

Мне не было видно лица Хранителя. Он стоял ко мне спиной, и только по неподвижности плеч я понял, насколько точно ученик попал. Зель не стал говорить о собственных потерях, не начал доказывать, что имеет право возражать. Подождал и снова поднял правый кинжал.

— Сейчас речь о тех, кто ещё жив. Прекрати.

Малик отвернулся к сфере.

Я мог остаться за опорой. Зель именно этого и хотел: не лезть, не мешать, дать ему сделать то, ради чего он приехал. Простой приказ, вполне подходящий моей нынешней роли. Я не был его учеником, не давал обещания сражаться за Хаммерфелл и даже не знал, можно ли ударить по амулету, не разрушив вместе с ним всё вокруг.

Но если Хранитель ошибётся, уходить мне придётся по

проходу, где стены становятся полом, а защиты нельзя обойти по памяти. Снаружи останутся верблюд, вода и полдня дороги до того места, где снова можно будет выбирать направление. Всё это существовало только при условии, что склеп не начнёт меняться быстрее, чем я смогу бежать.

Сфера дрогнула. Её свет на мгновение стал тусклее, и в этой перемене я отчётливо увидел чёрные нити.

Они не тянулись к четырём креплениям одновременно. Сначала темнела ближайшая связь, потом верхняя, затем та, что уходила в глубину за сферой. На третьем повторе амулет словно проваливался внутрь собственной тени. По груди Малика проходило короткое свечение. Он сжимал пальцы и начинал снова.

Я дождался следующего круга. Порядок повторился.

Объяснить весь обряд я бы не смог. У меня не было ни записи перед глазами, ни знаний Зеля, ни желания проверять догадки на собственной коже. Но я видел, где удерживается сила. В обычном заклинании такую работу мог выполнять зачарованный предмет: принимать напряжение, которое трудно держать одному магу, и задавать ему направление. Разбей его в неподходящий момент — и действие вернётся к тому, кто ещё продолжает питать чары. В учебной комнате после этого гасили огонь и перевязывали пальцы. Здесь размер ошибки был другим.

Нужно было заставить Малика отвлечься именно тогда, когда амулет удержит больше всего.

Из-за опоры я видел цель наискось. Если ударить отсюда, край камня заставит отвести руку вправо, а Зель окажется слишком близко к направлению заклинания. Можно было переждать, пока он спустится, но тогда Малик повернётся вслед за ним и прикроет амулет плечом. Хорошего места, где меня никто не увидит, не было. Придётся выйти.

Я посмотрел на участок возле края. Там хватало места поставить обе ноги; низкий выступ не мешал руке. Оттуда Малик увидит меня целиком. Важно было, чтобы первым он услышал голос. Если раньше заметит заклинание, всё кончится обычной попыткой напасть на человека, который уже держит больше силы, чем я способен собрать.

Больное плечо пришлось прижать к боку. Я не собирался делать широкий жест, но и бесформенно стоять, как застигнутый врасплох путник, было нельзя. Тело тоже должно было убедить его: я вышел, потому что знаю, о чём говорю.

Я осторожно разжал правую руку. Пальцы двигались. Порез под повязкой потянуло, но это не мешало собрать силу. После таверны я боялся привычного тепла между ладонью и воздухом; стоило вспомнить белый свет, и хотелось остановиться прежде, чем заклинание примет форму. Тогда я собирался только отбросить троих. Теперь за спиной не было ни люка, ни женщины, которая укажет выход.

Я задержал дыхание и направил силу в два пальца, не выпуская её наружу. Без широкого жеста. Без попытки захватить пространство перед собой. Мне требовалось попасть в

предмет размером меньше ладони.

На площадке Малик снова начал круг.

Зель поднял оба кинжала к груди. На белых лезвиях шевельнулся огонь. Он набрал воздух, и я понял: ещё немного — и разговор закончится. Потом мне придётся угадывать, что именно удерживает Хранитель и не повредит ли ему мой удар.

В памяти неожиданно возник стол в Коллегии Шепчущих. Я сидел за ним достаточно раз, чтобы помнить не учёные споры, а то, как люди сердятся на неверно употреблённое слово. Можно было оскорбить происхождение мага и получить холодный взгляд. Стоило неверно назвать его работу — он забывал всё, лишь бы поправить. Здесь передо мной стоял человек, который только что потребовал от учителя посмотреть на результат. Он хотел, чтобы его поняли. Ещё сильнее он, кажется, хотел, чтобы признали: он сумел.

Я почувствовал, что начинаю улыбаться.

Это будет забавно.

От мысли стало легче встать. Не безопаснее — просто легче. Я перестал ждать, когда Зель решит всё за меня, и вышел из-за опоры.

— Простите, коллега, но здесь придётся остановиться.

Я придал голосу силу, достаточную, чтобы он прошёл через гул, и почти сам не узнал собственного спокойствия. Не крик человека, который пытается спастись. Так прерывают доклад, когда докладчик уже наговорил слишком много, а

вежливость больше не позволяет делать вид, что всё в порядке.

Зель резко повернул голову.

Малик посмотрел на меня поверх его плеча. Взгляд скользнул по повязке, по лицу, по свободной правой руке. Я не дал ему времени решить, что со мной делать.

— У вас обратный ход в третьем повторе. Вы уже дважды приняли его на грудной фокус. В следующий раз посмотрите на амулет, а не на верхнюю связь.

Я говорил увереннее, чем позволяли мои знания. Но не наугад. На груди действительно сходилась сила, и каждый третий повтор оставлял на коже светлую дрожь. Мне требовалось назвать видимое так, чтобы он услышал ошибку в собственной работе.

— Молчи, — сказал Малик.

— Это не ответ. Вы собираетесь разорвать крепление, через которое сейчас отводите напряжение. Куда оно пойдёт после разрыва?

Он чуть опустил правую кисть, и одна из нитей провисла. Я сделал ещё шаг к краю уступа. Теперь между моей рукой и его грудью не было ни каменной опоры, ни плеча Хранителя.

— Я спросил, куда. Через вас? Тогда зачем Наковальня, если вы всё равно ставите собственное тело на место опоры?

Малик открыл рот. На этот раз, кажется, чтобы ответить. В его лице было уже не только раздражение на чужое вмешательство. Он посмотрел вниз, всего на мгновение, и этого

хватило: я увидел, что он проверяет амулет.

Третий повтор ещё не закончился.

Я поднял руку.

Сила прошла через пальцы так ровно, что боль в ладони на мгновение исчезла. Тонкая белая черта соединила меня с чёрной спиралью. Я видел точку попадания — не грудь, не ворот, именно разрыв между двумя краями знака. Луч не расплылся. Амулет дёрнулся на шнуре и раскрылся изнутри.

Ни одного лишнего движения. Ни одного мига, когда пришлось бы поправлять направление.

Малик всё ещё смотрел вниз.

Сначала стало темно вокруг его груди.

Не во всём зале: сфера продолжала светить, на кинжалах Зеля держалось белое пламя. Но возле разбитого амулета исчезли ворот, кожа, пальцы, которые Малик потянул к себе. Чёрное пятно расширилось, и нити, связывавшие его с Наковальней, выпрямились разом.

Я оборвал заклинание.

Звук пришёл следом. Высокий треск ударил по ушам, словно где-то совсем рядом лопнула большая стеклянная пластина. Я присел, закрывая голову предплечьем. Под ногами дёрнулся камень. Не так, как при обвале: поверхность будто на мгновение перестала принимать мой вес, а потом вернула его слишком резко. Пятка ударила в пол, колено согнулось. Я удержался за край опоры правой рукой и почувствовал, как повязка скользнула по гладкой породе.

Нити рвались одна за другой. При каждом разрыве темнота возле Малика вздрагивала, а светящиеся связи сферы, наоборот, становились отчётливее. Последняя чёрная линия натянулась до такой тонкости, что я потерял её из виду раньше, чем услышал щелчок.

Малика отбросило назад.

Он ударился спиной о площадку, проехал по ней, задирая плащ, и остановился возле низкого выступа. Руки остались прижаты к груди, будто он всё ещё пытался удержать то, чего там больше не было. Рот раскрылся. Я видел напряжённую шею, выгнувшееся тело, но крика не услышал: Наковальня заглушила всё одним тяжёлым звуком.

Сфера повернулась.

До этого движение света внутри неё мешало понять, вращается ли она сама. Теперь сомнения не осталось. Светлые точки пошли в сторону, за ними протянулась багровая полоса. Белое сияние гасло от краёв к середине, уступая тёмному красному свету. На стенах проступили детали, которых прежде не было видно: острые изломы, тонкая россыпь у основания опоры, ступенчатый край спуска. Воздух над площадкой перестал дрожать. Прямая линия снова стала прямой.

Сумка ударила меня по бедру и повисла неподвижно.

Я стоял, вцепившись в камень, и ждал, что сейчас начнётся следующее. Обрушится уступ, сорвётся одна из светящихся связей, из сферы выйдет то, о чём Зель не успел расска-

зать. Но четыре крепления оставались на месте. Они светились ровнее, чем прежде. Пыль, поднятая падением Малика, опускалась вниз — просто вниз, к площадке.

Хранитель медленно опустил руки.

Он смотрел на Наковальню. Потом на ученика. Потом повернулся ко мне, и я увидел его лицо целиком. Рот был приоткрыт; белые глаза казались ещё светлее в багровом сиянии. Я не мог понять, чего в этом взгляде больше, и впервые с начала своего выступления почувствовал, насколько сильно у меня стучит сердце.

— Ты… — начал Зель и замолчал.

Я разжал пальцы. На камне остался влажный след. Правую ладонь саднило, но руку не трясло. Это пришло позже, когда я опустил её и перестал ждать, что придётся немедленно бить снова.

— Амулет, — сказал я. — Через него всё проходило.

Зель посмотрел туда, где лежал Малик. Чёрные нити исчезли. Подняться на ноги тому пока не удавалось; он перекатился на бок и упёрся локтем в камень. Из-под воротника поднимался дым.

— Ты остановил Отсечение, — произнёс Хранитель. — Я видел, куда ты попал. Но зачем ты начал с ним спорить?

Вопрос прозвучал так искренне, что мне захотелось рассмеяться. Я удержался, хотя губы уже растянулись. В зале пахло горелой тканью и чем-то едким, от чего слезились глаза. Под ногами лежал обычный камень. Ни страны, уходящей

в иной мир, ни оборванных последних креплений. Я сделал то, что собирался, и впервые после Сентинела результат оказался точнее самого намерения.

— Он смотрел на тебя, — ответил я. — Мне нужно было, чтобы посмотрел на свою работу.

— И ты решил прочесть ему замечания?

— Он бы не стал слушать просьбу.

Зель выдохнул. На мгновение в его лице проступило нечто похожее на смех, но он сразу отвернулся. Кинжалы по-прежнему были у него в руках. Хорошо, что хотя бы один из нас помнил об этом.

Я уже позволил себе почувствовать победу.

Малик поднялся на колено.

Плащ висел на нём полосами. Там, где недавно находилась спираль, кожа потемнела и растрескалась; из трещин сочилось чёрное, густое, с тонкими струйками дыма. Такая же жидкость текла из-под уха и оставляла след на шее. Я не знал, кровь ли это. Смотреть на его грудь было неприятно даже после того, что видел в таверне.

Он нашёл ладонью выступ, подтянул тело и встал не сразу. Первая попытка закончилась тем, что нога подломилась. Зель двинулся к нему, но Малик вскинул голову, и Хранитель остановился, выставив кинжалы.

— Хватит, — сказал Зель. — Всё. Убери руку от груди. Дай посмотреть.

Ответа не было. Малик смотрел на меня.

Теперь он точно знал, где я стою. Знал лицо, голос и то, какой рукой я ударил. Прятаться обратно за опору было поздно; кроме того, я не хотел показывать, что его взгляд заставил меня отступить. Это было глупое желание, и я узнал его сразу. Однако от края не отошёл.

Хранитель сделал ещё шаг.

— Малик. Ты слышишь меня?

Тот выплюнул что-то чёрное на камень. На месте плевка поднялся тонкий дымок.

— Слышу.

Голос оказался низким и сиплым. В нём больше не было ни пения, ни того напряжения, с которым он объяснял учителю свою правоту. Осталась злость, достаточно простая, чтобы её можно было понять без знания древних записей.

Я ждал, что он скажет обо мне. Об Империи. О том, чего я якобы не понял, прежде чем вмешаться. Но он только отнял руку от выступа, проверяя, держат ли ноги, и разжал правую кисть.

Воздух над ладонью потемнел.

Я перестал улыбаться не сразу. Сначала заметил движение, потом услышал тонкий звон, почти терявшийся в затихающем гуле сферы. Чёрная полоса вытянулась вверх. По её краю исчезали багровые отражения; там, где должно было быть лезвие, я видел узкую пустоту, скрывавшую всё за собой.

Шеай внутри меня оставалась холодной. Я не знал, име-

ет ли это оружие отношение к мечам ансеев, и не собирался выяснять по сходству названий. Достаточно было того, как Малик держал руку и куда смотрел. Никакой защиты между нами у меня не было, кроме расстояния, камня и Зеля, которого он сейчас почти не замечал.

Я опустил правую руку, оставляя пальцы свободными. Проверил ногой край уступа, не глядя вниз. Слева оставался спуск, справа — опора, за спиной путь к проходу. Плечо ныло; нельзя было рассчитывать, что левая рука выдержит резкий упор.

Малик поднял клинок. Ноги уже держали его увереннее.

Я поймал взгляд Хранителя и коротко посмотрел на ученика, затем обратно. Зель понял или, по крайней мере, снова поднял оба кинжала. Мне хотелось сказать ему, чтобы на этот раз не медлил. Вместо этого я повернулся к Малику.

Роль учёного всё ещё работала. Судя по его лицу, теперь — лучше прежнего.

Я набрал воздух для следующего замечания.

Глава 16. Не двигайся

— С записью не получилось, — сказал я. — Теперь попробуешь просто зарубить того, кто заметил ошибку?

Малик двинулся раньше, чем я закончил. Босая ступня скользнула по камню, оставив тёмный след; правая рука с клинком оставалась возле бедра. Он не поднял оружие над головой, не ответил на насмешку. Просто пошёл ко мне, и от этой сдержанности стало неприятнее, чем от прежнего пения.

Зель стоял сбоку от спуска. Он шагнул навстречу ученику, но Малик повернул лезвие поперёк пути. Между ними протянулась узкая чёрная полоса. Хранитель отступил, подняв кинжалы, а я понял, что за опорой оставаться нельзя: там было достаточно места спрятаться, но почти не было места для уклонения.

Пришлось спуститься ему навстречу.

Подошвы нашли пологие выемки в камне. Я смотрел на них только краем глаза, удерживая Малика перед собой. Внизу спуск расширялся, переходя в площадку; слева оставался выступ стены, справа — открытый край, за которым висел багровый свет Наковальни. Я выбрал сторону стены. До неё было несколько шагов, достаточно, чтобы не оказаться прижатым сразу.

— Тарасиэль, назад! — крикнул Зель.

Я показал ему свободную правую ладонь. Увидел ли он жест, не знал. Объяснять, что мне нужен простор, было некогда: Малик уже поворачивал плечо, выводя оружие из-за бедра.

Первый удар шёл поперёк груди.

Я отставил ногу и откинулся. По вороту прошёл холод; чёрный край скользнул так близко, что я перестал видеть лицо противника на другой стороне. Воздух возле лезвия не свистел. Вместо этого на мгновение пропал гул сферы, словно мне зажали уши, и сразу вернулся.

Малик протянул руку дальше, пытаясь достать меня концом клинка. От этого открылся его левый бок. Я мог ударить туда, если бы хотел сблизиться и был уверен, что сталь остановит человека, который только что пережил собственный магический откат. Уверенности не было. Я отступил ещё на полшага и дал ему закончить движение.

— Ногами за рукой не успеваешь, — сказал я.

Слова вышли короче, чем я собирался. Воздуха после уклонения не хватало; сердце толкалось в горло. Но Малик услышал. Его голова повернулась раньше корпуса, и я увидел на почерневшем лице ярость, которую уже научился вызывать.

Мне понравилось, что он услышал.

Он ударил прямо, в середину груди. Теперь оружие было узкой чёрной чертой, почти неразличимой на тёмном камне за его спиной. Я следил за кистью. Смещённое плечо выдало

направление раньше, чем распрямилась рука; я шагнул вправо и повернул корпус, пропуская клинок рядом с рёбрами.

Малик прошёл вперёд слишком далеко. Его локоть оказался почти у моего лица. Я пригнулся, вышел из-под руки и услышал, как сапог скрипнул по каменной крошке. Левая рука потянулась для равновесия. Плечо отозвалось резкой болью, и мне пришлось прижать локоть обратно, уже на ходу.

За спиной противника Зель поднял оба кинжала.

Наконец.

Я не мог разглядеть, что он делает пальцами. Видел только белую кость, повёрнутую внутрь, и лицо, с которого исчезла растерянность. Его губы шевелились. По лезвиям шло сияние, не такое яркое, как во время спуска, но более ровное. Он смотрел не на меня, а на промежуток между ногами Малика.

Нужно было удержать ученика здесь.

— Дыши, — бросил я. — Ты же сам сбиваешься.

Малик развернулся. На подбородке у него висела чёрная капля; при движении она сорвалась и попала на камень. Я успел услышать шипение, прежде чем оружие снова пошло в мою сторону.

Этот взмах был низким. Пришлось отскочить, подбирая ноги. Клинок задел пол, и в обсидиане осталась тонкая черта. Осколки посыпались с края уже после того, как рука Малика прошла дальше. Он не посмотрел вниз. Я посмотрел — и сразу пожалел: на мгновение потерял его плечи.

Зель пел негромко. Несколько повторяющихся звуков, короткая пауза, снова те же звуки. Я не знал слов, но слышал усилие: ему приходилось удерживать один тон, пока вокруг продолжал гудеть зал. Костяные кинжалы расходились всё медленнее. Между ними проступила белая линия.

Ещё немного.

Я почувствовал край собственного плаща возле пятки и отодвинул ногу, чтобы не наступить. Вдохнул, уже подбирая следующую фразу. Хотелось заставить Малика ответить, снова увидеть, как он тратит силы на злость. Первые удары прошли мимо; я начал верить, что сумею повторять это столько, сколько понадобится.

Он поднял клинок над плечом.

По положению руки я ждал удара сверху. Отступать прямо было неудобно — позади начинался спуск, — и я приготовился уйти в сторону, туда, где только что стоял он сам. Движение было знакомым. Перенести вес, повернуть бедро, пропустить тяжесть противника мимо.

Я начал раньше, чем следовало.

Малик повернул кисть уже во время удара. Его плечо дёрнулось так резко, что из разорванного ворота вырвалась струйка тёмного дыма. Он не удерживал красивую траекторию. Он увидел, куда я ухожу, и потянул оружие вслед, ломая собственное движение.

Я попытался довернуть корпус. Левая рука осталась прижатой к боку; плечо не позволило отвести её так, как требо-

вало равновесие. На краткое мгновение я ещё видел пустое место, куда должен был попасть клинок.

Потом он оказался во мне.

Чуть ниже левых рёбер вспыхнул холод, настолько резкий, что я не сразу узнал боль. Мне показалось, будто из тела выдернули часть, на которую я до этого опирался всем остальным. Вдох оборвался. Слова, уже стоявшие на языке, вышли коротким сиплым звуком.

Я упал на колено.

Правая ладонь легла на бок. Под пальцами было мокро, но не тепло. Ткань прилипла к коже, сквозь неё проступала скользкая холодная масса. Я попытался прижать сильнее и не почувствовал давления там, где ожидал. Кровь брызнула из-под руки; несколько капель потемнели ещё в воздухе и пропали с тонкими струйками дыма.

— Что же ты… — выдохнул Малик. — Этого не рассчитал?

Я поднял голову.

Он стоял надо мной, тяжело дыша. Клинок снова поднимался. Мне хотелось отползти, оттолкнуться ногой, хотя бы закрыть голову, но тело продолжало пытаться вдохнуть. Всё внимание оказалось занято этим простым действием. Я открыл рот шире. Ничего не изменилось.

Белый свет ударил Малику в спину.

— Замри!

Голос Зеля прозвучал так громко, что я услышал его

сквозь звон в голове. Крик продолжился незнакомыми словами; на последнем Хранитель свёл кинжалы, и свет над площадкой разошёлся четырьмя полосами.

Они были похожи на крепления Наковальни: прямые отрезки, острые углы, фигуры, которые не успевал различить глаз. Только здесь линии двигались. Одна захватила поднятое запястье Малика, вторая легла поперёк груди. Две остальные ушли к ногам и с коротким треском сомкнулись возле камня.

Клинок вырвало из его руки.

Я отшатнулся, ожидая, что он упадёт рядом. Чёрная полоса повисла на миг, стала короче и распалась, не коснувшись пола. Малик дёрнулся следом; свет потянул его вниз. Пятка ударила об обсидиан. Он попытался опереться свободной рукой, но белая линия прошла через локоть, согнула его и прижала тело к площадке.

Из открытого рта не вышло ни звука.

Я наконец вдохнул. Воздух вошёл со свистом и сразу вызвал кашель. Бок свело; я повалился на здоровую сторону, не убирая ладони от раны. Камень оказался близко к лицу. В багровом свете были видны пыль, светлый обломок неизвестно чего и влажная полоса от моей руки.

Наковальня гасла. Сфера всё ещё висела над провалом, но больше не заливала светом дальнюю стену. Четыре связи держали её на месте, отдавая редкими красными толчками. На площадке ярче всего светилась ловушка Зеля. Малик ле-

жал внутри, выгнув шею; потом голова опустилась, и я перестал видеть его глаза.

Зель подошёл не сразу. Сначала остался возле ученика, опустил один кинжал к линии у плеча и что-то произнёс. Белое сияние перестало дрожать. Только после этого я услышал его шаги рядом.

— Убери руку. Дай посмотреть.

Я попытался ответить, но получилось лишь выдохнуть. Хранитель опустился на колени. Его пальцы коснулись моего запястья, и я сжал бок сильнее, прежде чем понял, что сопротивляюсь.

— Тарасиэль. Руку убери.

Я послушался. Ладонь была тёмной, блестящей. В нескольких местах на ней оставалась настоящая кровь, красная возле ногтей. Остальное медленно стекало, оставляя холод, от которого сводило пальцы.

Зель оттянул разрезанный край одежды. Я смотрел на его лицо и видел, как он перестаёт понимать увиденное — или, наоборот, узнаёт слишком хорошо. Губы разошлись, потом он плотно сжал их и поднёс ладонь к ране, не касаясь.

— Не двигайся.

— Он…

— Связан. Я проверил. Сейчас смотри на меня.

Мне хотелось повернуть голову и убедиться самому. Не получилось: стоило напрячь шею, как тёмные края зала сдвигались к середине. Левая рука лежала поперёк живота.

Я видел её, но чувствовал плохо, словно она затекла во сне.

— Это не обычный порез, — сказал Зель. — Его клинок повредил то, что удерживает тебя в теле. Я видел похожие раны. Снаружи могут закрыться, а человек продолжает слабеть.

— Можешь… исправить?

Он посмотрел мне в глаза. Достаточно долго, чтобы я успел пожалеть о вопросе.

— Попробую. Но один не смогу. Ты будешь делать, что я скажу.

Хранитель снял сумку, поставил возле моего лица и принялся искать внутри. Оттуда пахнуло сухой травой, кожей и чем-то терпким, напоминавшим раскрошенную кору. Маленький свёрток выскользнул у него из пальцев. Он поймал его на колене, выругался почти беззвучно и снова посмотрел на мой бок.

Его руки дрожали.

Именно это напугало сильнее слов о душе.

Мне хотелось попросить воды. Я помнил флягу, но не мог вспомнить, с какой стороны она висит. Ремень сумки натянулся поперёк груди; Зель ослабил его и отодвинул поклажу, чтобы добраться до одежды.

— Слышишь меня?

— Да.

— Назови, где болит.

— Слева. Под рёбрами.

— А руку чувствуешь?

Я попробовал пошевелить пальцами. Два согнулись, остальные запоздали. Увидев движение, Хранитель кивнул, словно получил нужный ответ, и развернул узкую полосу светлой ткани. В её переплетении теплились точки, похожие на угли под золой.

— Сейчас будет больнее. Не пытайся отодвинуться. Если перестанешь чувствовать бок совсем, скажи.

— Это хорошо или плохо?

— Здесь — плохо.

Он говорил коротко и смотрел только на то, что делал. Я хотел, чтобы он продолжал смотреть мне в лицо. Пока Зель встречал мой взгляд, казалось, что он уверен в результате. Когда отворачивался к ране, оставались только его дрожащие пальцы и тёмная влажность на моей руке.

— Что мне делать?

— Удерживать себя. Не уходи в сон, не прячься от боли. Чувствуй руки, ноги, спину под собой. Собери волю так, как собираешь для заклинания, но ничего не выпускай наружу.

Я сглотнул. Во рту стоял металлический привкус.

— Этого достаточно?

— Для начала. Потом скажу.

Он положил мне под голову сложенную ткань. Небольшое удобство оказалось почти невыносимым: захотелось закрыть глаза и позволить ему закончить самому. Я уже не хотел ничего выяснять, проверять или держать под контролем. Хо-

тел, чтобы кто-нибудь знал, что делать, и сделал это без моего участия.

Зель коснулся правого плеча.

— На меня смотри. Не туда.

Я вернул взгляд. За его головой висела багровая сфера, теперь похожая на далёкий огонь в дыму. От цепей, удерживавших Малика, проходили белые отсветы. Они освещали щетину на подбородке Хранителя, пот возле виска, маленькую складку кожи у рта. Я начал различать эти детали одну за другой и понял, что он нарочно остаётся передо мной.

Припарка коснулась раны.

Боль прошла глубже прежнего. Я стиснул зубы и вдавил затылок в подложенную ткань. Зель прижал меня свободной рукой, не давая выгнуться. Под пальцами на боку что-то двигалось, и от этого движения тошнота поднялась к самому горлу.

— Дыши. Не задерживай.

Я выдохнул через нос. Второй вдох оказался длиннее. Внутри раны было холодно, но этот холод отличался от того, к которому я привык под рёбрами. Один оставался плотным и неподвижным. Другой расходился, отнимал ощущения, оставлял после себя пустое место, куда внимание соскальзывало снова и снова.

Мне нужно было удержать границу.

Я собрал волю, как перед ударом по амулету. Тогда сила должна была пройти через пальцы и попасть в одну точку.

Теперь я пытался удержать её внутри, возле того участка, который всё хуже чувствовал. Ничего наглядного не происходило. Я не видел души, не мог представить, как она соединяется с плотью. Было только тело: камень под бедром, больное плечо, ладонь с подсыхающей кровью. И место слева, которое будто переставало принадлежать остальному.

— Вот так, — сказал Зель. — Не отпускай.

Я не знал, что именно он почувствовал. Но зацепился за эти слова и продолжил. Он больше не просил меня смотреть на него; теперь держал припарку обеими руками, медленно прижимая её к краям раны. Светлые точки на ткани становились ярче.

Холод Шеай сдвинулся.

Я узнал его раньше, чем понял, что произошло. Так отзывался меч, когда я пытался убрать его в себя возле разрушенной башни: тяжесть под рёбрами, дрожь в пальцах, ощущение чего-то длинного, чему тесно внутри тела. Мне захотелось оттолкнуть это, не позволить проявиться перед Зелем. Но пустота в боку снова потянула, и на мгновение я потерял даже собственный выдох.

Разделить.

Я не произнёс слово. Просто удержал живое ощущение тела и то, что расползалось от раны, как две разные вещи. Не пытался вытолкнуть меч в ладонь, не искал рукояти. Направил знакомый холод туда, где ещё мог различать край боли, и замер, боясь сделать больше необходимого.

Внутри коротко щёлкнуло.

Я дёрнулся. Зель прижал сильнее, решив, должно быть, что я пытаюсь уйти от его рук. Из-под ткани вырвался чёрный пар. Он поднялся между нами, пахнущий сырой золой, и рассеялся прежде, чем достиг лица Хранителя.

В боку стало горячо.

От неожиданности я едва не разжал всё, что удерживал. Боль вернулась сразу, ясная, острая, с толчками в такт сердцу. Я чувствовал собственные рёбра, давление его пальцев, влажную ткань. Мне никогда прежде не хотелось так сильно, чтобы продолжало болеть.

— Держи, — сказал Зель. — Ещё немного. Уже получается.

Он потянул светлую полосу поперёк раны. Я видел только движение рук и складку собственной рубахи. Под тканью стягивало, жгло; потом боль начала отступать, не исчезая разом, а освобождая место для других ощущений. В левой ладони покалывало. Пятка, прижатая к камню, затекла. Мне стало холодно от мокрой спины.

Обычный холод. Я мог от него задрожать.

Зель убрал одну руку, подождал и осторожно поднял край перевязки.

Я не стал спрашивать. Не хотел мешать, пока он смотрел. Наконец Хранитель выдохнул, и по этому звуку я понял больше, чем по всему, что он успел сказать раньше.

— Закрылось. Лежи пока.

— Совсем?

— Я не вижу, чтобы оно продолжало расходиться. Пальцами пошевели.

На этот раз левая кисть послушалась. Плечо при движении отозвалось прежней болью; его рана никуда не исчезла. Но бок больше не проваливался в онемение. Я приподнял голову и увидел над краем ткани бледную неровную линию. Там, где недавно была мокрая пустота, оставался шрам.

Зель осторожно уложил меня обратно.

— Ты хорошо держался.

Я закрыл глаза только на мгновение.

— Ты тоже.

Он коротко, устало усмехнулся. Когда снова взялся за сумку, руки у него уже почти не дрожали. Я смотрел, как он складывает оставшуюся ткань, и не мог решить, почувствовал ли он вмешательство меча. Спрашивать было нельзя. Впервые эта необходимость показалась особенно неприятной: он только что стоял на коленях в моей крови, а я снова выбирал, что от него скрыть.

— Спасибо, — сказал я.

На этот раз слово не застряло.

Подняться я попытался слишком рано.

Стоило сесть, как зал качнулся, хотя сам камень оставался неподвижным. Зель придержал меня за здоровое плечо. Я переждал, глядя на носки сапог, потом поставил одну ногу и опёрся на колено. На боку тянуло, будто там туго затяну-

ли ремень. Слабость была тяжёлой, но понятной; я мог отличить её от того, что только что пыталось расползтись из раны.

Малик лежал неподалёку. В белом сиянии ловушки его лицо казалось серым. Одна щека была прижата к камню, пальцы левой руки подогнуты под грудь. Я смотрел на него и чувствовал злость — уже без прежней лёгкости. Он едва не убил меня. Я позволил ему приблизиться, отвлёкся на собственный голос, запоздал с движением. Всё это было правдой, но хотелось, чтобы виноватым оставался только он.

— Ты можешь его удерживать, пока мы…

Зель поднял руку, останавливая меня.

Я тоже услышал.

Тихий треск, похожий на звук ткани, которую медленно рвут по шву. Он шёл не со стороны цепей. Казалось, начинался внутри головы, возле уха, и от этого хотелось провести пальцем по коже.

Белая линия на запястье Малика померкла.

Хранитель сразу взял кинжалы. Я ещё не успел выпрямиться, когда по ловушке прошёл грязно-фиолетовый оттенок. Геометрические звенья оставались на месте, но между ними возникали тёмные промежутки. Они не смыкались после очередной вспышки.

— Назад, — сказал Зель.

Малик открыл глаза.

Раньше они были чёрными. Теперь я не видел в них по-

верхности вообще. Над скулами темнели два углубления, из которых высыпалось серое. Он повернул лицо, и мелкие хлопья легли на камень возле щеки.

— Ты нашёл ошибку, — произнёс он.

Голос стал ниже. Я почувствовал его через подошвы, хотя слова оставались разборчивыми. Малик смотрел на меня, пока световые линии у его груди одна за другой теряли форму.

— Малик, остановись, — сказал Зель. — Не делай этого.

Ученик начал подниматься. Цепь на правом запястье распалась, осыпавшись тусклыми точками. Он даже не дёрнул рукой. Просто встал на колено, затем на ноги; остальные линии опали следом, как нити перегоревшей ткани.

— Я исправлю.

Он запустил пальцы в собственную грудь.

Я увидел, как разошлась обожжённая кожа там, где висел амулет. Никакого замаха, никакого оружия — обе руки ушли внутрь, и из промежутка между ними пробилось тусклое свечение. Зель шагнул вперёд, но тут же остановился, закрыв лицо предплечьем.

Малик вытащил что-то тёмное, с плотным светлым центром, и сжал ладони.

Свет погас.

Я успел отступить только на шаг. Воздух толкнул в грудь; в стороне с треском отлетела каменная крошка. Там, где стоял человек, контуры разошлись, накладываясь друг на друга.

Плечо оказалось выше головы, рука вытянулась, потом всё собралось снова — уже неправильно.

Фигура поднималась, пока не стала почти вдвое выше Зеля.

Вместо кожи на ней виднелись чёрные грани. Между ними была темнота, сквозь которую я не видел стены. Части тела двигались с задержкой: кисть уже поворачивалась к нам, а предплечье ещё сохраняло прежнее положение. На мгновение мне показалось, что это несколько отражений, наложенных одно на другое. Потом ступня опустилась на площадку, и край камня исчез под ней.

Не раскололся. Исчез.

Остался провал с ровной границей. За ним была та же бездна, над которой висела Наковальня.

Зель отступил ко мне. Костяные кинжалы дрожали у него в руках.

— Он уничтожил собственную душу, — сказал Хранитель. Я не понял, мне или себе. — Не подпускай. Обычным ударом его не остановить.

Фигура повернула голову. Лица не было. Тёмная плоскость наклонилась, и я узнал это движение — то самое, с которым Малик слушал учителя перед началом боя.

Потом он поднял руку.

Зель толкнул меня в сторону спуска. Я пошатнулся, удержался, и в тот же миг опора, за которой я прятался, пропала. На её месте осталось открытое пространство. Ни грохота

падающего камня, ни пыли. Я видел стену за ней и не мог совместить это с памятью о собственной ладони на холодной поверхности.

Заготовленное замечание больше не требовалось.

Я отступил вместе с Хранителем, осторожно ставя ногу на камень, который пока ещё был под нами.

Глава 17. Три цепи

Камень исчезал под ногами Малика. Тот не торопился. Поставил ступню, подождал, пока ровный край провала дойдёт до пятки, и сделал следующий шаг. Я отступал боком, потому что повернуться спиной к его поднятой руке не мог. Шрам под рёбрами тянул всякий раз, когда приходилось переносить вес на левую ногу. Рубаха под повязкой прилипла к коже, и от этого казалось, будто рана снова открывается. Я провёл по ткани пальцами. Сухо. Во всяком случае, кровь не шла.

Возле спуска лежали оба наших следа в светлой пыли. Дальше начинались вырубленные в обсидиане ступени. До них было шагов шесть. Между ними и нами Малик уже стёр опору; обходить приходилось у самого края площадки. Внизу, где я ожидал увидеть дно зала, не было ничего, за что глаз мог бы зацепиться. Четыре широкие полосы удерживали Наковальню над этим провалом. Она снова светилась ровно, но я не знал, сколько продлится это спокойствие.

Зель стоял на полшага впереди. Костяные кинжалы он держал низко. После лечения на его рукавах осталось столько моей крови, что белая кость возле рукоятей казалась испачканной до середины. Он заметил, куда я смотрю.

— До лестницы не успеем, — сказал он. — Он срежет её.

Малик повернул безликую голову к звуку учительского

голоса. Тёмные грани на шее сдвинулись с запозданием. Я уже видел у людей тяжёлые ранения, видел, как заклинание меняет тело. Передо мной оставалось нечто, умеющее слушать и выбирать. Это делало его хуже обвала. От обвала можно угадать направление падения.

— Песнь Оков ещё раз? — спросил я.

Зель взглянул на зазор между нами и существом.

— Я не удержу его ею. Ты видел.

— Мне хватит одного удара.

Он не ответил сразу. Под подошвой скрипнула крошка, и мы оба посмотрели вниз. Я стоял на целой плите. Трещина шла в другом месте. Раньше я различал бы это без труда; теперь скрип заставил меня прижать руку к боку.

— Чем ударишь? — спросил Зель.

Вопрос был простой. Неприятным его сделало то, что я заранее знал ответ.

Малик поднял ладонь. По полу между нами пробежала узкая чёрная черта. Зель потянул меня за ворот к лестнице, но черта свернула и отсекла от ступеней угол площадки. Там не возникло трещины. Просто пропали край ступени, горсть пыли и кусок ремня, свисавший с моей сумки. Обрезанный конец хлопнул меня по ноге.

Я посмотрел на Зеля. Вокруг него дрожал воздух: он собирал защиту, которая позволила бы хотя бы отвести следующую черту. Больше ждать было нельзя. Я не хотел, чтобы он узнал так. Ещё утром мы сидели у костра; он рассказы-

вал об ученике и передавал мне воду, когда я слишком долго молчал. В зале он опустился на колени возле моей раны, не спросив, какой я в действительности человек. А я собирался воспользоваться его помощью до конца и уехать, оставив ему удобную половину правды.

Я хотел этого и сейчас. Только площадка не оставляла места для удобства.

— Зель, — сказал я. — Потом объясню.

— Что?

Малик повёл рукой. На этот раз чёрная черта пошла выше пола, на уровне груди. Зель выставил кинжал, хотя только что сказал, что обычное оружие бесполезно. Я видел его лицо сбоку: глаза не отрывались от приближающегося края. У нас оставалось меньше времени, чем потребовалось бы на ещё одно слово.

Я потянулся туда, куда уже касался мысленно, когда Зель закрывал рану. Холод находился под грудиной. Раньше я пробовал вытащить его усилием, как застрявший нож, и получал боль, от которой немели пальцы. Теперь я удерживал перед собой две вещи: живую тяжесть своего тела и место внутри неё, которое не стало телом, сколько бы я ни притворялся. Там было движение. Я не мог назвать его дыханием. Оно отозвалось, как отзывается в ладони верёвка, за другой конец которой кто-то взялся в темноте.

Правая рука разжалась. Порез на ладони внезапно заныл сильнее, хотя я ничего не держал.

Проснись.

Боль поднялась из груди к плечу. Я не успел закричать, потому что сперва нужно было вдохнуть, а вдох оборвался посередине. Запястье вывернуло наружу. По предплечью прошёл холодный разрез без крови, следом из пальцев ударило такое сияние, что я зажмурился. Не белое: через веки оно казалось тёмным, как багровый уголь под слоем золы. Пахнуло горячим железом, хотя железа здесь не было.

Когда я открыл глаза, в руке лежала тяжесть меча.

Рукоять была настоящей для моей ладони. Я ощущал её шероховатость в старом порезе и давление на суставы. Лезвие начиналось там, где кончалась гарда, но дальше на него было трудно смотреть: глаз то видел узкую чёрную полосу, то пытался различить пространство за ней. По кромке двигались едва заметные точки, похожие на далёкие звёзды в зимней воде. Я поднял оружие и почувствовал, как по руке пробежала дрожь. Не от страха. Сила ответила слишком охотно, и это пришлось признать прежде, чем она повела мою кисть сама.

Рядом звякнула кость.

Зель уронил кинжалы. Один скользнул по плите к месту, которого уже не существовало, и застрял в шве у самой кромки. Он не попытался поймать его. Смотрел на меч, потом на мою руку, и губы двигались без звука. В нём было что-то от человека, который увидел знакомое лицо на месте похороненного. Я хотел повернуться к нему, но чёрная черта

уже достигла нас.

Я встретил её лезвием. На мгновение мне показалось, что ничего не вышло: не почувствовал ни удара, ни сопротивления. Затем черта разошлась. Её половины прошли справа и слева, выев две полосы в полу за нашими спинами. Между ними остался участок шириной в локоть. Я стоял на нём, тяжело дыша, и понимал, что ступи я на ладонь правее, не было бы уже ни руки, ни шанса проверить оружие второй раз.

Малик остановился.

Зель произнёс имя меча едва слышно. Я не обернулся. Мы оба знали, что он узнал его.

— Отойди от края, — сказал я. — Кинжалы оставь.

— Ты взял её, — ответил он.

От горла до середины груди у меня всё ещё тянуло после призыва. Сказать правду целиком сейчас было бы легче, чем вынести его голос, но Малик уже двигался. Его рука сложилась в длинное тёмное лезвие. На запястье одна грань запоздала за другой, и вся конечность рывком оказалась ближе, чем должна была. Я прижал рукоять к правому бедру, чтобы не выставить больное плечо вперёд.

— Вяжи его, — сказал я Зелю. — Мне нужно, чтобы он остановился.

Он словно не расслышал конца фразы.

— Ты сказал, что у тебя осталось воздействие печати. Я спрашивал тебя дважды.

Я видел, как по его лицу проходит воспоминание о на-

ших разговорах: пустой футляр, узор, нарисованный на песке, моя рука на ночном привале. Всё, что он принимал за чужое знание, теперь получало другое объяснение. Я хотел сказать, что тогда он бы не взял меня с собой. Это было бы правдой и оправданием одновременно.

— Я соврал, — сказал я. — Сейчас можешь злиться. Помоги мне удержать его.

— Не приказывай мне с этим мечом в руке.

Он опустился за кинжалом, который остался ближе к нему. Я не понял сразу, зачем: для защиты, для нападения на Малика или на меня. Его пальцы дрожали. Между ними и рукоятью легла полоска крови, оставленная моим плечом ещё раньше. Зель заметил её и замер, так и не подняв оружия.

Я потерял его на несколько ударов сердца. Именно в тот миг мне требовалось, чтобы он делал свою работу. Если бы я успел признаться у костра, этого спора здесь не было бы. Мысль запоздала и ничем не помогла.

Малик прошёл мимо меня.

Я ожидал, что он бросится на меч. Он повернул к Наковальне. Три быстрых шага по исчезающему камню — так человек перебегает мост, который видел крепким ещё минуту назад. Я попытался пресечь путь, но тянущее движение в боку остановило меня раньше, чем я успел набрать скорость. Лезвие Малика ударило не по сфере. Он достал одну из светлых связей, уходивших от неё к стене.

Я услышал низкий треск. Он отозвался в зубах и в самом камне под ступнями. Одна из четырёх цепей лопнула у крепления. Она не упала: на месте светлой полосы осталась короткая белая искра, которая несколько раз мигнула и погасла.

Наковальня накренилась.

Сначала движение было небольшим. Я заметил его по отражению на лице Зеля: свет, прежде ложившийся ему поперёк бровей, ушёл к подбородку. Потом изменился пол. Пыль поползла к краю, а вместе с ней — осколки камня. Где-то над нами раскрылась щель. Оттуда посыпались куски обсидиана; в полёте они становились серым порошком. Он оседал на губах, и язык сразу пересох. Воздух запах мокрой золой, как после пожара в таверне. Мне не хотелось вспоминать таверну, но память уже дала жар в лицо и скрип падающей балки.

Зель поднялся. Оба кинжала лежали там, где упали. Он смотрел на место разрыва, как человек, который знает, сколько времени держалась дверь и какой петли ей теперь не хватает.

— Она сорвётся, — сказал он.

— Ты можешь удержать её?

— Пока он рядом — нет. Я начну, и он ударит снова.

Малик уже поворачивался к следующей связи. Я стоял ближе к нему. Зель — к Наковальне. Но между нами лежали его кинжал, клочья моего плаща и всё, что мы успели друг другу не сказать. Я посмотрел на меч. Он гудел в ладони по-

чти спокойно. Я не понимал, надолго ли его хватит; после призыва меня знобило, и каждая попытка сильнее сжать рукоять отнимала дыхание.

— Тогда начни, когда я доберусь до него, — сказал я.

Зель не ответил. Я не стал требовать ответа. Оттолкнулся от целого участка пола и побежал.

Первый шаг получился слишком широким. Правой ногой я едва не попал туда, где за миг до этого лежал камень. Левую пришлось поставить поперёк скольжения. Под шрамом дёрнуло; я увидел, как Зель вскинул руку, будто собирался подхватить меня на расстоянии, но он был занят Наковальней. Дальше я двигался короче, считая не удары сердца, а места, куда действительно можно поставить подошву.

Малик заметил меня возле крепления второй цепи. Его рука поднялась навстречу мечу. Я видел предстоящую встречу: чёрный край по чёрному краю, две силы, ни одну из которых я не умел измерить. На тренировке с обычным клинком я попытался бы отбить удар в сторону. Здесь отбивать было некуда. Я опустил гарду ниже и повёл лезвие сквозь его руку.

Она разошлась от запястья к плечу. Никакого упругого мяса, никакого удара по кости. Сопротивление пришло поздно, когда половина конечности уже пропала; оно было вязким и ледяным, словно я тащил меч через смолу, застывшую в зимней бочке. Разделённые части дрогнули, рассыпались мелкими тёмными гранулами и не успели коснуться пола.

Малик отпрянул. В пустом месте у плеча что-то пыталось

собраться обратно, но я уже был слишком близко. Я помнил, как много раз в прошлую схватку хотел оставить расстояние между нами. Теперь мне пришлось убрать его самому. Провёл правую ногу по краю целой плиты, повернул корпус и вогнал лезвие туда, где у живого человека находилась бы грудь.

На этот раз сопротивление пришло сразу.

Рукоять вдавилась в порезанную ладонь. Плечо я не мог подать вперёд, а из живота будто вытащили воздух. Малик навалился на меч собственным весом; грани его туловища складывались вокруг кромки и не давали ни вынуть оружие, ни продвинуть глубже. За моим ухом сыпался камень. Я понимал, что стою между ним и Наковальней и что второй цепи он сейчас не достанет. Только это и удержало меня от попытки выдернуть меч немедленно.

— Зель! — крикнул я.

Ответа не было. Вместо него над нами на мгновение выровнялся свет. Я скосил глаза. Хранитель стоял под накренившейся сферой, запрокинув голову. Одну руку он держал у горла, другую тянул к оборванной связи. Слова его песни не собирались для меня в речь. Я слышал хрип, долгую ноту, потом новый вдох — слишком короткий для того, как долго он должен был петь. Наковальня больше не опускалась. Три целые полосы были натянуты так туго, что дрожали, а на месте четвёртой возникла слабая линия от его поднятой руки.

Он сделал то, о чём я просил. Не потому, что выполнил приказ. Потому что Малик теперь не мог помешать ему пер-

вым делом.

Тёмная плоскость лица повернулась ко мне. В ней не было глаз, но я узнал, куда направлено внимание. Из щели в туловище донёсся звук, похожий на голос человека после долгого крика. Он назвал меня по имени. Вторую часть я скорее ощутил, чем услышал: что я однажды стану таким же. Возможно, он пытался меня напугать. Возможно, видел нечто в мече, чего я ещё не видел. Мне хотелось спросить, что именно. Я бы возненавидел себя за этот вопрос, если бы успел его произнести.

Оставшаяся рука потянулась к моему горлу.

Я попытался шагнуть назад, но меч удерживал меня возле его груди. Пальцы Малика вытянулись; промежутки между ними раскрывались в чёрные узкие щели. Край ближайшего уже коснулся плаща у ключицы. Ткань исчезла вместе с ниткой у воротника. По коже прошёл холод, и я понял, что следующего касания может не быть: за ним просто не останется места, которого можно коснуться.

Я разжал левую руку, которой придерживал правое запястье. Без этой опоры меч пошёл вниз на толщину пальца. Малик потянулся следом. Я скользнул вбок под его рукой — не красиво, почти падая, с плечом, которое отказалось двигаться дальше. Бок отозвался жёсткой болью. Меч вышел из груди не сразу. Я тянул его двумя рывками, чувствуя, как связанная с ним сила рвётся из моего тела следом, а не только из Малика. На втором рывке лезвие освободилось.

За моей спиной Зель сорвался на высокую ноту. Свет над нами снова качнулся.

Малик повернул голову. Лица по-прежнему не было. Осталась знакомая привычка слушать того, кто когда-то его учил. Я не знал, понял ли он, что Хранитель спасает Наковальню, пока я стою перед ним. И не хотел дать ему время это проверить.

Я ударил поперёк шеи.

На мгновение лезвие завязло, как в груди. Порезанная ладонь скользнула по рукояти. Я уже видел, как его рука отсекает мне путь обратно, и вложил в движение вес всего тела. Холодная преграда поддалась. Голова отделилась от туловища. Под ней не выступила кровь. Мелкие чёрные осколки посыпались с обоих краёв, задержались в воздухе, потом пошли врозь. Я отступил, пока было куда. Тело теряло форму от плеч к ногам, словно после удара исчезло то, что удерживало его части вместе.

Никакого падения я не услышал.

Куски чёрного стекла и пепел рассеялись прежде, чем достигли пола. Я следил за ними, хотя уже видел, что Малик не поднимается. Нельзя было отвести взгляд и обнаружить ещё одно продолжение боя. Я считал вдохи. На четвёртом понял, что сжимаю меч так сильно, что правая ладонь снова мокрая. На пятом впервые ощутил собственные колени; они дрожали и не собирались останавливаться.

— Тарасиэль.

Голос Зеля пришёл издалека. Я повернул голову.

Он стоял у края, прислонясь спиной к обсидиану, которого прежде там не было видно за светом сферы. Свет теперь лежал ровнее. Три цепи оставались на местах. Четвёртая не вернулась. Вместо неё тянулась тонкая полоса от руки Хранителя к разорванному креплению; когда он медленно опустил пальцы, полоса истаяла, а сфера осталась висеть. Я не понимал, что с ней сделал его голос. И не хотел спрашивать, пока он пытался вдохнуть.

Из потолка больше не сыпало. Пыль оседала на его бровях и тёмных волосах, на моём плаще, на порезанной кромке ступени. Где-то у лестницы постукивал камешек, не находивший себе места. Наковальня тихо потрескивала. В другом зале такой звук можно было бы принять за остывающие угли.

Я посмотрел на место, где исчез Малик. Остался участок чистого камня среди пепла. Трудно было связать его с человеком, который когда-то сидел перед Зелем над записями, с учеником, о котором тот говорил у костра так неохотно. Я не испытывал сожаления о последнем ударе. Мне было жалко того, что Зель не смог сделать ничего другого, когда мы уже стояли в одном зале. Обе мысли оказались достаточно тяжёлыми, чтобы я не произнёс ни одной.

Клинок продолжал гудеть в моей руке. Я попробовал опустить его остриём к полу, но поверхность под лезвием посветлела, и я отвёл руку. Чужой смерти ему, кажется, было

мало. От этого знания стало неуютно даже после того, как оружие спасло нас обоих.

Зель не смотрел на пустое место. Смотрел на меня.

Я сделал шаг. Он не пошёл навстречу. Между нами находилась прорезь в полу, которую мы могли обойти по одной стороне, если бы очень захотели. Мне пришлось остановиться, пока я не понял, хочет ли он этого. Раны, сломанная связь и смерть ученика не отняли у него права решать, на каком расстоянии разговаривать со мной.

— Ты ранен? — спросил я.

Он опустил глаза к моему боку, потом снова поднял их.

— Нет. А ты?

— Зажило. Мне плохо от усталости.

— Я вижу.

Зель вытер ладонь о плащ, но пыль лишь размазалась по ткани. Оба кинжала лежали на камне. Я всё равно следил за его рукой, и мне было стыдно за этот взгляд. Он заметил, конечно. Слишком многое теперь становилось заметным.

— Он мёртв, — сказал я.

— Да.

Он ответил после паузы. Мне стало ясно, что я сообщил ему единственный факт, который ему сейчас не требовался.

— Я не мог оставить его у цепей.

— Я знаю, почему ты ударил.

Зель оттолкнулся от стены и медленно обошёл прорезь. Шёл осторожно, проверяя каждый участок пола носком са-

пога. Это движение было знакомым: так он вёл меня через защиту на спуске, ещё считая союзником. Я посмотрел на меч. Губы пересохли. Можно было сказать, что сам не понял, как он оказался в руке. После того, что произошло, Зель услышал бы ложь раньше первого законченного слова.

— Вчера у костра я хотел рассказать, — произнёс я.

— Но не рассказал.

— Нет.

Он остановился в нескольких шагах. Взгляд прошёл от моего лица по руке к рукояти. Он словно заново проверял, можно ли отнять её обычным движением, не потеряв обоих нас. Я не знал ответа и не собирался изображать, что знаю.

— Ты носишь её в себе, — сказал Зель. — Это было не воздействие печати. С самого Сентинела.

Я кивнул.

— Ты понимал, что я ищу?

— Не всё. Достаточно, чтобы не показывать тебе меч.

Зель на секунду закрыл глаза. Когда открыл, в них уже не было того растерянного ужаса, который заставил его выронить кинжалы. Осталась злость, и с ней он выглядел гораздо более похожим на себя.

— Значит, сейчас поговорим без роли учёного. Где ты взял меч? И кто послал тебя в Сентинел?

Наковальня потрескивала над нами на трёх цепях. Я чувствовал рукоять в порезанной ладони и видел кровь, проступившую между пальцами. Вопрос о первом было бы легче

вынести. Ответ на второй мог стоить мне меча, союза с Зелем или жизни. Я не знал, какой из трёх потерь боюсь больше.

— Спроси по порядку, — сказал я. — Я отвечу.

Глава 18. Кровь за кровь

— Спроси по порядку, — сказал я. — Я отвечу.

Зель стоял в нескольких шагах, оставив между нами узкую прорезь в полу. Он сам только что обошёл её, чтобы поговорить со мной, но теперь смотрел на меч и, кажется, жалел, что подошёл так близко. В разорванном рукаве его плаща застряла каменная крошка. Рука, которой он удерживал Наковальню, дрожала; стоило ему заметить это, он прижал её к боку. Я знал, как трудно ему стоять. Мне самому приходилось переносить вес с одной ноги на другую, чтобы не упасть.

Сверху по-прежнему шёл слабый свет. Три связи держали Наковальню над постаментом. Четвёртая заканчивалась у стены обугленным обрывком. После смерти Малика зал успокоился, но каждые несколько вдохов в глубине камня раздавался короткий щелчок. Мы оба поднимали головы. Ни один из нас пока не верил, что всё закончилось.

— Сначала меч, — сказал Зель. — Где ты его взял?

Я отвёл остриё от прорези. Там, где оно приблизилось к обсидиану, на поверхности выступила белая крупа. Меч был легче того, что Зель обычно носил на поясе, но порезанная правая ладонь уже не держала его как следует. Перехватить рукоять левой я не мог: плечо после удара стража отзывалось болью даже на попытку поднять локоть.

— Под Сентинелом. В старом склепе, куда меня привела женщина, искавшая этот проход. Там были печати. Они открылись от моей крови.

— Она знала, что найдёт внутри?

— Думаю, знала больше меня.

Он ждал. Я мог назвать ему имя, пересказать дорогу, спор у печати и всё, чем он кончился. Зель спрашивал сейчас о другом. Ему надо было понять, откуда взялся меч, почему он выходит из моего тела и не окажется ли следующий удар направлен в него. Если я начну с истории человека, которого он никогда не встречал, это будет ещё одна отсрочка ответа.

— Внутри я увидел Шеай, — сказал я. — Она откликнулась, когда я подошёл. Я не умел этого вызвать. Я и сейчас не до конца понимаю, как она меня нашла.

Зель прищурился.

— Вчера ты видел мою печать у костра. Ты позволил мне думать, что она и оставила след в твоей крови.

— Да.

— Хотя уже носил это.

Я кивнул. Он отвёл взгляд к моему боку, где под рубахой тянуло закрывшийся шрам. Он зашивал меня, касался плеча, спасал от того, что сделал Малик. Я лежал перед ним безоружным лишь с виду. Зель мог назвать это предательством и был бы прав.

— Я решил, что ты попробуешь забрать меч, если узнаешь, — сказал я. — Сначала не знал тебя. Позже было про-

ще продолжать молчать.

— Позже ты уже знал, что я ищу.

— Поэтому и молчал.

Он поморщился, будто я выбрал худший из возможных ответов. Возможно, так оно и было. Мы пришли сюда из-за его ученика. На привале Зель говорил о мальчике осторожно, выбирая, что рассказать чужаку. Я слушал и прикидывал, сколько сведений могу получить, не обнаружив собственного интереса к Наковальне. В пустыне эта привычка казалась мне частью работы. Здесь, рядом с чистым участком камня, где исчез Малик, она выглядела иначе.

— Ты мог сказать мне вчера, — произнёс Зель. — Пока мы ещё выбирали, спускаться ли сюда вместе.

— Да.

На этот раз я не добавил объяснения. Он уже услышал его.

Зель подошёл к стене и опёрся ладонью о выступ. Его костяные кинжалы лежали там, где он уронил их во время боя: один возле сапога, второй дальше, у края площадки. Он не поднял ни одного. Пыль, оседавшая на пальцах, смешалась с кровью, которой он касался моей раны. Несколько минут назад это была рука человека, удерживавшего разрыв в Наковальне, пока я вытаскивал меч из груди Малика. Теперь мы выясняли, мог ли я вообще стоять рядом с ним, когда бой закончился.

— Ты говорил, что изучаешь древние сооружения, — сказал он.

— Этому я учился. Но сюда приехал по другой причине.

— Кто тебя послал?

Воздух в зале пах горячим камнем и пылью, попавшей в горло. Мне хотелось воды. Фляга лежала в сумке у бедра, но я не решался отпустить рукоять меча, чтобы достать её. Зель не отходил от стены. Ему приходилось беречь силы, чтобы закончить работу с постаментом; он тратил их на меня.

— Я служу Пенитус Окулатус, — сказал я. — Это имперская служба. Я действовал здесь под чужим именем.

Зель отнял ладонь от камня. Повернулся всем телом, медленно, чтобы не задеть обрывок связи над головой.

— Шпион.

— Да.

— И всё это время ты ждал, пока я приведу тебя к Наковальне?

— Я не знал, где она находится. За тобой пошёл, когда узнал о Малике и понял, что ты ищешь ту же древнюю силу, с которой связан меч.

Он провёл рукой по лицу. На щеке осталась серая полоса. Зель хотел получить короткий ответ, но каждое моё предложение делало наш путь через пустыню хуже в его памяти. Я не мог попросить его отбросить это знание только потому, что помог ему сегодня.

— Первоначальная работа в Сентинеле к тебе не относилась, — сказал я. — Я следил за торговцем по распоряжению службы. После встречи в склепе всё изменилось. О мече я

никому не сообщил.

— Тебе не дали времени?

— Не захотел сообщать, пока не пойму, что со мной произошло.

Он посмотрел на меч.

— А теперь ты понял?

— Нет. Понял только, что его нельзя оставить человеку вроде Малика.

— И человеку вроде тебя можно?

Вопрос прозвучал без насмешки. Зель держал учеников, охранял склепы, знал, как мало одной силы для права распоряжаться ею. Я подумал о приказах, которые исполнял, не спрашивая, кто их подписал. Даже если бы он их перечислил, ни одно объяснение не сделало бы меня похожим на человека, которому спокойно доверяют такое оружие.

— Не знаю, — сказал я. — Но сейчас она у меня. Ты видел, что случилось, когда Малик попытался взять её себе.

— Видел также, что ты не всегда управлял ею. Зал ещё стоит благодаря трём связям. Четвёртую я не верну одним разговором.

Он произнёс это устало и посмотрел на обрывок. От стены к постаменту тянулась тень; раньше её закрывал свет Наковальни. Теперь повреждение было видно даже мне. Зель не собирался просить благодарности за то, что спас зал. Ему нужно было решить, не придётся ли защищать его снова, на этот раз от меня.

Я попробовал вернуть меч в тело. Гул переместился ближе к груди, а в шраме на боку кольнуло. Пришлось остановиться: перед глазами потемнело, и я ухватился левой рукой за край выступа. Плечо обожгло. Зель сделал шаг, но я поднял ладонь, показывая, что удержался. В другой раз меч уходил внутрь; я знал, что это возможно. Сейчас на усилие не хватило сил.

— Не трогай её, — сказал Зель. — Подержи ещё немного. Мне нужен разговор с человеком в сознании.

Это было похоже на заботу, но Зель произнёс фразу тем же тоном, каким предупреждал меня об испорченной ступени. Я оттолкнулся от стены. В ладони под рукоятью собралась тёплая кровь.

— Ты хочешь запереть её снова? — спросил я.

— Я ещё не решил, могу ли. И не решил, должен ли.

Он присел возле кинжала. Вместо того чтобы поднять его, потрогал пол кончиками пальцев, проверяя, затихла ли дрожь под камнем. После боя у него осталась работа, которую нельзя было доверить мне. Я опустил меч ниже и дал ему время. Зель поднялся, не разгибая спины до конца.

— Если отпущу тебя с ней, — сказал он, — куда ты пойдёшь?

Первым ответом была явка Окулатуса. Я представлял комнату, где можно вымыть раны, сесть за стол и написать донесение. До встречи с Зелем это место казалось безопасным. Теперь я вообразил, как пытаюсь объяснить начальни-

ку, что у меня в груди находится древний меч и что показать его могу лишь ценой крови. Начальник стал бы искать знающего мага, затем человека, который сможет держать меня взаперти, пока маг работает. Он мог бы искренне считать это необходимым. Я не знал, что сделал бы на его месте.

— Сначала отсюда, — ответил я. — Потом мне нужно место, где я смогу оправиться и научиться обращаться с мечом. На явку пока не пойду.

— «Пока».

— Я всё ещё служу. Не стану обещать, что перестану за один вечер. Но меч я туда не понесу.

Зель долго смотрел на меня. Я мог бы произнести клятву и этим закончить разговор для человека, которому хватило бы красивых слов. Ему было мало. Он уже услышал моё признание в обмане и знал, что я умел говорить то, что собеседнику хотелось услышать.

— Почему? — спросил он. — Тебе уже не верят свои?

— Они не знают. А я не знаю, что прикажут, когда узнают.

— Вот и вся причина?

Я хотел ответить, что дело не только в приказах. Меч слушался меня в бою, но его желание продолжать после смерти Малика я ощущал как чужое движение под кожей. Передать эту ответственность другому было соблазнительно. Может быть, в имперской комнате нашёлся бы тот, кто объяснил бы, как оборвать связь. Но я видел, что происходит здесь, когда человек решает за всех, кому принадлежит древняя си-

ла. Я боялся и начальства, и себя. Обе причины были настоящими.

— Если о ней узнают, меня могут заставить применить её, прежде чем я разберусь как, — сказал я. — Ты только что видел, чем это кончается.

Зель отозвался не сразу. В тишине я услышал, как далеко за постаментом падает вода — одиночные капли, с большим промежутком между ними. На спуске мы прошли мимо источника, не задержавшись. Сейчас этот звук напоминал, что за пределами зала есть коридоры, лестница и вечерний воздух. Склеп ещё держал нас здесь.

— Твоя служба уже обращалась против Хаммерфелла? — спросил он.

— Не на моих глазах.

— Удобно.

— Другого ответа нет.

Он отвернулся к Наковальне, но разговор не закончился.

— Бело-Золотой Конкордат, — сказал Зель. — Когда его подписали, имперцы решили, что южные земли Хаммерфелла можно отдать Доминиону. После этого ваши люди приезжают сюда говорить о совместной безопасности.

Он не читал мне урок истории. В его голосе слышалось отвращение к договору, о котором в Сиродиле говорили как о цене мира. Империя вышла из войны истощённой. Редгарды не приняли уступку их земель и продолжили сражаться с Доминионом без неё. Зель вырос среди людей, для которых

это было не примечанием к договору, а причиной помнить, кто оставил их одних.

— Я знаю, что было подписано, — сказал я. — Защищать это перед тобой не буду.

— Но служишь тем, кто подписал.

— Служу людям, которые сейчас пытаются не дать Талмору усилиться. Я не могу говорить за весь Имперский Город.

— Тогда говори за себя.

У стены потухла одна из тонких полос света. Зель повернулся, проверил три уцелевшие связи и лишь потом снова взглянул на меня. Он не требовал, чтобы я исправил войну прошлого. Спрашивал, что сделаю с мечом, когда выйду из склепа.

— Я не собираюсь использовать его против Хаммерфелла, — сказал я. — Если Доминион снова придёт сюда, я хочу быть на той же стороне, что ты. В этом я могу отвечать за себя.

— Ты пришёл сюда по службе. С чего мне верить, что завтра не получишь другой приказ?

— Не знаю. Можешь не верить. Ты можешь следить за тем, чему я учусь и куда иду. Я не прошу тебя отпустить меня и забыть.

Зель выдохнул через нос. В таком состоянии он мог бы попытаться отнять меч и, возможно, погибнуть вместе со мной. Я видел, что он рассматривает эту возможность без желания её испытать. Малик тоже когда-то был рядом с ним, учился

у него, а сегодня чуть не разрушил Наковальню. После этого Зель не мог принять слова незнакомца за гарантию.

— Малик говорил, что справится один, — сказал он. — Я услышал его слишком поздно.

Я посмотрел на чистый камень, где не осталось даже тела. Ни спор о Конкордате, ни мой страх перед начальством не могли убрать эту потерю. Зель не обращался ко мне за утешением. Он объяснял, отчего проверит любое моё обещание действием.

— Тогда не оставляй меня одного с ней, — сказал я. — Научи, что знаешь. Если увидишь, что я иду туда же, где Малик, останови меня раньше.

Он опустил глаза к моей окровавленной руке.

— Просишь, чтобы я взял на себя ещё одного ученика?

— Прошу помощи. Как ты это назовёшь, решай сам.

На лице Зеля промелькнула усталость. Я ожидал отказа. Он дошёл до Наковальни ради ученика и потерял его несколько минут назад; я пришёл к нему с ложью и просил занять то же место. Мне самому стало неловко от просьбы, хотя я не мог её забрать.

— Ты останешься со мной, пока я не пойму, что она делает с тобой, — сказал он наконец. — В форте есть место для раненого. Там попробуем выяснить, можешь ли ты убрать меч, не теряя сознания.

— А после?

— После поговорим. Сегодня я не могу дать тебе разре-

шение на всю жизнь.

Это был первый ответ, которому я поверил целиком. Зель говорил о ближайших днях, в которых мог участвовать, и оставлял остальное открытым. Он тоже не доверял мне достаточно для большого обещания.

— Согласен, — сказал я.

— Если направишь Шеай против людей Хаммерфелла, я вмешаюсь. Не важно, чей приказ ты предъявишь.

— Понимаю.

Зель поднял ближайший кинжал, вытер с рукояти пыль и положил его на камень у себя за спиной. Потом протянул мне свободную руку. Я посмотрел на меч: приблизиться с ним значило направить кромку Зелю под бок. Он заметил это, сделал шаг сам и остановился на расстоянии вытянутой руки.

Левое плечо заболело, когда я поднял ладонь. Пальцы слушались. Мы пожали руки коротко, без силы: у обоих она кончилась ещё во время боя. Его ладонь была шершавой и горячей. Он не отпустил меня сразу.

— Кровь за кровь, — произнёс Зель.

В пустом зале эти слова не требовали ответа о государстве или древних предках. Его кровь была на моей повязке, моя — на его рукаве. Он держал Наковальню, когда я бил Малика. За пределами склепа нам предстояло выяснить, сумеем ли мы работать вместе, когда опасность перестанет стоять у нас перед глазами.

— Кровь за кровь, — ответил я.

Зель отпустил мою руку. Меч загудел сильнее, и я вскинул взгляд, решив, что клятва его потревожила. Но звук шёл от постамента. Три сохранившиеся связи засветились почти одновременно. Зель повернулся к ним, поднял руки и начал негромко произносить слова, которых я не различал. Камень под Наковальней раскрылся по старым швам.

Она опускалась медленно. Там, где четвёртая связь была оборвана, остался тёмный промежуток. Я следил за ним, ожидая рывка, и лишь когда светлая поверхность ушла ниже края, позволил себе перестать сжимать рукоять так крепко. Створки сомкнулись не сразу. Между ними ещё некоторое время держалась полоска света; потом исчезла и она.

Зель опустил руки. Несколько раз вдохнул ртом, прежде чем смог заговорить.

— Проход закрыт, — сказал он. — Крепление я проверю позже. Сегодня больше ничего не выдержу.

— И я.

В зале оставались следы боя: прорези в полу, разбитый край ступени, обрывок связи над стеной. Малик был мёртв. Работа, ради которой Зель спускался сюда, ещё не кончилась. Он поднял оставленный за спиной кинжал и пошёл за вторым, к краю площадки. Я остался на месте, пока он не вернулся; стоять рядом с прорезью с явленной Шеай было плохой помощью.

— За мной, — сказал Зель. — На третьей ступени не ставь

ногу справа.

Он показывал дорогу так же, как до боя, когда считал меня лишь слишком любопытным имперским исследователем. Теперь он знал достаточно, чтобы не повторить прежнюю ошибку. Я тоже. Он подождал у начала лестницы, пока я нашёл опору для больной ноги, и только тогда поднялся.

Я отвёл меч от стены и пошёл следом.

Глава 19. Дорога на запад

С лестницы зал казался ещё больше, чем снизу. Пока мы дрались, я видел только людей, цепи и места, куда можно поставить ногу. Теперь подо мной открывалась вся чёрная чаша: широкие уступы по краям, узкая площадка с сомкнувшимся постаментом, дальняя стена, терявшаяся за редкими полосами света. Даже следы боя отсюда выглядели мелкими. На месте четвёртой связи остался тусклый обрывок; ниже белела прорезь, которую Малик провёл через пол. Там, где он погиб, не было ничего.

Зель стоял на несколько ступеней выше и тоже смотрел вниз. Его лицо почти целиком скрывал капюшон. Мне хотелось поторопить его: правая ладонь скользила по рукояти, нога дрожала, а в горле стояла пыль. Но я понимал, почему он задержался. В зале оставался человек, которого нельзя было ни вынести, ни похоронить.

Я убил Малика и не сомневался, что ударил правильно. Труднее было признать, как сильно меня радовало собственное спасение. Я хотел пить, добраться до животных, уснуть. Зелю, возможно, сейчас требовалось другое, а я ждал, когда он перестанет смотреть вниз и поведёт меня к выходу. После всех наших слов о союзе это было первое, что я мог ему дать: несколько минут, которых мне самому не хотелось отдавать.

Наконец он повернулся к лестнице.

— Здесь держись ближе к стене. Дальше будет площадка, там сядем.

Я кивнул. Через ступень пришлось остановиться: клинок задел воздух над краем, и камень посветлел. Зель заметил это, но ничего не сказал. Он поднялся выше, освобождая мне место для поворота.

Обратный путь всё ещё был тесным и тёмным, однако прежнего обмана тяжести я больше не чувствовал. В проходе, где нас заставляло идти по стене, теперь удавалось держаться нижнего уступа. Отражения двигались вместе с нами; шаги возвращались сзади обычным эхом. Я не сразу поверил этой перемене и несколько раз задерживался перед поворотами, ожидая, что пространство снова качнётся. Зель каждый раз ждал. Когда в конце прохода появилось серое пятно дневного света, мне стало стыдно за то, как жадно я смотрю на него.

На площадке я сел прямо в пыль. Зель присел рядом, положил кинжалы поперёк колен и потёр лицо ладонями. Здесь уже пахло нагретым песком. Сквозняк шевелил край его плаща, а далеко впереди слышалось сердитое фырканье кобылы.

— Живы, — сказал я.

— Живы. Посиди. Животные подождут.

Я потянулся к сумке, но с мечом в правой руке добраться до фляги не получилось. Левая поднялась лишь наполовину; боль в плече заставила меня опустить локоть.

— Достань, пожалуйста.

Зель подал флягу открытой. Первый глоток я почти не почувствовал, второй обжёг пересохшее горло. Вода пахла кожей, в ней плавала крошка пробки. Я подержал её во рту, прежде чем проглотить. Только теперь стало ясно, насколько сильно мне хотелось пить.

— Сможешь убрать меч? — спросил Зель.

— Попробую.

— Я останусь рядом. Не вставай, даже если получится.

Он не рассказывал, как это сделать. Пока никто из нас не знал достаточно, чтобы давать советы. Я положил правое предплечье на колено и закрыл глаза, вспоминая первое возвращение Шеай в тело. Память подсовывала мне ворота, лицо Нэры, кровь на камне. Я пытался пройти мимо этого к самому ощущению, но всё было связано: чтобы вспомнить, как исчез меч, приходилось снова оказаться там, где я решил оставить его себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.